

ISSN 2073-6398

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Психология. Педагогика. Образование»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Psychology. Pedagogics. Education”

Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

1
2025

VESTNIK RGGU. Seriya "Psihologiya. Pedagogika. Obrazovanie"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Psychology. Pedagogics. Education" Series
Academic Journal

There are 4 issues of printed version of the journal a year

Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Psychology. Pedagogics. Education" Series is included in the Russian Science Citation Index; in the List of State Commission for Academic Degrees and Titles of peer-reviewed scientific publications, in which the essential research findings of dissertations for the Ph.D. and Dr. degrees in the following scientific specialties and the corresponding branches of science are to be published:

- 5.3.1. General psychology, Personality psychology, History of psychology
(Psychological sciences)
- 5.3.5. Social psychology, Political and economic psychology (Psychological sciences)
- 5.3.6. Medical psychology (Psychological sciences)
- 5.3.7. Age psychology (Psychological sciences)
- 5.8.1. General pedagogy, History of pedagogy and education (Education sciences)
- 5.8.2. Theory and methods of training and education (area and level related)
(Education sciences)

The purpose and subject of the journal. The RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" publishes original articles on various areas of modern scientific knowledge. The mission of the journal is to present interdisciplinary research on current issues in the theory, methodology and practice of psychological science, pedagogy and education. Publication and access to articles are free. Articles submitted to the editorial office undergo two-way anonymous reviewing. Journal sections: theoretical research, empirical research, methodological tools, works of young scientists. The journal publishes papers in Russian and English.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media. The registration certificate is PI No. FS77-61884 of May 25, 2015. The latest changes were made in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73401 of August 3, 2018.

Editorial staff office: bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047

Tel.: +7 (495) 250-71-31

E-mail: dep_ksp@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»

Научный журнал

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии
(психологические науки)
- 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология
(психологические науки)
- 5.3.6. Медицинская психология (психологические науки)
- 5.3.7. Возрастная психология (психологические науки)
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
(педагогические науки)
- 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания
(по областям и уровням образования) (педагогические науки)

Цель и тематика журнала. Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование» печатает оригинальные статьи по различным направлениям современного научного знания. Миссия журнала заключается в представлении междисциплинарных исследований по актуальным проблемам теории, методологии и практики психологической науки, педагогики и образования. Публикация и доступ к статьям бесплатные. Статьи, поступающие в редакцию, проходят двустороннее анонимное рецензирование. Рубрики журнала: теоретические исследования, эмпирические исследования, методический инструментарий, работы молодых ученых. Языки журнала: русский и английский.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61884 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73401 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

Тел.: +7 (495) 250-71-31

Электронный адрес: dep_ksp@rggu.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

D.A. Khoroshilov, Dr. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

T. Varis, Doctor of social sciences, professor, University of Tampere, Tampere, Finland (*by agreement*)

I.I. Vorontsova, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.V. Gavrichenko, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*release officer*)

L.A. Grigorovich, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.V. Guldan, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Central Clinical Psychiatric Hospital named after F.A. Usoltsev, Moscow, Russian Federation (*by agreement*)

S. Duggan, Vice president of Terawe Corporation, Member of UNESCO IITE Governing Board, Dublin, Ireland (*by agreement*)

T.P. Emelyanova, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation (*by agreement*)

G.G. Kravtsov, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.E. Kriger, Dr. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

R.R. Lamprecht, Dr. of Sci. (Philology), professor, University of Potsdam, Potsdam, Federal Republic of Germany (*by agreement*)

A.S. Nelubina, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.M. Mishina, Dr. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.R. Orestova, Dr. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

T.V. Ryabova, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.O. Soboleva, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

- I.V. Solodnikova*, Dr. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.Sh. Tkhostov*, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation (*by agreement*)
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- D.J. Hwang*, Ph.D., professor, Suangkyunkwan University, Seoul, Republic of Korea (*by agreement*)
- A.B. Kholmogorova*, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Moscow State University of Psychology and Education, Russian Federation (*by agreement*)
- K.I. Chizhova*, Cand. of Sci. (Pedagogics), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.K. Schabelnikov*, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editor

O.V. Gavrichenko, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Д.А. Хорошилов, доктор психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Т. Варис, доктор социальных наук, профессор, Университет Тампере, Тампере, Финляндия *(по согласованию)*

И.И. Воронцова, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Гавриченко, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация *(ответственный секретарь)*

Л.А. Григорович, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.В. Гульдан, доктор психологических наук, профессор, Центральная клиническая психиатрическая больница (ЦКПБ) имени Ф.А. Усольцева, Москва, Российская Федерация *(по согласованию)*

С. Дагган, вице-президент корпорации “Teagawe”, член совета управляющих ИИТО ЮНЕСКО, Дублин, Ирландия *(по согласованию)*

Т.П. Емельянова, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация *(по согласованию)*

Г.Г. Кравцов, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.Э. Кригер, доктор психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Р.Р. Ламптрехт, доктор филологических наук, профессор, Потсдамский университет, Потсдам, Федеративная Республика Германия *(по согласованию)*

А.С. Нелюбина, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.М. Мишина, доктор психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- В.Р. Орестова*, доктор психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)
- Т.В. Рябова*, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- М.О. Соболева*, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Солодникова*, доктор социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.Ш. Тхостов*, доктор психологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ имени М.В. Ломоносова), Москва, Российская Федерация (*по согласованию*)
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Д.Д. Хван*, Ph.D., профессор, Университет Суангюнкван, Сеул, Республика Корея (*по согласованию*)
- А.Б. Холмогорова*, доктор психологических наук, профессор, Московский государственный психолого-педагогический университет (МППУ), Москва, Российская Федерация (*по согласованию*)
- К.И. Чижова*, кандидат педагогических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.К. Шабельников*, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск

О.В. Гавриченко, кандидат психологических наук, доцент, РГГУ

CONTENTS

Theoretical research

- Marina S. Guseltseva*
Changing ideas about socialization in connection
with the transformations of modernity 10

Empirical research

- Tatyana P. Emelyanova, Eva N. Vikentieva*
Pre-retirement people's representations about retirement
in relation to the time perspective of the future 36

- Guzeliya R. Khuzeeva, Tatyana P. Avdulova,
Tatyana V. Krotova, Ksenia O. Gaidukova*
The features of ideas about parenthood and adoption
of a parental position 55

- Andrey S. Moiseev, Natalia V. Kostogorova*
Differences in the attitudes of mothers and fathers towards adolescents
in full and incomplete Russian families 70

- Dmitry D. Antonov, Irina V. Solodnikova*
Time-dependent personalities' perspective and career aspiration
in the early adulthood 92

- Dilyara N. Efremova, Andrey V. Metzler,
Yuliya S. Kuznetsova*
Meaning-life orientations of the elderly
and seniors living in the gerontocenter 108

Methodological tools

- Marina V. Grigoryeva*
Modified method of diagnosing the adaptive readiness
of the individual 127

Works of Young Scientists

- Polina O. Krivvykh*
Genetic and psychophysiological aspects of Alzheimer's disease.
A review of modern research 144

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретические исследования

- Марина С. Гусельцева*
Изменение представлений о социализации
в связи с трансформациями современности 10

Эмпирические исследования

- Татьяна П. Емельянова, Ева Н. Викентьева*
Представления предпенсионеров о выходе на пенсию
во взаимосвязи с временной перспективой будущего 36

- Гузелия Р. Хузеева, Татьяна П. Авдулова,
Татьяна В. Кротова, Ксения О. Гайдукова*
Особенности представлений о родительстве
и принятие родительской позиции 55

- Андрей С. Моисеев, Наталья В. Костогорова*
Различия отношения матерей и отцов к подросткам
в полных и неполных российских семьях 70

- Дмитрий Д. Антонов, Ирина В. Солодникова*
Временная перспектива личности и карьерные намерения
в ранней взрослости 92

- Диляра Н. Ефремова, Андрей В. Мецлер,
Юлия С. Кузнецова*
Смыслоразнозначные ориентации людей пожилого
и старческого возраста, проживающих в геронтоцентре 108

Методический инструментарий

- Марина В. Григорьева*
Модифицированная методика диагностики адаптационной
готовности личности 127

Работы молодых ученых

- Полина О. Кривых*
Генетические и психофизиологические аспекты
болезни Альцгеймера: обзор современных исследований 144

Изменение представлений о социализации в связи с трансформациями современности

Марина С. Гусельцева

Федеральный научный центр

психологических и междисциплинарных исследований

Москва, Россия, mguseltseva@mail.ru

Аннотация. Обсуждаются изменения представлений о социализации подрастающих поколений, обусловленные текущими трансформациями современности, среди которых представители социальных наук выделяют процессы глобализации, цифровизации и креолизации – зарождение в результате стихийного смешивания новых поведенческих форм, социальных норм и культурных практик. Интеграция и взаимное проникновение этих процессов создают многослойную и противоречивую идентичность современного человека, с одной стороны, объединяя в единой структуре личности локальные и глобальный уровни идентичности, а с другой – делая уязвимой стабильность самой этой структуры. Усложнение социализации в условиях современной жизни, ее вариативность и многоканальность, внутренняя противоречивость и нелинейная динамика повлекли за собой разработку новых методологических подходов и исследовательских стратегий, ревизию канонических теорий. В современных представлениях о социализации существенно усилилась роль субъектности, агентности и интерактивности подрастающих поколений. Современные концепции группируются вокруг трех ключевых идей. Во-первых, социализация – это двунаправленный процесс, включающий влияние как родителей на детей, так и детей на родителей. Во-вторых, дети и родители, общаясь и взаимодействуя друг с другом, создают новый социальный опыт. В-третьих, интеракции субъектов и агентов социализации порождают нелинейные, качественные изменения личности, и в этих интеракциях стихийно возникают новые социальные практики. Современные концепции социализации фокусируются на изменениях контекста, уделяют больше внимания периоду взросления, а не детства. Диапазон исследовательских тем включает изменение активности ребенка при переходе от семьи к освоению более разнообразного мира; движение от социализации к самосоциализации; раскрытие многогранной природы социализации в позднем возрасте;

трансформации процессов социализации в связи с ростом продолжительности и качества жизни; изучение пожилых людей одновременно как агентов и целей социализации; воздействие на процессы социализации цифровых технологий, социальных сетей, гаджетов и полимедиа.

Ключевые слова: методология, трансформации современности, концепции социализации, трансдисциплинарный подход

Для цитирования: Гусельцева М.С. Изменение представлений о социализации в связи с трансформациями современности // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2025. № 1. С. 10–35. DOI: 10.28995/2073-6398-2025-1-10-35

Changing ideas about socialization in connection with the transformations of modernity

Marina S. Guseltseva

*Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research,
Moscow, Russia, mguseltseva@mail.ru*

Abstract. The article discusses changes in the understanding of socialization processes for younger generations, driven by current transformations. Social scientists highlight among them the processes of globalization, digitalization, and creolization – the emergence of new behavioral forms, social norms, and cultural practices as a result of the spontaneous merging. The integration and mutual penetration of the above processes create a multi-layered and contradictory identity of a modern person, on the one hand, uniting local and global levels of identity in a single personality structure, and on the other hand, making the stability of the structure itself vulnerable. The complexities of socialization in contemporary life, its variability, multi-channel nature, and nonlinear dynamics have led to the development of new methodological approaches and research strategies, along with a reevaluation of canonical theories. Modern perspectives on socialization have significantly strengthened the roles of agency, subjectivity, and interactivity among younger generations. Contemporary theories cluster around three key ideas. First, socialization is a bidirectional process, involving influences from parents on children and vice versa. Second, children and parents co-create new social experiences through mutual interaction. Third, interactions among socialization subjects and agents generate nonlinear, qualitative personality changes, giving rise to new social practices. Modern theories of socialization focus on contextual changes and pay greater attention to adolescence rather than early childhood. Research topics encompass the shift in a child's activity from family to engaging with a more diverse world; the progression from socialization to self-socialization; exploring

the many-sided nature of late-life socialization; transformations in socialization processes linked to increased life expectancy and quality of life; studying elderly individuals as both agents and targets of socialization; and analyzing the influence of digital technologies, social networks, gadgets, and polymedia on socialization processes.

Keywords: methodology, modern transformations, concepts of socialization, transdisciplinary approach

For citation: Guseltseva, M.S. (2025), “Changing ideas about socialization in connection with the transformations of modernity”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 1, pp. 10–35, DOI: 10.28995/2073-6398-2025-1-10-35

Введение: постановка проблемы

Современность характеризуется трансформациями социокультурного пространства и повседневной жизни человека. Методологическим следствием этих процессов в сфере психологии и социальных наук стала ревизия социально-психологических концепций XX в., изобретение новых терминов и способов описания, поиск релевантных подходов к изучению изменений. Если в прикладных областях внимание сосредоточено на стратегиях воспитания и социализации подрастающих поколений в условиях современности, то в теоретическом плане происходит осмысление этих процессов посредством трансдисциплинарной модели познания. Среди ведущих трансформаций современности представители социальных наук выделяют прежде всего процессы глобализации, цифровизации и креолизации [Многоликая глобализация 2004; Информационная эпоха 2010; Цифровое общество 2019; Globalization 2005; Eriksen 2003; Eriksen 2015].

Цель данной статьи – обсудить изменение представлений о социализации в связи с трансформациями современности.

Глобализация, информатизация и креолизация как тенденции современности

Термин «глобализация» получил распространение в научном дискурсе к концу XX в., а обозначаемое им явление представлено самыми разными концептуализациями. Изучением того, каким образом глобализация влияет на особенности социализации подрастающих поколений, все чаще занимаются международные

и междисциплинарные исследовательские коллективы, включающие как психологов, так и представителей иных социальных наук, теоретиков и практиков. Так, в коллективной монографии «Глобализация, неопределенность и молодежь в обществе» (Globalization, Uncertainty and Youth in Society) осуществлен сравнительный анализ особенностей социализации подрастающих поколений в условиях четырнадцати промышленно развитых современных обществ [Globalization 2005]. Авторы монографии обсуждают, как происходит взросление в эпоху глобализации и растущей неопределенности; какую роль играют социальные институты, работающие с различными группами молодежи; какое влияние современность оказывает на способность молодых людей принимать ответственные решения и прокладывать собственный жизненный курс в изменившемся мире [Globalization 2005].

Второй значимый процесс трансформаций современности получил название *информатизации*. Он связан также с разработкой понятий «дигитализация» (the digital), «цифровая среда», «информационная культура», «сетевая реальность», с анализом процессов информационной социализации и особенностей цифрового общества, поколенческих изменений, поведения личности в реальном и виртуальном пространстве, феноменом сетевого «я», а также с изучением того, как меняется идентичность человека при взаимодействии с гаджетами и полимедиа [Солдатова и др. 2017; Цифровое общество 2019; Madianou, Miller 2013; Madsen 2019; Miller et al. 2016].

Как всякий процесс социокультурных изменений, глобализация и цифровизация в аспектах воздействия на подрастающие поколения имеют две стороны: если в консервативной оптике на первый план выходят угрозы, то в прогрессистской перспективе внимание сосредоточено на инновационном потенциале и открывающихся возможностях. Позитивное влияние на развитие личности интернета, гаджетов и социальных сетей на сегодняшний день неплохо изучено. Прежде всего, это касается шансов для стигматизированных групп обрести друзей и единомышленников, повысив тем самым свой субъективный статус и жизненный тонус. Широкие горизонты открыты и для самообразования, например интерактивного изучения иностранных языков, освоения социальных и когнитивных навыков – от группового решения головоломок и развития пространственного мышления до тренировки скорости реакции [Kim et al. 2019; Morin 2024; Preventing Bullying 2016]. Так, ученые из Института поведенческой генетики Университета Колорадо пришли к выводу, что подростки, отдающие личное время экранам цифровых устройств, формируют более широкие сети

социальных контактов [Paulich et al. 2021]. Одновременно научно обоснован и эмпирически подтвержден не прямой вред использования детьми и подростками гаджетов и соцсетей, проявившийся в росте миопии и ожирения, поскольку современные дети изрядно времени проводят в закрытых помещениях, мало гуляют на свежем воздухе, практически не играют в подвижные игры [Asikainen et al. 2021; Brunes et al. 2015; Grøntved et al. 2015; Gunnell et al. 2016; Twenge, Campbell 2018]. Кроме того, негативное влияние гаджетов и соцсетей исследовалось в связи с разного рода аддикциями.

Между тем серия исследований, проведенных под руководством антрополога Д. Миллера, продемонстрировала, что *социальные сети не столько создают, сколько проявляют уже имеющиеся психологические проблемы детей и подростков*. Так, благополучные подростки с большей вероятностью используют гаджеты и социальные сети для продуктивного общения и саморазвития, тогда как неблагополучные дети и подростки несут собственные психологические проблемы в Интернет, ставший для подрастающих поколений расширенным пространством повседневности [Miller, Slater 2000; Miller et al. 2016].

В итоге ученые пришли к консенсусу, что гаджеты и социальные сети – лишь инструменты индивидуального и социального развития. Использование гаджетов детьми младшего возраста совместно с родителями способно повысить саморегуляцию ребенка, тогда как попустительство и замена ими общения с родителями, напротив, ведут к снижению параметров позитивного развития [Веракса и др. 2020]. Таким образом, практики умеренности и родительского контроля крайне необходимы при взаимодействии с гаджетами детей младшего возраста. Однако как избыточное и свободное использование ребенком гаджетов и социальных сетей, так и полный запрет на самостоятельное освоение Интернета в равной степени негативно влияют на цифровую социализацию, понимаемую как конструктивное овладение субъекта окружающей информационной средой.

Третий процесс, влияющий на условия социализации современных детей и подростков, получил название *креолизации*. Согласно норвежскому антропологу Э. Эриксену, креолизация представляет собой культурный феномен, обусловленный мобильностью и постоянными взаимообменами между разными социальными группами, в результате чего в социокультурном и информационном пространствах современности зарождаются новые поведенческие формы, социальные нормы и культурные практики [Eriksen 2003; Eriksen 2015]. В трактовке же шведского антрополога У. Ханнерца понятие «креолизация» относится к процессам культурного сли-

яния, совершающимся в более или менее открытом континууме разнообразия, в отношениях обмена между центром и периферией, способных распространиться вплоть до транснационального уровня. Эти процессы могут также характеризоваться неравным распределением власти, престижа и материальных ресурсов [Hannerz 2016].

Совокупность и взаимопроникновение процессов глобализации, информационной открытости, социальной мобильности, креолизации и гибридизации делает идентичность современного человека противоречивой и многослойной, объединяя, с одной стороны, в единой структуре личности локальные и глобальный уровни идентичности, а с другой – нарушая стабильность этой структуры. Между тем, переживая постоянство изменений как свою повседневность, подрастающие поколения начинают воспринимать трансформации современности как новую норму, а исследующие эти процессы ученые, в свою очередь, создают концептуализации, в которых личность рассматривается в непрестанном развитии, а процессы социализации сопровождают человека на протяжении всей его жизни.

Таким образом, усложнение социализации, ее вариативность и многоканальность, внутренняя противоречивость и нелинейная динамика потребовали разработки новых концепций и понятий ресоциализации, десоциализации, мультисоциализации, постсоциализации и т. п. [Марцинковская 2018; Handbook of Socialization 2015; Pathways 2009]. Кардинальные изменения современности повлекли за собой поиск исследовательских стратегий и новых методологических подходов, ревизию канонических социальных и психологических теорий.

Общее представление о социализации

Несмотря на изменившиеся условия современности, большинство психологических теорий сохранили объяснительную силу относительно общих представлений о социализации детей и подростков. Положения, касающиеся социального развития человека, обрели даже большую четкость, а вот радикальные гипотезы, касающиеся, например, несомненной пользы или однозначно вредного воздействия компьютерных игр на подростковую психику, были опровергнуты [Handbook of Socialization 2015].

Социализация в широком смысле слова означает приобщение подрастающих поколений к культуре, нормам и ценностям того или иного общества. Социализация предполагает усвоение поведенческих правил, социальных ролей, стандартов и ценностей в со-

циальной и персональной, эмоциональной и когнитивной сферах. Однако в современной интерпретации социализация – это улица с двусторонним движением, где развитие личности человека в значительной степени определяется его собственной активностью в освоении аксиологического и социокультурного пространства.

Социализация идет в современном обществе различными путями: через целенаправленные педагогические воздействия и стихийные культурные практики; посредством ритуалов и рутин повседневной жизни; при помощи агентов социализации, а также спонтанных, побочных эффектов ненамеренных социальных и коммуникативных взаимодействий.

Согласно большинству современных психологических теорий, социализация продолжается на протяжении всей жизни человека. Она осуществляется различными людьми, включая родителей, учителей, сверстников и сиблингов; в этом процессе активно участвуют социальные институты, такие как школы, учреждения дополнительного образования, средства массовой информации, Интернет и цифровая среда, рабочий коллектив и общекультурные заведения [Handbook of Socialization 2015].

В современных исследованиях социализации подчеркивается роль контекста и контекстуальной изменчивости.

Взаимодействие между стратегиями социализации также рассматривается как функция целого ряда других переменных, включая возраст, пол и настроение ребенка; характер отношений родитель–ребенок; изучаемую область поведения; и культурный контекст. Контекст придает смысл многому из того, что происходит в процессе социализации, и, как следствие этого, социализация не может быть понята независимо от имеющегося контекста [Handbook of Socialization 2015, с. 12].

Углубленное понимание социализации в современных исследованиях включает осмысление того, как *биологические и социокультурные факторы взаимодействуют между собой, переплетаясь сложным и не всегда предсказуемым образом*. Именно это делает более востребованными международные и транснациональные коммуникации ученых, междисциплинарные и трансдисциплинарные подходы. Как справедливо отмечают редакторы «Руководства по социализации» (“Handbook of Socialization”), изучение социализации как значимой области психологической науки достигло значительных успехов именно в последние десятилетия [Handbook of Socialization 2015]. В арсенале психологов появились более сложные методологические, концептуальные и статистические инструменты, а также широкий спектр теоретических перспектив и подходов. Важ-

ную роль сыграло изменение дисциплинарной матрицы познания, связанное с распространением полипарадигмальных и трансдисциплинарных подходов. Достижения в области генетики, новые работы по биологическим и гормональным регуляторным системам, а также изучение функций мозга позволили значительно обогатить анализ социализации и воздействие социального опыта на физическое и психическое развитие детей.

В связи с обозначенными выше транснациональными процессами глобализации, цифровизации и креолизации в современных исследованиях социализации появились новые темы и исследовательские направления. Так, одно из актуальных направлений касается более углубленного изучения эволюционных, биологических, генетических, неврологических и культурных аспектов социализации. Новой исследовательской задачей здесь выступило картирование взаимосвязей между различными подходами к процессу социализации.

Трансформации современности и концепции социализации

Социализация современных детей и подростков обусловлена не только факторами неопределенности, сложности и разнообразия [Dotlich et al. 2009], но и ускорением социокультурных, социально-исторических и социально-политических процессов. Мир меняется настолько стремительно, что ученые в области социальных наук вынуждены подвергать ревизии полученное знание, пересматривать исследовательские и методологические подходы, постоянно обновлять содержание теорий и учебных пособий. Так, например, уже во втором издании «Руководства по социализации» многие главы оказались полностью переработаны с учетом открывшихся перспектив и полученных новых фактов; возникли новые исследовательские темы, связанные с особенностями протекания подросткового возраста в трансформирующемся обществе, с перспективами профессиональной социализации на рабочем месте, последними достижениями нейронауки, изучением ценностей и морального развития [Handbook of Socialization 2015].

Среди изменений, произошедших за последние годы в исследованиях социализации, следует отметить, что если прежде ученым было относительно легко отделить семейное воспитание от школьного и дополнительного образования, а онлайн-формы повседневной жизни от офлайн-форм, то сегодня во многих областях окружающей действительности и в познавательных практиках

стали господствовать смешанные форматы. В связи с этим сложнее стало проводить границы между такими агентами социализации, как семья и виртуальные собеседники; с трудом поддаются разграничению внутрисемейное и внесемейное пространства.

Если в канонических концепциях социализации ученые придерживались представлений об универсальном жизненном цикле, включавшем младенчество, раннее детство, подростковый возраст, юность, раннюю зрелость, зрелость, пожилой возраст, старость, то современные исследователи предпочитают рассматривать социализацию в разнообразии ее контекстов, в конфигурации отношений и взаимосвязей, например учитывая в процессе социализации взаимодействия сиблингов, конкурирующее влияние родителей и сверстников на разных этапах жизни подростка, роль гаджетов и средств массовой информации, разные доли участия субъекта в реальных и виртуальных актах коммуникации, насыщенность и разнообразие повседневной среды обитания и т. п. Однако по-прежнему рамочными контекстами для понимания процессов социализации в широком смысле слова служат «биология» и «культура». Биологические подходы фокусируют внимание на эволюционных и генетических механизмах, характеристиках темперамента, гормонального фона и работы мозга. Тогда как культурно ориентированные подходы прежде всего нацелены на выявление культуральных различий в процессах социализации, их интересуют особенности аккультурации, формирование культурных репертуаров поведения и роль культуры в эмоциональных, когнитивных проявлениях субъекта.

В современных исследованиях пристальное внимание уделяется социализации в период взросления: изменению активности ребенка в переходе от семьи к освоению более разнообразного мира; движению от социализации к самосоциализации (self-socialization); раскрытию многогранной природы социализации в позднем возрасте; изменениям процессов социализации человека в связи с ростом продолжительности и качества жизни; а также изучение пожилых людей одновременно как и агентов, и целей социализации. Помимо этого, социализация изучается в контекстах семейного разнообразия, вариативности культурных норм и стилей жизни в современном обществе.

Практически ориентированное направление исследований фокусирует внимание на особенностях социализации детей и подростков в учебных заведениях и институтах дополнительного образования. Средства массовой информации также рассматриваются как агенты социализации, этим обусловлено изучение профессиональной или организационной социализации, способов

адаптации субъекта к новым социальным ролям, коллегам и организациям.

Особенности социализации в ситуации быстрых культурных изменений

В условиях современной культуры, «под воздействием новых технологий, войн, изменений климата, эпидемий и, в последних поколениях, контрацепции» субъекты способны довольно быстро меняться, отмечает специалист в области психологии развития Э. Маккоби [Massoby 2015, р. 3].

В настоящее время исследователи стремятся дифференцировать различные режимы социализации подрастающих поколений, например, выделяя «жесткую» и «мягкую» транзитивность [Марцинковская 2019], описывая особенности жесткой и гибкой социализации [Massoby 2015].

Так, обсуждая динамику современного общества в категориях транзитивности, т. е. переживания субъектами современности неопределенности, изменчивости и многослойности социокультурной реальности, Т.Д. Марцинковская выделяет два аспекта или две фазы развития этой ситуации, а именно – состояние жесткой, или кризисной, и текучей, или мягкой, транзитивности. Два состояния социокультурной среды предполагают соответственно и разные режимы социализации. В условиях резких трансформаций, культурных кризисов, слома привычной повседневной жизни, перестроек, миграций и т. д. жесткие способы социализации могут оказаться менее успешными, нежели ее гибкие формы. В ситуации же текучей транзитивности, связанной с незначительными, но постоянными изменениями ценностей, эталонов, образов жизни, социальных норм, поведенческих стратегий, равно адаптивными могут быть как жесткие, так и гибкие режимы социализации [Марцинковская 2019].

Важность гибкой социализации, согласно Э. Маккоби, многократно возрастает в эпоху быстрых культурных изменений. Жесткая социализация означает культурную передачу опыта прежде всего от старших поколений к младшим, обучение последних социальным навыкам, моделям поведения, ценностям и мотивациям, являющимися эталонными для этого типа культуры. В свою очередь, гибкая социализация предполагает, что подрастающие поколения самостоятельно осваивают структуры и модели социального опыта, которые существенно отличаются от поколенческих моделей их родителей. Помимо этого, в режимы гибкой

социализации вовлечены не только старшие поколения (учителя, родители), но и сверстники. Здесь более широко представлены и отличаются большим разнообразием малые социальные группы и сообщества, несущие в том числе и маргинальные культурные традиции [Massoby 2015].

Хотя психологические теории, фокусирующиеся на том, какую важную роль играет социализация в детском возрасте и какие глубокие следы оставляет ранний культурный опыт, все еще достаточно релевантны, в современных концепциях подчеркивается, что процессы социализации совершаются на протяжении всей жизни человека. Последнему в немалой степени способствуют культурные изменения и социальные трансформации, побуждающие субъектов современности к освоению новых профессий, обретению инновационного опыта и перестройке сложившихся моделей социального поведения под давлением изменившихся условий повседневной жизни. Если в раннем возрасте ведущими каналами социализации выступают семья и близкие родственники, то в дальнейшем ключевую роль начинают играть образовательные и религиозные учреждения, работодатели, друзья и партнеры.

Отдельной задачей в исследованиях Э. Маккоби было изучение того, как менялись концепции социализации в связи с социокультурными изменениями современности – глобализацией, цифровизацией, креолизацией, возросшей социальной мобильностью, разнообразием стилей жизни и т. п. Э. Маккоби отмечает, что, если в психологических теориях XX в. социализация интерпретировалась как процесс привития ребенку правильных представлений и привычек, где взрослые выступают в роли учителей, а дети – в роли учеников, то современные концепции социализации делают фокусом внимания то, как дети обучаются в процессах коммуникации со сверстниками, подчеркивают активную роль субъекта в выборе ценностей и конструировании собственной жизни [Massoby 2015].

В ряде других исследований также было показано, что именно сверстники вносят существенный вклад в создание ребенком собственных представлений и стандартов поведения, и по этой причине не следует рассматривать социализацию лишь как простое принятие ребенком культурных моделей и стандартов взрослых [Harris 2000; Bugental, Grusec 2006].

Отнюдь не утратили актуальности и классические работы К. Левина и А. Болдуина, показавшие в 1930–1940 гг., что открытый, доброжелательный и демократический стиль воспитания способствует лучшему интеллектуальному развитию детей, а также их большей креативности, спонтанности и меньшей тревожности, нежели авторитарный и попустительский стили. Позднее

в аналогичных исследованиях Д. Баумринд выделила авторитарный, разрешительный и авторитетный стили социализации [Baumrind 2012].

Эмпирические исследования эффективного родительства продемонстрировали необходимость сочетания демократического стиля воспитания с твердым следованием определенным правилам, требованиям и ценностям. Так, эффективные родители хотя и последовательны в намеченных целях, тем не менее способны к гибкой адаптации поведенческих стратегий к быстроменяющимся контекстам, сочетанию твердости с гибкостью. В свою очередь, доверительные отношения с детьми побуждают их добровольно, а не под принуждением следовать тем или иным моделям поведения. Более того, *выраженная субъектность детей отнюдь не является несовместимой с выраженной субъектностью родителей.*

Э. Маккоби подчеркивает, что применительно к функционированию семьи наиболее важным аспектом динамических системных теорий является тот факт, что эти системы рассматриваются в качестве самоуравновешивающихся. Это означает, что ребенок и родитель взаимодействуют таким образом, чтобы поведение партнера можно было удерживать в субъективно приемлемых границах. При этом если один человек в системе выходит за рамки дозволенного, в которых семья функционирует в своей повседневной жизни, то другие члены начинают реагировать таким образом, чтобы равновесие было восстановлено. Разумеется, динамические семейные системы не только могут меняться, но и меняются со временем, однако «это самокорректирующее свойство систем является консервативной силой, служащей для смягчения изменений» [Massobu 2015, с. 22].

Важную роль среди современных психологических концепций занимают интерпретации социализации в аспекте поддержки способностей детей к саморегуляции. Напомним, что весомый вклад в эту область исследований внесли классические работы У. Мишела и его коллег. Уже начиная со второй половины XX в. дети в психологических концепциях стали рассматриваться как агенты своей собственной социализации. Однако вплоть до наших дней продолжают дискуссии о том, насколько велика роль родительского влияния на социализацию ребенка постпубертатного возраста [Гусельцева 2023].

Радикальная версия этой точки зрения заключается в том, что родители почти не социализируют своих детей – дети социализируются сами с помощью различных неродительских влияний. Более деликатная версия заключается в том, что всем родителям удастся социализировать своих детей до некоторого базового уровня неза-

висимо от их методов, но различия в воспитании выше этого уровня объясняют очень небольшую дисперсию в результатах детей [Massoby 2015, p. 15].

Изменения в концептуализациях социализации Э. Маккоби подытоживает следующим образом:

- 1) демократический, или авторитетный стиль воспитания, трансформировавшись в современных интерпретациях во взаимную отзывчивость детей и родителей, был включен в анализ интерактивных процессов между воспитывающими и воспитуемыми;
- 2) хотя интернализация ценностей и социальных норм все еще остается центральным процессом в изучении социализации, она более не интерпретируется как продукт идентификации ребенка с родителями, а скорее рассматривается в контексте развития его саморегуляции;
- 3) произошел кардинальный сдвиг от изучения в психологии XX в. родительских «черт» к признанию относительности, вариативности, ситуативной и контекстуальной изменчивости в родительских практиках, а также от изучения ребенка в семейном окружении к изучению семьи как саморегулирующейся системы, к сравнительному анализу особенностей развития сиблингов [Massoby 2015].

В целом же следует отметить, что канонические и современные концепции социализации не столько вступают между собой в противоречие, сколько дополняют друг друга в более широкой интерпретационной рамке трансдисциплинарных и полипарадигмальных подходов.

Особенности социализации в пожилом возрасте

Увеличение продолжительности жизни в условиях современности также нашло отражение в концепциях социализации. В совместном исследовании Г. Луонг и К. Фингерман показывают, что «пожилой возраст способен предложить уникальные перспективы для концептуализации социализации» [Luong, Fingerman 2015, с. 126]. Пожилые люди представлены здесь одновременно как агенты и цели социализации, а сама социализация проинтерпретирована в концептуальных рамках многогранности ее природы. Соавторы подчеркивают, что вынужденная адаптация к положительным и отрицательным изменениям собственного статуса, самочувствия,

физического облика, а также накопленный жизненный опыт делают социализацию в пожилом возрасте принципиально отличной от социализации на протяжении иных этапов персонификации. Авторское определение социализации

...включает процессы, посредством которых люди усваивают опыт из своего социального мира таким образом, чтобы это изменяло их поведение, убеждения, самочувствие и эмоции [Luong, Fingerman 2015, p. 110].

Если в раннем возрасте социализация направлена на будущее и ориентирована на подготовку молодежи к решению задач взрослой социальной жизни, то временная перспектива социализации в пожилом возрасте более многогранна: во-первых, пожилые люди, как правило, все еще озабочены собственным будущим; во-вторых, они имеют насыщенное прошлое; в-третьих, вынуждены фокусировать ресурсы на вызовах и стремлениях настоящего. Более того, пожилые люди выступают в двойной роли: с одной стороны, по отношению к собственным внукам они являются агентами социализации; они способны влиять как на своих социальных партнеров, так и на последующие поколения; с другой стороны, пожилые люди представляют цели социализации применительно к самим себе, например, они используют собственную индивидуальную деятельность как средство воздействия «на то, как и кем они социализируются» [Luong, Fingerman 2015, p. 110]. Основными агентами, участвующими в социализации пожилых людей, выступают их социальные партнеры, а в более широком плане – общество и культура [Luong, Fingerman 2015].

С наступлением зрелого возраста субъекты современности становятся все более ответственными за собственную социализацию. Среди возможных форм контроля над собственной жизнью исследователи выделяют разновидности *первичного контроля* – прежде всего поведенческие попытки влияния на внешние сопутствующие обстоятельства и *вторичный контроль* – поведенческие и когнитивные реакции, способствующие саморегуляции внутреннего опыта.

Обрисовывая методологические перспективы изучения социализации в пожилом возрасте, Г. Луонг и К. Фингерман привлекают внимание к рабочим материалам, изрядно накопленным в геронтологических исследованиях. Хотя в них основательно изучены роли социальных партнеров и культурных институтов в процессе старения, эти исследования до последнего времени не были концептуализированными в терминах социализации как таковой [Luong, Fingerman 2015].

Наряду с этим сравнительный социокультурный анализ показывает, что азиатские культуры, как правило, поддерживают более позитивные взгляды на старение, нежели европейские и американская культуры. Подобные результаты также обусловлены тем, являются ли сами респонденты относительно молодыми или старыми людьми [Luong, Fingerman 2015]. Г. Луонг и К. Фингерман подчеркивают важную роль культуры в развитии личности пожилых людей, ибо социализация в пожилом возрасте находится «под сильным влиянием культурных норм, включая распространенные стереотипы, взгляды на старение, а также социальные структуры и иерархии» [Luong, Fingerman 2015, p. 120]. К преимуществам пожилого возраста они относят избирательность в выборе социальных партнеров. Также пожилые люди весьма искусны в оптимизации эмоционального благополучия в своих коммуникативных сетях, ведь этот социальный навык они тренировали на протяжении предыдущей жизни. В сравнении с молодыми людьми при оценке потенциальных социальных партнеров субъекты пожилого возраста чаще фокусируются на диагностической информации о ценностях и моральном поведении [Luong, Fingerman 2015]. В отличие от молодежи, пожилые люди предпочитают избегать конфликтов со своими социальными партнерами или же игнорировать, если партнер делает нечто раздражающее. Другие исследователи социализации в пожилом возрасте также полагают, что подобные стратегии избегания конфликтов служат наиболее эффективными способами разрешения сложных межличностных ситуаций.

Хотя информатизация и цифровизация внесли свой вклад в социализацию людей пожилого возраста, поведенческие стратегии их привычных коммуникаций не сильно отличаются от поведения в социальных сетях. Наибольшие расхождения связаны с выбором каналов информационной социализации. По сравнению с молодыми людьми пожилые люди менее подвержены воздействию средств массовой информации, транслирующих культурные образцы, тогда как молодые люди используют широкую палитру культурных медиа – популярную музыку, кинофильмы, социальные сети и интернет-блоги – для построения собственной идентичности. Г. Луонг и К. Фингерман замечают, что «контент и реклама в этих медиа, как правило, нацелены на подростков и молодых людей, а не на людей старшего возраста» [Luong, Fingerman 2015, p. 122].

Таким образом, социализация в пожилом возрасте отличается иным характером межличностной динамики, пределами пластичности и достижениями, нежели на более ранних жизненных этапах. Осмысление же в современных психологических исследованиях

социализации как процесса, совершающегося на протяжении всей жизни человека, предполагающего развитие личности даже в самые поздние годы жизни, открывает новые перспективы концептуализации этого процесса.

*Изменение представлений о социализации
в связи с текучестью и разнообразием
стилей жизни в условиях современности*

На протяжении XX в. «теории социализации имели тенденцию быть однонаправленными и детерминированными», отмечают Л. Кучински, М. Паркин и Р. Питман [Kuczynski et al. 2015, р. 135]. В свете этой парадигмы родители изображались как активные участники процесса социализации, передающие ценности и контролирующие правильное поведение детей, тогда как дети представляли пассивными продуктами социализации. Межпоколенческая преемственность охватывалась каноническими концепциями социализации, а перед воспитателями стояли задачи добиться того, чтобы подрастающие поколения соответствовали нормам и ожиданиям предыдущих поколений.

Современные же концепции социализации уделяют больше внимания *механизмам* межпоколенческих изменений. Едва ли не консенсусным сделалось представление, согласно которому социализация продолжается на протяжении всей жизни человека, субъекты современности продолжают развиваться и осваивать новые навыки, меняют модели поведения, воспринимают (или, напротив, отторгают) новые идеи и ценности, «необходимые для компетентного функционирования в постоянно меняющемся социальном контексте» [Kuczynski et al. 2015, р. 135]. В этой ситуации *ожидаемыми результатами социализации стали выступать не столько межпоколенческая преемственность, сколько межпоколенческие изменения.*

Современные концепции социализации группируются вокруг трех ключевых идей. Во-первых, социализация – это двунаправленный процесс, включающий влияние как родителей на детей, так и детей на родителей. Во-вторых, и дети, и родители в общении и взаимодействии друг с другом создают новый опыт. В-третьих, интеракции субъектов и агентов социализации порождают нелинейные, нередко латентные, качественные изменения личности, в них стихийно возникают и новые социальные практики.

В качестве релевантного методологического подхода к изучению процессов социализации детей и подростков в условиях ме-

нящегося современного мира Л. Кучински, М. Паркин и Р. Питман предлагают обратиться к *диалектике* как широкой концептуальной рамке для обсуждения и сравнительного анализа новых исследовательских направлений в этой области [Kuczynski et al. 2015]. Согласно авторам, диалектика есть «метатеория о динамической и контекстуализированной природе всех явлений» [Kuczynski et al. 2015, p. 137]. Она может быть передана посредством метафор, таких как охватывающий причинную структуру диалектических систем символ Инь-Ян в китайской философии или как «тезис-антитезис-синтез» в западной гегелевской философии, демонстрирующий нелинейную модель диалектической причинности. Ключевая особенность диалектики заключена в том, что все явления и процессы вовлечены в систему противоборствующих сил, обеспечивающую как целостный контекст, так и активную взаимосвязь компонентов системы, производящих непрерывность качественных изменений. Л. Кучински, М. Паркин и Р. Питман настаивают, что причинность в диалектике такого рода является не прямой, а системной. Она возникает, с одной стороны, из особенностей активных, самоорганизующихся компонентов системы, а с другой – благодаря свойствам целостности системы, частью которой они являются.

Разрешающие возможности методологической оптики диалектического подхода описываются соавторами следующим образом:

Принятие диалектической перспективы аналогично переходу от механистической линзы, которая рассматривает социализацию как средство межпоколенческой преемственности, к диалектической линзе, которая представляет социализацию как динамический процесс, который также способствует различиям между поколениями. Возможно, более подходящая метафора – считать диалектику многофокусной линзой, которая позволяет исследователям создать комплексное представление о целом явлении, а также о его составляющих чертах, проникая в суть через различные аспекты, которые предлагает эта линза [Kuczynski et al. 2015, p. 152].

Применительно к современным концепциям социализации,

...диалектические модели двунаправленного влияния рассматривают социальные взаимодействия родителей и детей как процесс нелинейной трансформации, в котором родители и дети действуют как самоорганизующиеся агенты, которые связаны в качестве взаимозависимых компонентов более крупной системы [Kuczynski et al. 2015, p. 137].

При этом соавторы отмечают, что четыре ключевых аспекта их диалектической модели – *агентность* (активные компоненты), *холизм*, *противоречие* и *синтез* – выступают основой для переосмысления имеющихся представлений о социализации и планирования направлений ее будущих исследований [Kuczynski et al. 2015].

Диалектическая модель выводит на передний план процессы взаимных обменов в коммуникациях детей и родителей, целей и агентов социализации. Хотя родители наделены большим разнообразием индивидуальных ресурсов, включающих физическую силу, когнитивные навыки, жизненный опыт, и это позволяет им принуждать или убеждать своих детей, особенно в раннем детстве, в реальной жизненной практике дети отнюдь не являются инструментально бессильными относительно подобного рода воздействий. Родители инициируют траектории детского развития, выбирают среду, из которой дети черпают опыт, инвестируют ресурсы в определенные виды деятельности, однако ребенок также активно участвует в процессе своей социализации. К тому же в условиях современности родители не всегда воспринимаются, особенно подростками, как понимающие и предлагающие адекватные модели успешной взрослости в конкретной культуре в конкретный момент времени. Тем не менее «родители могут быть посредниками в выбранных ребенком траекториях, помогая ему преодолевать препятствия и избегать проблемных траекторий» [Kuczynski et al. 2015, p. 152].

Сама по себе асимметрия между родителями и их детьми пребывает во временном континууме в потоке изменений и варьируется в зависимости от контекста. Подобная «взаимозависимость родителей и ребенка означает, что родители уязвимы и восприимчивы к влиянию своих детей, несмотря на различия в относительном количестве различных ресурсов» [Kuczynski et al. 2015, p. 140]. Предложенная диалектическим подходом концептуальная рамка обеспечивает расширенную перспективу изучения возможностей того, чего способны достичь родители в качестве агентов социализации, но также фокусирует внимание и на ранее ускользающих из поля внимания аспектах детской агентности по отношению к собственным родителям и воспитателям [Kuczynski et al. 2015].

Современные концепции социализации отличаются от классических большей нюансированностью и вниманием к меняющимся контекстам и ранее игнорируемым деталям. Так, например, исследователи обсуждают отличия социальных отношений от социальных взаимодействий. Если первые более длительны и непрерывны, то социальные взаимодействия, напротив, являются кратковременными и дискретными [Handbook of Socialization 2015]. В исследованиях Э. Маккоби и Дж. Мартина было продемонстрировано, что

основой восприимчивости детей к родительскому влиянию служат вовсе не стратегии родительской дисциплины, а сформировавшийся на ранней стадии социальных отношений детский опыт взаимного сотрудничества [Maccoby, Martin 1983]. В свою очередь, изучение отношений детей и родителей с позиции меняющихся социальных контекстов и динамических процессов позволило прийти к выводу, что авторитарный, разрешительный и авторитетный стили воспитания [Baumrind 2012] отражают не педагогические стратегии, а именно различные контексты детско-родительских взаимоотношений. Помимо того, что родители и дети «вынуждены приспосабливаться к действиям и выбору друг друга» [Kuczynski et al. 2015, p. 147], их отношения встроены в социокультурные системы: «культура важна для понимания процессов социализации и динамики двунаправленности, агентства и власти во взаимодействиях родитель–ребенок» [Kuczynski et al. 2015, p. 147].

В свою очередь, Дж. Грусек и М. Давидов отмечают, что «социализация происходит в различных областях, причем каждая из этих областей отмечена другой формой социального взаимодействия» [Grusec, Davidov 2015, p. 158]. Несмотря на то что родители оказывают наиболее важное влияние на развитие детей, что отражено в концепциях социализации XX в., иные агенты социализации играют пусть менее заметную, но от того не менее значимую роль [Grusec, Davidov 2015]. Наряду с этим дети развивают собственные культурные репертуары, вовлекаясь в повседневные рутины и практики.

Таким образом, понимание социализации в качестве сложного, комплексного и многоканального процесса позволяет воспринимать отношения детей и родителей в ракурсе постоянного взаимодействия не только в пределах семьи, но и широких внесемейных контекстов, включающих влияние аксиологической системы сверстников, воздействие потребляемой кинопродукции, роль кружков, школы и Интернета. Подобные многослойные социальные отношения и противоречивые ценностные контексты создают сегодня дополнительные возможности самоизменений субъектов современности.

Заключение и основные выводы

Канонические модели социализации опирались на представления о том, что умения и навыки, идеи и ценности передаются от мира взрослых к детям, от старших поколений к младшим, а дети рассматривались преимущественно как пассивные получатели культуры, где родители и учителя выступают агентами культурной

передачи. Однако на протяжении XX в. в концепциях социализации происходили изменения, включающие движение от изучения ребенка как такового к взаимодействию разных детей в семье, их отношениям в диадах и триадах; от социализации как закономерного и универсального процесса к выявлению особенностей внутрисемейной социализации, анализу семьи в качестве самонастраивающейся системы; от линейной социализации к нелинейной и многоканальной, а также фокусировка на усилившейся роли субъектности, разнообразии внешних факторов, расширению каналов социализации, усилению значимости самоконтроля субъекта над процессами собственной социализации и т. п. Наряду с этим технологические изменения привели к появлению концепций информационной и цифровой социализации.

Также в современных концепциях социализации произошел переход от универсальных концепций детского развития к идеям вариативности и разнообразия, изучению индивидуальных жизненных стратегий, повышенного внимания к меняющимся социальным ситуациям и контекстуальным изменениям.

Между тем канонические и современные концепции социализации не столько вступают между собой в противоречие, сколько дополняют друг друга в более широкой интерпретационной рамке трансдисциплинарных и полипарадигмальных подходов.

Все это наводит на мысль, что в методологическом плане изучение социализации подвержено тем же процессам и тенденциям, которые переживает и современная психология в целом, а именно: движение от конкуренции и борьбы за доминирование отдельных психологических концепций к ценности полипарадигмальных подходов, меж- и трансдисциплинарного знания; от построения универсальных моделей детского развития к фокусированию на ситуативной и контекстуальной специфичности; придание в конкретных исследованиях большей значимости субъектности, влиянию социокультурных и межкультурных факторов.

Благодарности

Статья выполнена в рамках госзадания, проект FNRE-2024-0016.

Acknowledgments

The article was carried out within the State Assignment, project FNRE-2024-0016.

Литература

- Веракса и др. 2020 – *Веракса А.Н., Алмазова О.В., Бухаленкова Д.А., Чичина Е.А.* Особенности использования цифровых устройств современными дошкольниками // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 82–92.
- Гусельцева 2023 – *Гусельцева М.С.* Джудит Рич Харрис и ее концепция социализации: критические аспекты // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2023. № 4. С. 32–55.
- Информационная эпоха 2010 – Информационная эпоха: вызовы человеку / Под ред. И.Ю. Алексеевой, А.Ю. Сидорова. М.: РОССПЭН, 2010. 335 с.
- Марцинковская 2018 – *Марцинковская Т.Д.* Идентичность в транзитивном и виртуальном пространстве // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 4 (14). С. 11–20.
- Марцинковская 2019 – *Марцинковская Т.Д.* Информационное пространство транзитивного общества: проблемы и перспективы развития // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 77–96.
- Многоликая глобализация 2004 – Многоликая глобализация: Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П.Л. Бергера, С.П. Хантингтона. М.: Аспект Пресс, 2004. 379 с.
- Солдатова и др. 2017 – *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А.* Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с.
- Цифровое общество 2019 – Цифровое общество в культурно-исторической парадигме: Коллективная монография / Под ред. Т.Д. Марцинковской, В.Р. Орестовой, О.В. Гавриченко. М.: МПГУ, 2019. 264 с.
- Asikainen et al. 2021 – *Asikainen M., Kylläinen A., Mäkelä T.E., Saarenpää-Heikkilä O., Paavonen E.J.* Exposure to electronic media was negatively associated with speech and language development at 18 and 24 months // Acta Paediatrica. 2021. Vol. 110. Iss. 11. P. 1–8.
- Baumrind 2012 – *Baumrind D.* Differentiating between confrontive and coercive kinds of parental power-assertive disciplinary practices // Human Development. 2012. Vol. 55. P. 35–51.
- Brunes et al. 2015 – *Brunes A., Flanders W.D., Augestad L.B.* Physical activity, screen time and self-rated health and mental health in Canadian adolescents // Preventive Medicine. 2015. Vol. 73. P. 112–116.
- Bugental, Grusec 2006 – *Bugental D.B., Grusec J.E.* Socialization processes // Handbook of child psychology. Vol. 3. Social, Emotional, and Personality Development / Ed. by N. Eisenberg. Hoboken: Wiley, 2006. P. 366–428.
- Dotlich et al. 2009 – *Dotlich D.L., Cairo P.C., Rhinesmith S.H.* Leading in times of crisis: navigating through complexity, diversity, and uncertainty to save your business. San Francisco: Wiley, 2009. 240 p.
- Eriksen 2003 – *Eriksen T.H.* Creolization and creativity // Global Networks. 2003. Vol. 3 (3). P. 223–237.

- Eriksen 2015 – *Eriksen T.H.* Small Places, Large Issues. An Introduction to Social and Cultural Anthropology. L.: Pluto Press, 2015. 362 p.
- Globalization 2005 – Globalization, Uncertainty and Youth in Society / Ed. by H.P. Blossfeld, E. Klijzing, M. Mills, K. Kurz. L.: Routledge, 2005. 452 p.
- Grøntved et al. 2015 – *Grøntved A., Singhammer J., Froberg K., Møller N.Ch.* A prospective study of screen time in adolescence and depression symptoms in young adulthood // Preventive Medicine. 2015. Vol. 81. P. 108–113.
- Grusec, Davidov 2015 – *Grusec J.E., Davidov M.* Analyzing Socialization from a Domain-Specific Perspective // Handbook of Socialization. Theory and Research / Ed. by J.E. Grusec, P.D. Hastings. N.Y.: The Guilford Press, 2015. P. 158–181.
- Gunnell et al. 2016 – *Gunnell K.E., Flament M.F., Buchholz A., Henderson K.A., Obeid N., Schubert N., Goldfield G.S.* Examining the bidirectional relationship between physical activity, screen time, and symptoms of anxiety and depression over time during adolescence // Preventive Medicine. 2016. Vol. 88. P. 147–152.
- Handbook of Socialization 2015 – Handbook of Socialization. Theory and Research / Ed. by J.E. Grusec, P.D. Hastings. N.Y.: The Guilford Press, 2015. 718 p.
- Hannerz 2016 – *Hannerz U.* Writing Future Worlds: An Anthropologist Explores Global Scenarios. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016. 295 p.
- Harris 2000 – *Harris J.R.* Socialization, personality development, and the child's environments // Developmental Psychology. 2000. Vol. 36. P. 699–710.
- Kim et al. 2019 – *Kim E.S., Hong Y.-J., Kim M., Kim E.J., Kim J.-J.* Relationship between Self-Esteem and Self-Consciousness in Adolescents: An Eye-Tracking Study // Psychiatry Investigation. 2019. Vol. 16 (4). P. 306–313.
- Kuczynski et al. 2015 – *Kuczynski L., Parkin M., Pitman R.* Socialization as Dynamic Process: A Dialectical, Transactional Perspective // Handbook of Socialization. Theory and Research / Ed. by J.E. Grusec, P.D. Hastings. N.Y.: The Guilford Press, 2015. P. 135–157.
- Luong, Fingerman 2015 – *Luong G., Fingerman K.* The Multifaceted nature of late-life Socialization Older Adults as Agents and Targets of Socialization // Handbook of Socialization. Theory and Research / Ed. by J.E. Grusec, P.D. Hastings. N.Y.: The Guilford Press, 2015. P. 109–134.
- Maccoby 2015 – *Maccoby E.E.* Historical overview of Socialization Research and theory // Handbook of Socialization. Theory and Research / Ed. by J.E. Grusec, P.D. Hastings. N. Y.: The Guilford Press, 2015. P. 3–35.
- Maccoby, Martin 1983 – *Maccoby E.E., Martin J.A.* Socialization in the context of the family: Parent–child interaction // Handbook of child psychology. Vol. 4: Socialization, personality, and social development / Ed. by P.H. Mussen, E.M. Hetherington. N. Y.: Wiley, 1983. P. 1–101.
- Madianou, Miller 2013 – *Madianou M., Miller D.* Polymedia: Towards a new theory of digital media in interpersonal communication // International Journal of Cultural Studies. 2013. Vol. 16 (2). P. 169–187.
- Madsen 2019 – *Madsen O.J.* Det digitale jeget // Samtiden. 2019. Vol. 127 (2). P. 70–75.

- Miller, Slater 2000 – *Miller D., Slater D.* The Internet: An Ethnographic Approach. Oxford: Berg, 2000. 217 p.
- Miller et al. 2016 – *Miller D., Costa E., Haynes N., McDonald T., Nicolescu R., Sinanan J., Spyer J., Venkatraman S., Wang X.* How the World Changed social media. L.: UCL Press, 2016. 286 p.
- Morin 2024 – *Morin A.* Surprising Ways Your Teen Benefits from social media // Parents. 2024. July 30. URL: <https://www.parents.com/benefits-of-social-media-8643539#citation-2> (дата обращения 25 октября 2024).
- Pathways 2009 – Pathways of human development: Explorations of change / Ed. by J.A. Mancini, K.A. Roberto. Lanham: Lexington Books, 2009. 410 p.
- Paulich et al. 2021 – *Paulich K.N., Ross J.M., Lessem J.M., Hewitt J.K.* Screen time and early adolescent mental health, academic, and social outcomes in 9- and 10-year old children: Utilizing the Adolescent Brain Cognitive Development (ABCD) Study // PLoS ONE. 2021. Vol. 16 (9). P. 1–23.
- Preventing Bullying 2016 – Preventing Bullying: through Science, Policy, and Practice / Ed. by F. Rivara, S. Le Menestrel. Washington: National Academies Press, 2016. 361 p.
- Twenge, Campbell 2018 – *Twenge J.M., Campbell W.K.* Associations between screen time and lower psychological well-being among children and adolescents: Evidence from a population-based study // Preventive Medicine Reports. 2018. Vol. 12. P. 271–283.

References

- Alekseeva, I.Yu. and Sidorov, A.Yu. (eds.) (2010), *Informatsionnaya epokha: vyzovy cheloveku* [The Information Age: Challenges to Man], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Asikainen, M., Kylliäinen, A., Mäkelä, T.E., Saarenpää-Heikkilä, O. and Paavonen, E.J. (2021), “Exposure to electronic media was negatively associated with speech and language development at 18 and 24 months”, *Acta Paediatric*, vol. 110, iss. 11, pp. 1–8.
- Baumrind, D. (2012), “Differentiating between confrontive and coercive kinds of parental power-assertive disciplinary practices”, *Human Development*, vol. 55, pp. 35–51.
- Berger, P. and Khantington, S. (eds.) (2004), *Mnogolikaya globalizatsiya: Kul'turnoe raznoobrazie v sovremennom mire* [Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World], Aspekt Press, Moscow, Russia.
- Blossfeld, H.P., Klijzing, E., Mills, M. and Kurz, K. (eds.) (2005), *Globalization, Uncertainty and Youth in Society*, Routledge, London, UK.
- Brunes, A., Flanders, W.D. and Augestad, L.B. (2015), “Physical activity, screen time and self-rated health and mental health in Canadian adolescents”, *Preventive Medicine*, vol. 73, pp. 112–116.

- Bugental, D.B. and Grusec, J.E. (2006), "Socialization processes", in Eisenberg, N. (ed.), *Handbook of child psychology. Vol. 3: Social, Emotional, and Personality Development*, 6th edn., Wiley, Hoboken, USA, pp. 366–428.
- Dotlich, D.L., Cairo, P.C. and Rhinesmith, S.H. (2009), *Leading in times of crisis: navigating through complexity, diversity, and uncertainty to save your business*, Wiley, San Francisco, USA.
- Eriksen, T.H. (2003), "Creolization and creativity", *Global Networks*, vol. 3 (3), pp. 223–237.
- Eriksen, T.H. (2015), *Small Places, Large Issues. An Introduction to Social and Cultural Anthropology*, Pluto Press, London, UK.
- Grontved, A., Singhammer, J., Froberg, K. and Møller, N.Ch. (2015), "A prospective study of screen time in adolescence and depression symptoms in young adulthood", *Preventive Medicine*, vol. 81, pp. 108–113.
- Grusec, J.E. and Davidov, M. (2015), "Analyzing Socialization from a Domain-Specific Perspective", in Grusec, J.E. and Hastings, P.D. (eds.), *Handbook of Socialization. Theory and Research*, The Guilford Press, New York, USA, pp. 158–181.
- Grusec, J.E. and Hastings, P.D. (eds.) (2015), *Handbook of Socialization. Theory and Research*, The Guilford Press, New York, USA.
- Gunnell, K.E., Flament, M.F., Buchholz, A., Henderson, K.A., Obeid, N., Schubert, N. and Goldfield, G.S. (2016), "Examining the bidirectional relationship between physical activity, screen time, and symptoms of anxiety and depression over time during adolescence", *Preventive Medicine*, vol. 88, pp. 147–152.
- Gusel'tseva, M.S. (2023), "Judith Rich Harris and her concept of socialization. Critical aspects", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 6, pp. 32–55.
- Hannerz, U. (2016), *Writing Future Worlds: An Anthropologist Explores Global Scenarios*, Palgrave Macmillan, New York, USA.
- Harris, J.R. (2000), "Socialization, personality development, and the child's environments", *Developmental Psychology*, no. 36, pp. 699–710.
- Kim, E.S., Hong, Y.-J., Kim, M., Kim, E.J. and Kim, J.-J. (2019), "Relationship between Self-Esteem and Self-Consciousness in Adolescents: An Eye-Tracking Study", *Psychiatry Investigation*, vol. 16 (4), pp. 306–313.
- Kuczynski, L., Parkin, M. and Pitman, R. (2015), "Socialization as Dynamic Process a Dialectical, Transactional Perspective", in Gruses, J.E. and Hastings, P.D. (eds.), *Handbook of Socialization. Theory and Research*, The Guilford Press, New York, USA, pp. 135–157.
- Luong, G. and Fingerman, K. (2015), "The Multifaceted nature of late-life Socialization Older Adults as Agents and Targets of Socialization", in Gruses, J.E. and Hastings, P.D. (eds.), *Handbook of Socialization. Theory and Research*, The Guilford Press, New York, USA, pp. 109–134.
- Maccoby, E.E. (2015), "Historical overview of Socialization Research and theory", in Gruses, J.E. and Hastings, P.D. (eds.), *Handbook of Socialization. Theory and Research*, The Guilford Press, New York, USA, pp. 3–35.

- Maccoby, E.E. and Martin, J.A. (1983), "Socialization in the context of the family: Parent-child interaction", in Mussen, P.H. and Hetherington, E.M. (eds.), *Handbook of child psychology. Vol. 4: Socialization, personality, and social development*, Wiley, New York, USA, pp. 1–101.
- Madianou, M. and Miller, D. (2013), "Polymedia: Towards a new theory of digital media in interpersonal communication", *International Journal of Cultural Studies*, vol. 16 (2), pp. 169–187.
- Madsen, O.J. (2019), "Det digitale jeget", *Samtiden*, vol. 127 (2), pp. 70–75.
- Mancini, J.A. and Roberto, K.A. (eds.) (2009), *Pathways of human development: Explorations of change*, Lexington Books, Lanham, USA.
- Martsinkovskaya, T.D. (2018), "Identity in transitive and virtual space", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4 (14), pp. 11–20.
- Martsinkovskaya, T.D. (2019), "Information space of a transitive society: challenges and prospects", *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, vol. 27, no. 3, pp. 77–96.
- Martsinkovskaya, T.D., Orestova, V.R. and Gavrichenko, O.V. (eds.) (2019), *Tsifrovoe obshchestvo v kul'turno-istoricheskoi paradigme* [Digital society in the cultural-historical paradigm], MPGU, Moscow, Russia.
- Miller, D. and Slater, D. (2000), *The Internet: An Ethnographic Approach*, Berg, Oxford, UK.
- Miller, D., Costa, E., Haynes, N., McDonald, T., Nicolescu, R., Sinanan, J., Spyer, J., Venkatraman, S. and Wang, X. (2016), *How the World Changed Social Media*, UCL Press, London, UK.
- Morin, A. (2024), "Surprising Ways Your Teen Benefits from Social Media", *Parents*, available at: <https://www.parents.com/benefits-of-social-media-8643539#citation-2> (Accessed 25 October 2024).
- Paulich, K.N., Ross, J.M., Lessem, J.M. and Hewitt, J.K. (2021), "Screen time and early adolescent mental health, academic, and social outcomes in 9- and 10-year old children: Utilizing the Adolescent Brain Cognitive Development (ABCD) Study", *PLoS ONE*, vol. 16 (9), pp. 1–23.
- Rivara F. and Le Menestrel, S. (eds.) (2016), *Preventing Bullying: through Science, Policy, and Practice*, National Academies Press, Washington, USA.
- Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I. and Nestik, T.A. (2017), *Tsifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost' i bezopasnost'* [Digital generation of Russia. Competence and security], Smysl, Moscow, Russia.
- Twenge, J.M. and Campbell, W.K. (2018), "Associations between screen time and lower psychological well-being among children and adolescents: Evidence from a population-based study", *Preventive Medicine Reports*, vol. 12, pp. 271–283.
- Veraksa, A.N., Almazova, O.V., Bukhalenkova, D.A. and Chichinina, E.A. (2020), "Digital devices use by pre-school children today", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 6, pp. 82–92.

Информация об авторе

Марина С. Гусельцева, доктор психологических наук, доцент, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; mguseltseva@mail.ru

Information about the author

Marina S. Guseltseva, Dr. of Sci. (Psychology), associate professor, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russia; bld. 9–4, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009; mguseltseva@mail.ru

УДК 159.922.6

DOI: 10.28995/2073-6398-2025-1-36-54

Представления предпенсионеров о выходе на пенсию во взаимосвязи с временной перспективой будущего

Татьяна П. Емельянова

Институт психологии РАН, Москва, Россия,

t_emelyanova@inbox.ru

Ева Н. Викентьева

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,

Москва, Россия, vikentieva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению представлений о своем будущем на пенсии у предпенсионеров во взаимосвязи с их профессиональной временной перспективой. В исследовании были использованы следующие методы: авторский опросник, включающий 25 утверждений относительно планов на пенсионный период (Альфа Кронбаха $> 0,72$). Для изучения профессиональной временной перспективы использовалась русскоязычная версия опросника «Профессиональная временная перспектива будущего» (Occupational Future Time Perspective, OFTP) Х. Цахера и М. Фрезе в адаптации Т.Ю. Базарова и А.В. Парамузова, анализировались социально-демографические характеристики респондентов. В исследовании приняли участие жители разных городов России от 44 до 63 лет ($N = 400$), все респонденты работают, по половому составу 50,2% – женщины, 49,8% – мужчины. С помощью кластерного анализа были выделены пять эмпирических типов респондентов по содержанию их представлений. Результаты проведенного исследования показывают, что представления предпенсионеров о себе на пенсии различаются как их эмоциональной составляющей – позитивной, нейтральной или депрессивной, – так и присутствием или отсутствием конкретных намерений и целей в будущей жизни, что согласуется с ориентацией людей предпенсионного возраста на свои возможности. Делается вывод о том, что большая часть наших респондентов либо скептически воспринимает свою будущность, либо обнаруживает реакцию «ухода» в частную жизнь.

Ключевые слова: типы представлений о жизни на пенсии, предпенсионеры, временная перспектива будущего, пенсионные настройки, пенсионный переход

Для цитирования: Емельянова Т.П., Викентьева Е.Н. Представления предпенсионеров о выходе на пенсию во взаимосвязи с временной перспективой будущего // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2025. № 1. С. 36–54. DOI: 10.28995/2073-6398-2025-1-36-54

Pre-retirement people's representations about retirement in relation to the time perspective of the future

Tatyana P. Emelyanova

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
t_emelyanova@inbox.ru*

Eva N. Vikentieva

*Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia, vikentieva@mail.ru*

Abstract. The article deals with the study of representations about their future in retirement among pre-retirees in connection with their professional time perspective. The following methods were used in the study: the author's questionnaire, including 25 statements regarding plans for the retirement period (Cronbach's $\alpha > 0.72$). To study the professional time perspective, the Russian-language version of the questionnaire "Occupational Future Time Perspective" (OFTP) by H. Zacher and M. Frese in the adaptation of T.Yu. Bazarov and A.V. Paramuzov was used, the socio-demographic characteristics of the respondents were analyzed. The study involved residents of different cities of Russia from 44 to 63 years old ($N = 400$), all respondents are working, by gender 50,2% are women, 49,8% are men. Using cluster analysis, five empirical types of respondents were identified based on the content of their ideas. The results of the study show that pre-retirement people's ideas about themselves in retirement differ both in their emotional component – positive, neutral or depressive – and in the presence or absence of specific intentions and goals in their future life, which is consistent with the orientation of pre-retirement people towards their capabilities. It is concluded that most of our respondents either perceive their future with skepticism or display a reaction of "withdrawal" into private life.

Keywords: types of representations about life in retirement, pre-retirees, time perspective of the future, pension settings, retirement transition

For citation: Emelyanova, T.P. and Vikentieva, E.N. (2025), "Pre-retirement people's representations about retirement in relation to the time perspective of the future", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 1, pp. 36–54, DOI: 10.28995/2073-6398-2025-1-36-54

Введение: постановка проблемы

Переход к жизни на пенсии является сложным и неоднозначным этапом в жизни человека. Исследователи отмечают как позитивные переживания у недавних пенсионеров: свободу от трудовых обязанностей, возможность наполнить жизнь любимыми занятиями, уделить больше внимание семье, так и негативные переживания сужения привычного социального окружения, утраты профессиональных занятий, изменения социального статуса, снижения дохода [Вачкова и др. 2024; Froidevaux et al. 2018, Michinov et al. 2008]. Такие амбивалентные переживания заставляют людей предпенсионного возраста тревожиться, переживать стресс и на этом сложном эмоциональном фоне либо строить конструктивные прогнозы будущей жизни и предпринимать практические шаги для обустройства жизни на пенсии, либо «плыть по воле волн», стараясь не задумываться о грядущих переменах и полагаться на судьбу. Выработка различных жизненных стратегий зависит от многих объективных и субъективных факторов, которым посвящена обширная научная литература. Целью данного исследования является выявление различных представлений о своей будущей жизни на пенсии и их связи с собственной временной перспективой будущего у предпенсионеров.

Теоретическая часть

Изучение психологии людей, принадлежащих к категории предпенсионеров, активизировалось в последние годы. Результаты массовых опросов и исследований социологов говорят о том, что оставление работы и пенсионный переход представляют собой трудную жизненную ситуацию:

У многих россиян повседневная жизнь сопровождается страхом болезни и бедности, пониманием, что пенсии не хватит для поддержания привычного образа жизни и практической недоступности иных пенсионных стратегий... В пенсионных стратегиях большинства россиян отсутствует вариант формирования пенсии на основе сочетания государственной и пенсии в НПФ. Стратегия формирования пенсионных накоплений в недвижимости и ценных бумагах недоступна для большинства [Цыганов 2022, с. 40].

Ситуация усугубляется тем, что, по данным аналитиков, 73% россиян предпенсионного возраста не откладывают деньги на пен-

сию [Киселев и др. 2024, с. 26], рассчитывая на государственную поддержку.

Общеглобальная тенденция старения и диверсификации рабочей силы, новые технологические достижения –

...все это ставит новые проблемы и возможности для всей рабочей силы, и особенно для стареющих работников. Последняя группа населения оказывается в сложной среде, имея дело не только с изменениями в требованиях своего жизненного цикла, но и с необходимостью адаптироваться и преуспевать на сегодняшних рабочих местах [Nagy et al. 2019, p. 236].

Как выясняется по результатам опросов, не только объективная ситуация, но и субъективный статус людей предпенсионного возраста вызывает озабоченность исследователей. По данным изучения субъективного благополучия россиян в предпенсионном возрасте (по сравнению с более младшими и более старшими возрастными группами), они оказываются «самой уязвимой категорией граждан», хотя традиционно «они воспринимались как беспроблемная группа с устойчивым запросом на стабильность, предсказуемым поведением и сформированными установками» [Мануильская и др. 2023, с. 106].

По-видимому, подобная психологическая уязвимость специфична для данной возрастной категории независимо от культурной и национальной принадлежности. На психологические проблемы, связанные с выходом на пенсию, указывают и зарубежные авторы, ассоциируя их не только с снижением доходов, но и «с чувством потери роли, с чувством потери членства в группе» [Michinov et al. 2008, p. 173]. В отношении французов предпенсионного возраста исследователи полагают, что

...сам по себе переход на пенсию может привести к снижению благополучия, поскольку люди теряют свои профессиональные привязанности, свою социальную сеть коллег и главный якорь для своей идентичности [Michinov et al. 2008, p. 176].

Множество работ последнего времени не только в России, но и за рубежом посвящены изучению факторов и условий успешного психологического перехода к новой роли, новому статусу пенсионера. Одной из наиболее востребованных в научной литературе стала ресурсно-ориентированная динамическая модель пенсионных настроек (*retirement adjustment*), предложенная М. Вонг и Дж. Ши [Wang, Shi 2014]. Нужно заметить, что понятие «настройка»

(adjustment) не тождественно понятию «адаптация» (adaptation), так как адаптация предполагает приспособление к новым обстоятельствам, в то время как изменение социальной идентичности, роли, статуса включает более сложные механизмы активных личностных настроек. Факторы успешности подобной настройки активно изучаются в последнее десятилетие в направлении поиска личностных ресурсов, необходимых для благополучного пенсионного перехода. Так, первоначально было показано, что успешная личностная настройка при выходе на пенсию зависит от доступности и колебаний того, что могут себе позволить предпенсионеры в физическом, когнитивном и финансовом смыслах [Wang 2007]. Результаты дальнейших исследований позволили дополнить этот перечень такими ресурсами, как психическое здоровье, поддержка семьи, проактивная личность [Zhan et al. 2023]. Дополнительные исследования были проведены с помощью абдуктивного метода [Froidevaux et al. 2024], целью которых было определить, какие дополнительные виды ресурсов способствуют успешной личностной настройке на пенсионный переход. С помощью неструктурированного интервью людей, недавно вышедших на пенсию, жителей франкоязычного региона Швейцарии, удалось выявить ресурсы, которые ранее не были идентифицированы на базе названной модели, а именно «социальные взаимодействия, условия жизни, управление временем и индивидуальность» [Zhan et al. 2023, p. 699].

Наименее изученным из обнаруженных авторами остается ресурс, связанный с управлением временем, который эти авторы называют значимым энергетическим ресурсом для успешной настройки на пенсионный переход. Фактор управления временем имеет значение, по мнению авторов, как на этапе подготовки к пенсионному переходу (планирование карьеры до выхода на пенсию), так и на этапе личностной настройки при переходе к пенсионной жизни (структурирование времени после оставления работы). Механизм действия этого фактора стал одной из задач настоящего исследования, поскольку способность личности к управлению своими временными ресурсами является признаком ее проактивной позиции в такой сложной жизненной ситуации, как выход на пенсию.

Нужно заметить, что новое пенсионное законодательство обусловило и новые вызовы в отношении планирования времени для предпенсионеров. Как отмечает Т.А. Нестик,

...старение населения сокращает долгосрочную ориентацию, но рост продолжительности жизни, увеличение пенсионного возраста и повышение социальной генеративности пожилых людей могут ее увеличивать [Нестик 2021, с. 550].

Обращаясь к отечественной литературе, обнаруживаем несколько направлений работ, связанных с фактором времени на предпенсионном этапе жизни. Работа С.Н. Вачковой с соавторами посвящена «опыту стратегирования» своей жизни на пенсии среди людей старшего возраста, проживающих в Москве [Вачкова и др. 2024]. «Под “стратегированием” мы понимаем процесс порождения и гибкого изменения стратегии, сфокусированной на желаемой модели будущего и долгосрочных намерениях» [Вачкова и др. 2024, с. 264]. Оказалось, что строят планы на будущее в группе 45–59 лет лишь 52% опрошенных, причем чаще жизнь после выхода на пенсию планируют женщины, имеющие детей. Кроме того,

...чем выше образовательный уровень, чем лучше материальное положение и есть оплачиваемая занятость (основная или временная работа), тем с большей вероятностью можно встретить устойчивые практики планирования [Вачкова и др. 2024, с. 264].

В исследовании И.Ю. Киселева с соавторами было целью

...описание траекторий занятости, которые выбирают граждане предпенсионного возраста в условиях адаптации к изменившимся социально-экономическим условиям в связи с более поздним выходом на пенсию, и выявление факторов, от которых зависит выбор траекторий занятости [Киселев и др. 2021, с. 42].

Авторами было обнаружено четыре основные траектории профессиональной занятости, которые выбирают предпенсионеры: ориентация на «активные изменения» (13,1%), связанная с профессиональной переподготовкой и получением дополнительного образования; ориентация на «поддержание статус-кво» (17,1%), работники нацелены на сохранение рабочего места на длительный срок, но не готовы к усилиям, связанным с повышением квалификации; траектория, определяющаяся как «вынужденные изменения» (7,9%) – адаптация под воздействием внешних обстоятельств «без намерения прилагать усилия для сохранения своего рабочего места на длительный срок» [Киселев и др. 2021, с. 45]; четвертая траектория определена как «отрицание изменений» (58,5%), придерживающиеся ее работники не предпринимали действий для сохранения рабочего места.

Как можно видеть из описания этих траекторий, речь идет, по сути дела, о горизонте планирования своей трудовой карьеры, в понимании которого предпенсионеры предполагали собственную активность и профессиональный рост, т. е., другими словами, смыс-

ловую составляющую дальнейшего существования. Тем самым, действительно, проактивная, побудительная, своего рода «энергетическая» составляющая дальнейшей жизни отчетливо проявилась (либо не проявилась) в обозначенных траекториях.

Наличие или отсутствие подобных побудительных сил у личности во многом определяется временной перспективой будущего, степенью уверенности в собственных силах и возможностях. Разработанные Х. Цахером и М. Фрезе понятия «фокусирование на ограничениях» или «фокусирование на возможностях» проясняют психологический смысл построения образа будущего на переломных этапах жизненного пути. Предполагается, что

...временная перспектива будущего учитывает возрастные изменения и ограниченность времени индивида. Данный конструкт показывает, как человек воспринимает свою временную перспективу будущего – как ограниченную или неограниченную [Базаров, Парамузов 2019, с. 58].

В настоящем исследовании предполагается, что данные о степени ограниченности временной перспективы будущего помогут уточнить психологические особенности различных типов представлений предпенсионеров о будущей жизни на пенсии.

Программа исследования

Цель исследования – изучение представлений о своем будущем на пенсии у предпенсионеров во взаимосвязи с их профессиональной временной перспективой.

Задачи исследования:

1. Выявление видов комплексов представлений о будущем на пенсии у предпенсионеров.
2. Изучение эмпирических типов респондентов по выявленным видам представлений.
3. Выявление взаимосвязей между типом респондентов и их профессиональной временной перспективой

Методы исследования

В исследовании были использованы следующие методы: авторский опросник Т.П. Емельяновой и Е.Н. Викентьевой, который был сконструирован на основе предыдущих исследований авторов,

включающий 25 утверждений относительно планов на пенсионный период, в том числе профессиональных представлений о своем социальном окружении в пенсионный период, восприятия пенсионеров как социальной группы, эмоциональных аспектов восприятия своего будущего, финансовых планов на пенсии (Альфа Кронбаха $> 0,72$). Респонденты оценивали утверждения по пятибалльной шкале. Для изучения профессиональной временной перспективы использовалась русскоязычная версия опросника «Профессиональная временная перспектива будущего» (Occupational Future Time Perspective, OFTP) Х. Цахера и М. Фрезе в адаптации Т.Ю. Базарова и А.В. Парамузова [Базаров, Парамузов 2019]. Социально-демографические характеристики респондентов (пол, возраст, семейное положение, уровень образования, город проживания, вид и сфера деятельности, форма занятости, режим работы и т. д.) выявлялись посредством анкетирования. Для статистической обработки полученных данных использовался пакет прикладных программ “SPSS 22.0”.

Выборка

В исследовании принимали участие респонденты от 44 до 63 лет ($N = 400$), все респонденты работают и не имеют статуса пенсионера, 70% – наемные работники, работающие очно. По половому составу 50,2% – женщины, 49,8% – мужчины; состоят в браке – 57,5%, не состоят в браке – 26,3%, состоят в гражданском браке – 10,5%; вдова/вдовец – 5,8%; имеют детей – 47,5%, не имеют детей – 52,5%; имеют родственников под опекой – 33%, не имеют родственников под опекой – 67%. Данные по образованию респондентов и местам их проживания приведены в табл. 1 и 2 соответственно.

Таблица 1

Данные по уровню образования респондентов

Образование	Количество	Процент
Неполное среднее	6	1,5
Среднее	21	5,3
Среднее специальное	125	31,3
Незаконченное высшее	21	5,3
Высшее	196	49,0
Два (или более) высших	27	6,8
Ученая степень	4	1,0

Таблица 2

Данные по месту проживания респондентов

Место проживания	Количество	Процент
Москва	73	18,3
Санкт-Петербург	34	8,5
Город, более 1 млн жителей	98	24,5
Город, от 500 тысяч до 1 млн жителей	75	18,8
Город, от 250 до 500 тысяч жителей	48	12,0
Город, от 100 до 250 тысяч жителей	22	5,5
Город, менее 100 тысяч жителей	41	10,3
Село / поселок	9	2,3
Другое	0	0,0

Анализ и обсуждение результатов

Полученные данные были проверены на нормальность распределения с использованием Z-теста Колмогорова–Смирнова. Полученный результат показал, что данные по анализируемой выборке подчиняются закону нормального распределения.

Для решения первой задачи выявления комплексов представлений о своем будущем на пенсии был осуществлен факторный анализ методом главных компонент с использованием вращения Варимакс с нормализацией Кайзера. В результате была выявлена следующая факторная структура представлений комплекса представлений.

Фактор 1. Планы продолжать работать, страх неотвратимой потери социального и профессионального статуса на пенсии.

Утверждения опросника:

Выйдя на пенсию, планирую продолжить работать, поскольку не хочу чувствовать себя человеком второго сорта.

Боюсь, что, выйдя на пенсию, могу потерять свои позиции в организации, в которой сейчас работаю.

С выходом на пенсию социальные связи слабеют.

Нахожусь в отчаянии, боюсь наступления пенсионного возраста.

Молодежь «наступает на пятки», и для того чтобы сохранить свой статус, необходимо работать с удвоенными усилиями.

Объясняет 16,9% суммарной дисперсии.

Фактор 2. Негативное восприятие пенсионеров как социальной группы.

Утверждения опросника:

Пенсионеров у нас не уважают.

У нас пенсионеры – изгои общества.

Объясняет 12,1% суммарной дисперсии.

Фактор 3. Проактивная подготовка, в том числе в направлении поддержания здоровья и физической формы, к работе в пенсионном периоде.

Утверждения опросника:

Веду активный образ жизни, стараюсь поддерживать физическую форму.

Сейчас стараюсь вкладывать в свое здоровье, чтобы и на пенсии иметь возможность работать.

Объясняет 6,9% суммарной дисперсии.

Фактор 4. Ориентация на семью, планы – заниматься семьей на пенсии.

Утверждения опросника:

Буду радоваться общению с родными.

Я всю жизнь работал(а), считаю, что на пенсии нужно посвятить время своей семье.

Объясняет 6,1% суммарной дисперсии.

Фактор 5. Релокация и отдых на пенсии, финансовый план – сдавать недвижимость.

Утверждения опросника:

Выйдя на пенсию, буду сдавать квартиру или комнату.

Выйдя на пенсию, я планирую переехать жить за город.

Объясняет 5,1% суммарной дисперсии.

Фактор 6. Отказ от мыслей о будущем, ориентация на сегодня.

Утверждения опросника:

Откладываю мысли о будущем, живу сегодняшним днем.

Объясняет 4,8% суммарной дисперсии.

Для решения задачи 2 изучения эмпирических типов респондентов по выявленным видам представлений была осуществлена кластеризация наблюдений методом К-средних по полученным ранее факторам. Предварительно проведенный иерархический кластерный анализ показал, что оптимальным будет пять кластеров. Респонденты распределились по кластерам следующим образом

(табл. 3), полученные группы респондентов далее рассматриваются как эмпирически выделенные типы.

Таблица 3

Распределение респондентов по кластерам

Группа респондентов (кластер)	Описание кластера	Количество случаев, вошедших в кластер (%)	Группирующие факторы
Группа 1	Респонденты, не задумывающиеся о будущем, не планирующие работать, но имеющие финансовую перспективу на пенсии (переезд и сдача недвижимости в аренду)	96 (24%)	Фактор 5, Фактор 6
Группа 2	Респонденты, отказывающиеся от активной подготовки к работе на пенсии, с ориентацией на семью	110 (27,5%)	Фактор 3 (с отрицательным значением), Фактор 4
Группа 3	Респонденты, проактивно готовящиеся к работе на пенсии, не желающие пассивно отдыхать от работы, но переживающие из-за конкуренции с молодыми работниками	53 (13,25%)	Фактор 1, Фактор 3, Фактор 5 (с отрицательным значением)
Группа 4	Респонденты, не готовящиеся к работе и не переживающие о своем социальном статусе на пенсии, ориентированные на семью	78 (19,5%)	Фактор 2 (с отрицательным значением), Фактор 3 (с отрицательным значением), Фактор 4
Группа 5	Респонденты, желающие завершить работу, понимающие, что социальный статус пенсионера низок, ориентированные на семью	63 (15,75%)	Фактор 1 (с отрицательным значением), Фактор 2, Фактор 4

Как можно видеть из полученных данных, эмпирически выделенные пять типов респондентов (полученные в результате кластеризации группы) характеризуются тем, что преимущественно не готовятся к пенсионному возрасту, при этом чувствуют себя неуверенно. Даже те немногочисленные респонденты, которые готовятся к работе на пенсии (тип 3), поддерживают свое здоровье и физическую форму и сознательно отказываются от отдыха на пенсии и ухода в семейные дела, тем не менее на фоне проактивного и осознанного настроя испытывают неуверенность и беспокойство за свое будущее. Большая часть выборки (суммарно 62,75%) в своем прогнозировании отчетливо не видят себя как работников, не предпринимают действий по подготовке к работе на пенсии. При этом практически четверть выборки (тип 1, 24% выборки) в большей степени ориентированы на настоящее, не строят осознанных прогнозов на будущее, но имеют финансовый план на свое пенсионное будущее.

При этом значимые различия между эмпирическими типами респондентов по социально-демографическим параметрам были выявлены только по полу ($p = ,012$) и возрасту ($p < 0,01$). При этом среди представителей первого типа, не планирующих работать, но ориентированных на финансовую стабильность на пенсии, преобладают женщины (64,6%), мужчины – 35,4%; респонденты-представители 2-го и 4-го типов, не предпринимающие действий по подготовке к пенсии, – мужчины (тип 2 – 58,2% мужчин; тип 4 – 57,7% мужчин). Пятый тип, который демонстрирует озабоченность будущим снижением своего социального статуса и не планирует работать, составляют люди более старшего возраста (только 33,3% составляющих ее респондентов попадают в диапазон до 50 лет). Первый тип, представители которого не задумываются о своем будущем и предполагают свою финансовую защищенность на пенсии (57,3% составляющих ее респондентов попадает в диапазон до 50 лет), – более младшего возраста.

По параметрам «место проживания», «семейное положение», «наличие детей», «наличие родственников под опекой», «уровень образования», «вид и сфера деятельности», «форма занятости», «режим работы», «завершение трудовой деятельности» значимых различий между группами респондентов не выявлено.

Для решения задачи 3 выявления взаимосвязей между типом респондентов и их профессиональной временной перспективой, был рассчитан Хи-квадрат для выявления различий между выявленными типами респондентов. Как можно видеть из полученных данных (табл. 4), значимые различия ($p < 0,01$) между эмпирическими типами респондентов выявлены по параметрам

«Фокусирование на возможностях» и «Оставшееся время». При этом по параметру «Фокусирование на возможностях» значения выше у представителей первого типа (ср. зн. = 13,5; ст. откл. = 5) и третьего (ср. зн. = 13; ст. откл. = 6) и ниже у второго типа (ср. зн. = 11; ст. откл. = 5) и пятого (ср. зн. = 10,6; ст. откл. = 6). По параметру «Оставшееся время» – выше у первого типа (ср. зн. = 12; ст. откл. = 5) и третьего (ср. зн. = 10,8; ст. откл. = 5,5) и ниже у второго (ср. зн. = 9,2; ст. откл. = 4,8) и пятого типов (ср. зн. = 9,4; ст. откл. = 5,4).

Таблица 4

Результаты дескриптивной статистики
и сравнение между группами респондентов

Параметры	Группа 1	Группа 2	Группа 3	Группа 4	Группа 5	Хи-квадрат (p)
	$M (\sigma)$	$M (\sigma)$	$M (\sigma)$	$M (\sigma)$	$M (\sigma)$	
Фокусирование на возможностях	13,5 (5)	11,0 (5)	13 (6)	12,3 (5,7)	10,6 (6)	16,7 (,002)
Оставшееся время	12 (5)	9,2 (4,8)	10,8 (5,5)	9,6 (5,3)	9,4 (5,4)	13,8 (,008)

Примечание: М – среднее; σ – среднее значение стандартного отклонения; p – уровень значимости.

Таким образом, те типы респондентов, которые видят финансовую перспективу (сдача недвижимости) либо планируют продолжать работу, в большей степени сконцентрированы на планах и целях, фокусируясь на возможностях. Вероятно, ориентация на сегодняшний день связана с латентным ощущением контроля своего будущего, действительно, прикладывая усилия сегодня и ощущая удовлетворение от результата, человек интуитивно программирует свое позитивное будущее, не углубляясь в размышления о нем. Обе группы респондентов не ощущают свое время как ограниченное, напротив, в разных контекстах, но контролируют его. Люди, которым свойственно фокусироваться на возможностях, отличаются «хорошими показателями психического здоровья» [Базаров, Парамузов 2019, с. 70], что позволяет им лучше справляться со стрессовыми ситуациями в жизни, в том числе и с трудностями пенсионного перехода. Этот результат согласуется с данными

С.Н. Вачковой с соавторами о том, что хорошее материальное положение предпенсионеров и работа обеспечивают им устойчивые практики планирования будущего [Вачкова и др. 2024].

Так, у респондентов третьего типа ориентация на свои возможности базируется на намерении сохранять существующие профессиональные позиции, несмотря на опасения конкуренции со стороны более молодых сотрудников. Кроме того, они нацелены на поддержание физической формы и ведут активный образ жизни. Подобные ориентиры сопрягаются с верой в возможности реализации профессиональных планов.

Респонденты, относящиеся к первому типу, планируя сдавать свою недвижимость, рассчитывают на свои активы и не чувствуют себя ограниченными в возможностях. Среди респондентов этого типа преобладают женщины. Парадоксальным на первый взгляд образом в их ответах не обнаруживается желания продолжать работу, при том что они более других типов фокусируются на профессиональных возможностях и считают, что смогли бы сделать все, что захотят. По-видимому, это категория людей, которые уверены в себе, в своем жизненном и профессиональном потенциале, удовлетворены существующим положением и считают, что могли бы с успехом продолжать работать, но, имея надежные активы в виде недвижимости, не считают эту перспективу для себя привлекательной.

У респондентов, которые готовы смириться со снижением своего социального статуса, отказывающиеся от подготовки к работе на пенсии и ориентированные на то, чтобы погрузиться в семейные заботы, ориентация на свои возможности сниженная. Так, респонденты второго типа считают, что они значительную часть жизни посвятили работе, и, по-видимому, ощущают потребность погрузиться в заботу о семье, получать удовольствие от общения с родными. Роль эмоционального состояния в обеспечении жизнестойкости респондентов предпенсионного возраста была проанализирована ранее [Емельянова, Викентьева 2023], особенно велика значимость способности регулировать свое эмоциональное состояние при помощи коммуникаций с другими людьми, позитивный настрой по отношению к новому, неоднозначному и опора на эмоциональную поддержку близкого окружения.

Респонденты, относящиеся к пятому типу, тоже не планируют работать в пенсионном возрасте, ориентируются на семью, но при этом у них наблюдаются пессимистические суждения о низком статусе пенсионеров в обществе («пенсионеры – изгои»). Их нежелание продолжать трудовую карьеру может объясняться усталостью и сниженным эмоциональным тонусом (возможно, депрессивным

состоянием). Надо заметить, что, согласно научным данным, утверждение о том, что «пенсионеров у нас не уважают» верно только отчасти – по результатам исследования С.В. Ляликовой, И.Б. Назаровой и В.М. Карповой:

...сами представители старшего поколения отзываются о себе преимущественно в позитивном ключе, подобную тенденцию поддерживает и молодежь. Меньше всего эмпатии испытывают к представителям старшей группы «дети», а именно респонденты в возрасте 30–44 лет, которые чаще остальных соглашались с утверждением, что у пожилых портится характер и возникают трудности в общении [Ляликова и др. 2023, с. 113].

В целом же авторы полагают, что «в российском обществе преваляют ценности уважительного отношения к старшим с позитивной оценкой их вклада в социум» [Ляликова и др. 2023, с. 113].

Таким образом, можно утверждать, что часть наших респондентов усугубляет реальную ситуацию с эйджизмом в обществе, это может говорить о негативном эмоциональном фоне представлений ряда предпенсионеров. В целом же нельзя не отметить, что большая часть наших респондентов либо скептически видит свою будущность, либо обнаруживает реакцию «ухода» в частную жизнь.

Заключение

Результаты проведенного исследования показывают, что представления предпенсионеров о себе на пенсии различаются как их эмоциональной составляющей – позитивной, нейтральной или депрессивной, – так и присутствием или отсутствием конкретных намерений и целей в будущей жизни, что согласуется с ориентацией людей предпенсионного возраста на свои возможности. Планирование «траектории» будущей жизни на пенсии – чему посвятить себя в оставшейся части жизненного пути – разумеется, остается свободным выбором человека, оно зависит, как показывают исследования, от многих факторов, начиная от состояния здоровья, личностных особенностей, семейной ситуации, материального достатка, профессии и рода занятий до правовых установлений и экономических условий в обществе. Благоприятной для личности можно считать ситуацию, когда человек опирается в принятии решения на адекватную оценку своих возможностей, проявляет себя как проактивная личность, занимает субъектную позицию, осознанно планируя свое будущее.

На практике же, как видно из результатов исследования, многие люди представляют свое будущее на пенсии в негативном виде, не имея четких ориентиров, как его наладить, и надеясь на семью или на государственную поддержку. В условиях экономической турбулентности, которая не способствует психологической устойчивости людей предпенсионного возраста, необходимы программы психологической поддержки граждан этой категории, которые помогут им улучшить психологическое состояние, найти опору для позитивного видения будущей жизни.

Благодарность

Работа выполнена при поддержке РФФ, проект № 24-28-00422 «Экономико-психологическая зрелость людей предпенсионного возраста в ситуации планирования выхода на пенсию».

Acknowledgment

This work was carried out with the support of the Russian Foundation for Fundamental Research, project No. 24-28-00422 “The economic-psychological maturity of pre-retirees in situation of retirement planning”.

Литература

- Базаров, Парамузов 2019 – Базаров Т.Ю., Парамузов А.В. Психометрический анализ русскоязычной версии опросника Х. Цахера и М. Фрезе «Профессиональная временная перспектива будущего» // Организационная психология. 2019. Т. 9. № 1. С. 57–80.
- Вачкова и др. 2024 – Вачкова С.Н., Ермолаева М. В., Истомина А.Г., Климов И.А., Салахова В.Б., Скорик А.А., Соболева Н.В., Филиппов В.Э. Пенсионный возраст как веха в жизни: образ желаемого будущего и опыт планирования своей жизни // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 3. С. 256–282.
- Емельянова, Викентьева 2023 – Емельянова Т.П., Викентьева Е.Н. Проактивный коупинг и толерантность к неопределенности у предпенсионеров с разным уровнем жизнестойкости // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2023. № 1. С. 12–29.
- Киселев и др. 2021 – Киселев И.Ю., Овчинникова Н.В., Смирнова А.Г., Минь Ю. Траектории занятости предпенсионеров в условиях повышения пенсионного возраста // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 40–49.
- Киселев и др. 2024 – Киселев И.Ю., Михайлова Е.В., Смирнова А.Г. Установки россиян на подготовку к выходу на пенсию: содержание и факторы формирования // Социологические исследования. 2024. № 2. С. 24–35.

- Ляликова и др. 2023 – *Ляликова С.В., Назарова И.Б., Карпова В.М.* Особенности восприятия пожилых людей в российском обществе // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 104–115.
- Мануильская и др. 2023 – *Мануильская К.М., Солодовникова О.Б., Малькова Е.Е.* Субъективное благополучие россиян: предпенсионный возраст как фактор риска // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 104–114.
- Нестик 2021 – *Нестик Т.А.* Долгосрочная ориентация личности // Разработка понятий современной психологии. Т. 3 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Н.Е. Харламенкова, Г.А. Виленская. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2021. С. 538–565.
- Цыганов 2022 – *Цыганов А.А.* Пенсионные ожидания жителей России // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 36–42.
- Froidevaux et al. 2018 – *Froidevaux A., Hirschi A., Wang M.* Identity incongruence and negotiation in the transition from work to retirement: A theoretical model // *Organizational Psychology Review*. 2018. Vol. 8. No. 4. P. 228–255.
- Froidevaux et al. 2024 – *Froidevaux A., Curchod G., Degli-Antoni S., Maggiori Ch., Rossier J.* Happily Retired! A Consensual Qualitative Research on How Older Workers Experience Resources as Contributing to their Successful Retirement Adjustment // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 2024. Vol. 97. No. 2. P. 699–728.
- Michinov et al. 2008 – *Michinov E., Fouquereau E., Fernandez A.* Retirees' social identity and satisfaction with retirement // *The International Journal of Aging & Human Development*. 2008. Vol. 66. No. 3. P. 175–194.
- Nagy et al. 2019 – *Nagy N., Froidevaux A., Hirschi A.* Lifespan perspectives on careers and career development // *Work across the lifespan* / Ed. by B.B. Baltes, C.W. Rudolph, H. Zacher. L.: Elsevier Academic Press, 2019. P. 235–259.
- Wang 2007 – *Wang M.* Profiling retirees in the retirement transition and adjustment process: Examining the longitudinal change patterns of retirees' psychological well-being // *Journal of Applied Psychology*. 2007. Vol. 92. No. 2. P. 455–474.
- Wang, Shi 2014 – *Wang M., Shi J.* Psychological research on retirement // *Annual Review of Psychology*. 2014. Vol. 65. P. 209–233.
- Zhan et al. 2023 – *Zhan Y., Froidevaux A., Li Y., Wang M., Shi J.* Preretirement resources and postretirement life satisfaction change trajectory: Examining the mediating role of retiree experience during retirement transition phase // *Journal of Applied Psychology*. 2023. Vol. 108. No. 5. P. 871–888.

References

- Bazarov, T.Yu. and Paramuzov, A.V. (2019), "Psychometric analysis of the Russian version of 'The Occupational Future Time Perspective' by H. Zacher and M. Frese", *Organizational Psychology*, vol. 9, no. 1, pp. 57–80.

- Emel'yanova, T.P. and Vikent'eva, E.N. (2023), "Proactive coping and uncertainty tolerance in pre-retirees with different levels of hardiness", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 1, pp. 12–29.
- Froidevaux, A., Hirschi, A. and Wang, M. (2018), "Identity incongruence and negotiation in the transition from work to retirement: A theoretical model", *Organizational Psychology Review*, vol. 8, no. 4, pp. 228–255.
- Froidevaux, A., Curchod, G., Degli-Antoni, S., Maggiori, Ch. and Rossier, J. (2024), "Happily Retired! A Consensual Qualitative Research on How Older Workers Experience Resources as Contributing to their Successful Retirement Adjustment", *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, vol. 97, no. 2, pp. 699–728.
- Kiselev, I.Yu., Ovchinnikova, N.V., Smirnova, A.G. and Min', Yu. (2021), "Pre-pensioners' employment trajectories under conditions of rising retirement age", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 7, pp. 40–49.
- Kiselev, I.Yu., Mikhailova, E.V. and Smirnova, A.G. (2024), "Russian's attitudes regarding preparation for retirement: its content and formation factors", *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no. 2, pp. 24–35.
- Lyalikova, S.V., Nazarova, I.B. and Karpova, V.M. (2023), "Features of elderly people perception in Russian society", *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no. 10, pp. 104–115.
- Manuil'skaya, K.M., Solodovnikova, O.B. and Mal'kova, E.E. (2023), "Subjective well-being of Russians: the risks of preretirement age", *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no. 2, pp. 104–114.
- Michinov, E., Fouquereau, E. and Fernandez, A. (2008), "Retirees' social identity and satisfaction with retirement", *The International Journal of Aging & Human Development*, vol. 66, no. 3, pp. 175–194.
- Nagy, N., Froidevaux, A. and Hirschi, A. (2019), "Lifespan perspectives on careers and career development", in Baltes, B.B., Rudolph, C.W. and Zacher, H. (eds.), *Work across the lifespan*, Elsevier Academic Press, London, UK, pp. 235–259.
- Nestik, T.A. (2021), "Long-term orientation of the person", in Zhuravlev, A.L., Sergienko, E.A., Kharlamenkova, N.E. and Vilenskaya, G.A. (eds.), *Razrabotka ponyatii sovremennoi psikhologii. T. 3* [Development of concepts of modern psychology, vol. 3], Izd-vo Instituta psikhologii RAN, Moscow, Russia, pp. 538–565.
- Tsyganov, A.A. (2022), "Pension Expectations and Strategies of Russian Residents", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 6, pp. 36–42.
- Vachkova, S.N., Ermolaeva, M.V., Istomina, A.G., Klimov, I.A., Salakhova, V.B., Skorik, A.A., Soboleva, N.V. and Filippov, V.E. (2024), "Retirement as a milestone in life: Image of the desired future and experience of planning one's life", *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, no. 3, pp. 256–282.
- Wang, M. (2007), "Profiling retirees in the retirement transition and adjustment process: Examining the longitudinal change patterns of retirees' psychological well-being", *Journal of Applied Psychology*, vol. 92, no. 2, pp. 455–474.
- Wang, M. and Shi, J. (2014), "Psychological research on retirement", *Annual Review of Psychology*, vol. 65, pp. 209–233.

Zhan, Y., Froidevaux, A., Li, Y., Wang, M. and Shi, J. (2023), "Preretirement resources and postretirement life satisfaction change trajectory: Examining the mediating role of retiree experience during retirement transition phase", *Journal of Applied Psychology*, vol. 108, no. 5, pp. 871–888.

Информация об авторах

Татьяна П. Емельянова, доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН, Москва, Россия; 129366, Россия, Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1; t_emelyanova@inbox.ru

Ева Н. Викентьева, кандидат психологических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Ленинградский пр-т, д. 49; vikentieva@mail.ru

Information about the authors

Tatyana P. Emelyanova, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian Academy of Sciences Institute of Psychology, Moscow, Russia; bld. 13–1, Yaroslavskaya Street, Moscow, Russia, 129366; emelyanova@inbox.ru

Eva N. Vikentieva, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 49, Leningradskii Avenue, Moscow, Russia, 125993; vikentieva@mail.ru

Особенности представлений о родительстве и принятие родительской позиции

Гузелия Р. Хузеева

*Институт развития, адаптации и здоровья ребенка,
Московский педагогический государственный университет,
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, guzeliya.h@yandex.ru*

Татьяна П. Авдулова

*Институт развития, адаптации и здоровья ребенка,
Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия, avdulova@bk.ru*

Татьяна В. Кротова

*Институт развития, адаптации и здоровья ребенка,
Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия, tv.krotova@mpgu.su*

Ксения О. Гайдукова

*Институт развития, адаптации и здоровья ребенка,
Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия, gaidukova.k@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются результаты изучения особенностей представлений о родительстве в современном социокультурном контексте. Проведена работа по анализу подходов к понятию осознанного и ответственного родительства и содержательному наполнению данного понятия; определен перечень характеристик, описывающих представления о родительстве. Обоснована важность изучения социальных представлений о родительстве с точки зрения родительской субкультуры. Исследование представлений об осознанном родительстве проведено на выборке в 2517 респондентов из 23 регионов РФ. Диагностический комплекс включает изучение когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов родительства.

Результаты обнаружили тесные связи когнитивного и эмоционального компонентов представлений о родительстве. Получены прямые корреляционные связи между параметрами положительного отношения к родительской позиции и характером представлений о родительстве. Принятие собственной родительской позиции связано со стратегиями взаимодействия с ребенком. Представлены данные, характеризующие особенности и степень принятия родителями социальных институтов для

развития ребенка дошкольного возраста. Обнаружены статистически значимые взаимосвязи ориентации в родительской позиции на социальные институты и ценностной позиции, готовности эмоциональной поддержки и принятия ребенка, выделения воспитательных стратегий, ориентированных на самостоятельность ребенка, и степени осведомленности родителей об особенностях развития и воспитания детей дошкольного возраста. Было обнаружено, что в основе ответственного и осознанного родительства лежит представление о значимости социальных институтов в развитии ребенка и способность сопровождать ребенка в процессе его социализации в разных социальных контекстах.

Ключевые слова: осознанное ответственное родительство, социальные представления, принятие родительства, ценности, воспитательные стратегии, социальные институты

Для цитирования: Хузеева Г.Р., Авдулова Т.П., Кротова Т.В., Гайдукова К.О. Особенности представлений о родительстве и принятие родительской позиции // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2025. № 1. С. 55–69. DOI: 10.28995/2073-6398-2025-1-55-69

The features of ideas about parenthood and adoption of a parental position

Guzeliya R. Khuzeeva

*Institute for Development, Adaptation and Child Health,
Moscow State Pedagogical University,
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
guzeliya.h@yandex.ru*

Tatyana P. Avdulova

*Institute for Development, Adaptation and Child Health,
Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia, avdulova@bk.ru*

Tatyana V. Krotova

*Institute for Development, Adaptation and Child Health,
Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia,
tv.krotova@mpgu.su*

Ksenia O. Gaidukova

*Institute for Development, Adaptation and Child Health,
Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia,
gaidukova.k@mail.ru*

Abstract. The article considers the results of studying the features of ideas about parenting in the modern socio-cultural context. The work was carried

out to analyze approaches to the concept of conscious and responsible parenting and the substantive content of the concept; a list of characteristics describing ideas about parenting was determined. The authors substantiate the importance of studying social ideas about parenting from the point of view of the parental subculture. The study of ideas about conscious parenting was conducted on a sample of 2517 respondents from 23 regions of the Russian Federation. The diagnostic complex includes the study of the cognitive, emotional and behavioral components of parenting. The results revealed close connections between the cognitive and emotional components of ideas about parenting. Direct correlations were obtained between the parameters of a positive attitude towards the parental position and the nature of ideas about parenting. Acceptance of one's own parental position is associated with strategies for interacting with the child. The article presents data characterizing the features and degree of acceptance by parents of social institutions for the development of a preschool child.

Statistically significant relationships were found between the orientation of the parental position towards social institutions and value position, readiness for emotional support and acceptance of the child, the allocation of educational strategies focused on the independence of the child and the degree of awareness of parents about the peculiarities of the development and upbringing of preschool children. It was found that the basis for effective and conscious parenting is the idea of the importance of social institutions in the development of the child and the ability to accompany the child in the process of his socialization in different social contexts.

Keywords: conscious responsible parenting, social representations, acceptance of parenting, values, educational strategies, social institutions

For citation: Khuzeeva, G.R., Avdulova, T.P., Krotova, T.V. and Gaidukova, K.O. (2025), "The features of ideas about parenthood and adoption of a parental position", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 1, pp. 55–69, DOI: 10.28995/2073-6398-2025-1-55-69

Введение: постановка проблемы

Родительство представляет собой особую деятельность, имеющую в основе культурно-историческую природу. Родительство является социально-предписанным и имеющим общественную значимость видом деятельности [Карабанова 2015]. Становление родительской позиции обусловлено влиянием социальных представлений, задаваемых обществом, в контексте социальных ценностей. Родительство реализуется в направлении достижения социальных целей формирования гражданской идентичности ребенка. Родительская позиция, детерминированная обществом, выполняет функцию социализации ребенка в разнообразных институтах социа-

лизации, как проводник социальных влияний и как микросоциум для ребенка [Авдулова и др. 2023].

Современное родительство, как осознанная и ответственная позиция, представляет собой социальный феномен. Родительство включает в себя эмоциональные отношения, эмпатию, поддерживающую роль, сочувствие и принятие личности ребенка [Вагапова 2015]. Содержанием осознанного и ответственного родительства (далее – ООР) является не только набор утилитарных функций и удовлетворение потребностей ребенка, хотя эти компоненты безусловно важны и составляют базу родительского отношения [Шаповаленко 2022]. Осознанный и ответственный родитель выделяет направление развития ребенка, учитывает индивидуальные особенности и уникальные качества ребенка, соотносит индивидуальные характеристики и возрастные задачи развития [Ермихина 2004].

Ответственное родительство предполагает выполнение возложенных на родителей социальных обязательств по удовлетворению базовых потребностей ребенка, потребности в безопасности, потребности в общении и положительном эмоциональном отношении к ребенку. Ответственность родителей контролируется и регулируется государством, а различные общественные социальные институты являются пространством реализации образовательных возможностей ребенка, его права на развитие и психологическое благополучие. ООР направлено на формирование индивидуальной образовательной траектории, сотрудничество с образовательными организациями на основе внутренней, субъектной ценности ребенка и приоритетности задач родительства.

Социальные представления об осознанном и ответственном родительстве фиксируют представления общества и ориентируют конкретного родителя в ценностях, характере отношений и содержании родительской позиции. С точки зрения С. Московичи, социальные представления могут и должны выражать позицию человека как представителя группы, культуры, класса. Социальные представления выполняют познавательную, адаптивную функцию и функцию регулятора активности. В структуре социальных представлений выделяют сумму знаний об объекте, ядро и периферию представления, а также эмоциональный компонент представления [Емельянова 2006]. Социальные представления через широкие коммуникации и создают общественные отношения [Московичи 1996]. Современное родительство является социальным явлением, что определяет необходимость его изучения на больших выборках в формате именно социальных представлений. Система социальных представлений, ценностей и отношение к родительству определяют выбор репродуктивного поведения у современной молодежи [Ушакова 2020].

Феномен родительства можно рассматривать как субкультуру. Исследования, проведенные Т.Д. Марцинковской, показали, что феномен субкультуры тесно взаимосвязан с особенностями идентичности человека, особенностями личностно-смысловой сферы. Важную роль играют социальные и индивидуальные переживания, выступая механизмом присвоения ценностей данной субкультуры. Процесс становления и функционирования определенной субкультуры определяется общностью ценностей, эмоциональным принятием данных норм всеми членами субкультуры [Марцинковская 2011]. Вариативность представлений о себе существует и проявляется, во-первых, в повседневной жизни отдельного человека, а во-вторых, в определенной субкультуре. За счет чего и устанавливается динамичное и преемственное соотношение между групповой и личностной идентичностью в ситуации неопределенности [Марцинковская и др. 2019]. Социальные и индивидуальные переживания людей, образующих общность норм и ценностей, формируют пространство субкультуры. Содержание переживаний определяет содержание групповой идентичности, в частности представлений о родительстве через осознание себя частью родительского сообщества.

Таким образом, родительство можно рассматривать с точки зрения проблемы социальных представлений и представлений отдельного человека. Социальные представления отражают позицию человека как представителя определенной субкультуры. Представления о родительстве выполняют функцию инструмента познания, адаптационную функцию и функцию регуляции общения в процессе взаимодействия с ребенком. Содержание представлений о родительстве определяется суммой знаний о функциях и обязанностях родителя, характером эмоционального отношения к родительству, определяя, что наиболее или наименее важно. Образ родительства реализуется в практике родительно-детских отношений, определяя стратегии поведения и взаимодействия с ребенком [Молчанова, Хузеева 2023].

Опираясь на анализ современных исследований в области педагогической психологии, психологии семьи и психологии развития, были выделены содержательные характеристики представлений об осознанном родительстве как социальном феномене на трех уровнях: (1) общество, нормы, культурный контекст и традиции, ожидания, ценности родительства; (2) отношения родителя с конкретными социальными институтами, родительским сообществом и социальными группами, обеспечивающими условия развития ребенка (детский сад, семья, система дополнительного образования), а также с расширенной семьей; (3) межличностные отношения

родителя и ребенка, включающие чувствительность к состояниям и потребностям ребенка, характер родительского контроля [Авдулова и др. 2024].

Эмпирическое исследование

Целью эмпирического исследования стало изучение характера взаимосвязи степени принятия родительства и особенностей представлений о родительстве.

В ходе исследования были выделены следующие задачи:

- 1) определить особенности принятия различных аспектов родительства;
- 2) определить представления о роли социальных институтов на развитие ребенка и характер отношения к ним;
- 3) изучить связь особенностей принятия родительства и содержания представлений о родительстве;
- 4) выявить связь между отношением к институтам социализации и особенностями представлений о родительстве.

Было сделано предположение, что существует связь между характером представлений о разных аспектах родительства и принятием родительства, положительным отношением к социальным институтам развития ребенка.

Выборка исследования

Исследование проведено на выборке 2517 респондентов из 23 регионов РФ в возрасте от 19 до 60 лет по следующим возрастным группам: 18–24 года (7,4%); 25–34 (43,5%); 35–44 (39,6%); 45–60 лет (9,5%). Семьи распределились в зависимости от количества детей следующим образом: 1 ребенок (39,5%); 2 ребенка (36%); многодетные (24,5%); из них 85% составляют проживающие отдельно нуклеарные семьи. Городские жители – 54%; сельские жители – 46%.

На основе проверки данных с помощью критерия Колмогорова–Смирнова ($p > 0,200$) и критерия Шапиро–Уилка ($p > 0,05$) на предмет соответствия закону нормального распределения было выявлено, что большинство показателей не соответствует нормальному распределению. Исходя из этого, в качестве инструментов математической статистики были выбраны непараметрические критерии Спирмена и критерий U Манна–Уитни.

Методика исследования

Для определения особенностей представлений о родительстве использовалась комплексная методика изучения феномена «Осознанное и ответственное родительство» [Авдулова и др. 2024]. Изучались следующие параметры представлений о родительстве: отношение и принятие собственного родительства; представления о роли социальных институтов в развитии ребенка и характер отношения к ним; особенности ценностной сферы родителей; степень осведомленности родителей об особенностях развития ребенка; представления о степени чувствительности и контроля по отношению к ребенку; предпочитаемые стратегии взаимодействия с ребенком. Анализ предпочитаемых способов взаимодействия родителей с ребенком проводился с помощью методики, связанной с решением проблемных ситуаций общения с ребенком (5 кейсов) на основе перечня вариантов решений (стратегий взаимодействия с ребенком), из которых респондент должен выбрать два наиболее подходящих ему способа решения конкретной проблемной ситуации. Выделение вариантов решения (объяснительный, содействующий, потакающий, зависимый, ситуативный и т. д.) осуществлялось на основе способов взаимодействия родителей с детьми, обозначенных в исследовании Е.О. Смирновой, М.В. Быковой [Смирнова, Быкова 2000].

Особенности отношения к разным аспектам родительства и связь с характером представлений о родительстве

Эмоциональный компонент представлений о родительстве изучался через определение таких параметров, как принятие собственной родительской позиции (отношение к себе как к родителю), отношение к своим родителям и прародителям и принятие воспитательных моделей собственных родителей, отношение к культурному эталону родительства.

Изучение эмоционального компонента представлений о родительстве показало, что положительное отношение к собственному родительству связано с положительным принятием собственных родителей как образцов для воспитания собственных детей (0,255**) и позитивным отношением к культурным образцам родительства (0,470**).

В целом принятие всех аспектов родительства положительно связано с возрастом (,050*), количеством детей в семье (,064**), проживанием вместе с прародителями (,068**). Чем старше человек, тем выше вероятность принятия себя как родителя, принятия своих родителей и культурных образцов родительства. Обнаружена прямая связь позитивного отношением к своим родителям (как образцам родительства) и уровнем образования (0,060**).

Высокие показатели принятия себя как родителя, принятия своих родителей как моделей для воспитания детей и положительное отношение к эталону родительства в культуре прямо коррелирует с широким спектром ценностей в сфере воспитания. Обнаружена взаимосвязь принятия аспектов родительства со значением таких ценностей, как «традиции» (0,424**), «доброта» (0,374**), «самостоятельность» (0,320**), «безопасность» (0,408**).

Принятие собственного родительства связано с представлениями о степени чувствительности и способности к сопереживанию (0,312**), с эмоциональным принятием (0,211**) и эмоциональной поддержкой ребенка (0,268**).

Оценка степени осведомленности о возрастных особенностях и организации детских видов деятельности, о принципах воспитания и знание эффективных методов и приемов регуляции поведения ребенка выявила следующие особенности. Принятие собственного родительства прямо связано со знанием возрастных особенностей развития детей (0,085**), знанием принципов воспитания и эффективных приемов регуляции поведения ребенка. Позитивное отношение к своим родителям (как образцам родительства) связано с более высокой оценкой осведомленности в области базовых принципов воспитания (0,083**). Позитивное отношение к культурным образцам родительства положительно связано с оценкой степени осведомленности в области эффективных методов и приемов регуляции поведения ребенка (0,047**).

Следующий этап исследования был направлен на изучение предпочитаемых стратегий взаимодействия родителей с детьми дошкольного возраста. Результаты анализа изучения преобладающих стратегий взаимодействия с ребенком показали, что в качестве наиболее приемлемых стратегий взаимодействия родителей с детьми являются стратегии объяснения (34%) и содействия (16%). Автономную стратегию взаимодействия с ребенком предпочитают 12% выборки, строгий, требовательный стиль – 7%, компромиссный, эмоциональный, потакающий – по 6%, зависимый стиль – 4% выборки (табл.).

Таблица

Связь предпочитаемых стратегий
взаимодействия родителей с ребенком
и принятием себя как родителя (N = 2517)

Стиль взаимодействия	Представление о своем родительстве	Позитивное отношение к своим родителям (как образцам родительства)	Позитивное отношение к культурным образцам родительства	Общий балл принятия родительства
Объяснительный	0,16**	0,08**	0,08**	0,15**
Содействующий	0,20**		0,04*	0,13**
Строгий	-0,04*			
Компромиссный	-0,04*			
Эмоциональный	-0,09**	-0,07**	-0,06**	-,011**
Потакающий	-0,10**	-0,08**	-0,04*	-0,10**
Зависимый		0,04*	0,08**	0,05*

Как видно из таблицы, положительный образ своего родительства, образ своих родителей и образ родительства в культуре имеют тесную взаимосвязь с преобладанием объяснительного, содействующего и зависимого (стремление к разделению родительской ответственности) стилей взаимодействия. Напротив, строгий, компромиссный, эмоциональный, потакающий стили взаимодействия связаны обратной связью с различными аспектами принятия родительства.

*Особенности представлений о роли
социальных институтов в развитии ребенка
и характер отношения к ним*

В результате проведения корреляционного анализа полученных данных был обнаружен ряд закономерностей для шкалы «Активное взаимодействие родителей с социальным окружением,

системой образования в целях реализации возможностей ребенка в образовании и защите, поддержании его здоровья», где оценивается характер отношения родителей к разным социальным институтам.

Обнаружен ряд корреляционных связей, показывающих, что в основе эффективного и осознанного родительства лежит представление о значимости социальных институтов в развитии ребенка и способность сопровождать ребенка в процессе его социализации в разных социальных контекстах (детский сад, система дополнительного образования, социальные взрослые, группа сверстников). Положительное отношение родителей к разным институтам социализации ребенка прямо связано с широтой и выраженностью в структуре ценностной сферы родителей таких ценностей, как «самостоятельность» ($R = 0,231$; при $p \leq 0,01$), «доброта» ($R = 0,252$; при $p \leq 0,01$), «традиции» ($R = 0,223$; при $p \leq 0,01$), «безопасность» ($R = 0,243$; при $p \leq 0,01$) в противовес ценностям материального благополучия и статуса. Положительное отношение к социальным институтам связано с лучшей осведомленностью родителей о развитии ребенка ($R = 0,304$; при $p \leq 0,05$), в частности знаниями родителей о возрастных особенностях и организации детских видов деятельности детей ($R = 0,042$; при $p \leq 0,05$); знаниями эффективных методов и приемов регуляции поведения ребенка ($R = 0,068$; при $p \leq 0,01$). Отношение к социальным институтам связано также с такими параметрами родительства, как чувствительность и способность к сопереживанию ($R = 0,126$; при $p \leq 0,01$), эмоциональным принятием ребенка ($R = 0,121$; при $p \leq 0,01$) и эмоциональной поддержкой ($R = 0,153$; при $p \leq 0,01$).

Кроме того, ориентация в родительской позиции на сотрудничество с социальными институтами в ДОО и в системе дополнительного образования показала значимую положительную связь с воспитательной стратегией поддержки автономности ребенка, предоставления значительной самостоятельности в решении повседневных проблемных ситуаций ($R = 0,044$; при $p \leq 0,05$) и значимые отрицательные связи со строгостью, жесткостью воспитательной позиции родителя ($R = -0,039$; при $p \leq 0,05$) и ситуативной позицией в воспитании ($R = -0,045$; при $p \leq 0,05$).

Заключение

Принятие родительства (индивидуального и культурного аспекта) связано с особенностями ценностной сферы в области родительства, степенью осведомленности об особенностях развития

ребенка, степенью чувствительности к ребенку и эмоциональной поддержкой, а также предпочитаемыми стратегиями взаимодействия с ребенком.

Положительное отношение к институтам социализации (педагоги, система дополнительного образования, родительское сообщество, группа сверстников) связано со стремлением сформировать у ребенка автономность и самостоятельность, с высокой оценкой степени осведомленности о возрастных особенностях развития ребенка, широтой представленных ценностей в сфере воспитания ребенка, чувствительностью, принятием и эмоциональной поддержкой ребенка.

Данный результат показывает необходимость изучения характера социальных представлений о родительстве не только как феномена, связанного с отношением в системе «родитель – ребенок», но и как социокультурного феномена, где родительство определяется через характер отношения родителя к культурным эталонам родительства и к институтам социализации. Полученные результаты доказывают необходимость разработки технологий просвещения и сопровождения родителей.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках исполнения Государственного задания ФГБНУ «Институт развития, адаптации и здоровья ребенка» № 124031200083-2 от 12.03.2024 г. по теме научно-исследовательской работы «Модели и механизмы формирования осознанного и ответственного родительства у современной популяции родителей детей дошкольного возраста в контексте просветительской деятельности организаций, реализующих программы дошкольного образования».

Acknowledgment

The article was prepared within the framework of the execution of the State assignment of the Federal State Budgetary Scientific Institution "Institute for Development, Adaptation and Child Health" No. 124031200083-2 dated March 12, 2024 on the research work theme "Models and mechanisms for the formation of conscious and responsible parenting in the modern population of parents of preschool children in the context of educational activities of organizations implementing preschool education programs".

Литература

- Авдулова и др. 2023 – *Авдулова Т.П., Бурлакова И.А., Кротова Т.В.* Просвещение родителей / законных представителей детей дошкольного возраста как способ формирования позиции осознанного, ответственного родительства // Современное дошкольное образование. 2023. № 4 (118). С. 64–74.
- Авдулова и др. 2024 – *Авдулова Т.П., Кротова Т.В., Хузеева Г.Р.* Системный подход к изучению осознанного и ответственного родительства // Психология обучения. 2024. № 2. С. 5–16.
- Вагапова 2015 – *Вагапова А.Р.* Формирование представлений у молодежи о материнстве и отцовстве // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология». 2015. Т. 15. Вып. 2. С. 31–38.
- Емельянова 2006 – *Емельянова Т.П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества: Монография. М.: Институт психологии РАН, 2006. 537 с.
- Ермихина 2004 – *Ермихина М.О.* Формирование осознанного родительства на основе субъективно-психологических факторов: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2004. 22 с.
- Карабанова 2015 – *Карабанова О.А.* Позитивное родительство – путь к сотрудничеству и развитию // Педагогическое образование в России. 2015. № 11. С. 157–161.
- Марцинковская 2011 – *Марцинковская Т.Д.* Психология субкультуры // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования (научно-практический журнал). 2011. № 4. С. 37–49.
- Марцинковская и др. 2019 – *Марцинковская Т.Д., Солодников В.В., Карпук В.А.* Образ Я и образ мира: варианты сочетания в современной субкультуре // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2019. № 2. С. 24–36.
- Молчанова, Хузеева 2023 – *Молчанова Г.В., Хузеева Г.Р.* Феномен родительства и особенности социализации детей старшего дошкольного возраста в пространстве общения со взрослыми и со сверстниками // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2023. № 2. С. 79–93.
- Московичи 1996 – *Московичи С.* Век толп. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996. 478 с.
- Смирнова, Быкова 2000 – *Смирнова Е.О., Быкова М.В.* Опыт исследования структуры и динамики родительских отношений // Вопросы психологии. 2000. № 3. С. 14–23.
- Ушакова 2020 – *Ушакова В. Р.* Ценность семьи и родительства у молодежи с разными моделями репродуктивного поведения // Известия Саратовского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2020. Т. 20. Вып. 3. С. 322–328.
- Шаповаленко 2022 – *Шаповаленко И.В.* Современное родительство: новые исследовательские подходы // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11. № 1. С. 58–67.

References

- Avdulova, T.P., Burlakova, I.A. and Krotova, T.V. (2023), "Education of parents / legal representatives of preschool children as a way to form a position of conscious, responsible parenthood", *Preschool Education Today*, no. 4 (118), pp. 64–74.
- Avdulova, T.P., Krotova, T.V. and Khuzeeva, G.R. (2024), "The Systematic Approach to Studying Conscious and Responsible Parenthood", *Psychology of Education*, no. 2, pp. 5–16.
- Emelyanova, T.P. (2006), *Konstruirovaniye sotsial'nykh predstavlenii v usloviyakh transformatsii rossiyskogo obshchestva: monografiya* [Construction of social representations in the context of transformation of Russian society, monograph], Institut psikhologii RAN, Moscow, Russia.
- Ermikhina, M.O. (2004), *The formation of conscious parenthood based on subjective psychological factors*, PhD Thesis, Kazan, Russia.
- Karabanova, O.A. (2015), "Positive parenting – a path to cooperation and development", *Pedagogical Education in Russia*, no. 11, pp. 157–161.
- Martsinkovskaya, T.D. (2011), "Psychology of subculture", *Psychology of subculture Modern social psychology: theoretical approaches and applied research (scientific and practical journal)*, no. 4, pp. 37–49.
- Martsinkovskaya, T.D., Solodnikov, V.V. and Karpuk, V.A. (2019), "Self-image and world image: variants of connection in modern subculture", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 2, pp. 24–36.
- Molchanova, G.V. and Khuzeeva, G.R. (2023), "The phenomenon of parenthood and features of socialization of children of senior preschool age in the space of communication with adults and coevals", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 2, pp. 79–93.
- Moskovich, S. (1996), *Vek tolpy* [The Age of Crowds], Tsentr psikhologii i psikhoterapii, Moscow, Russia.
- Shapovalenko, I.V. (2022), "Modern parenting: new research approaches", *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*, vol. 11, no. 1, pp. 58–67.
- Smirnova, E.O. and Bykova, M.V. (2000), "Experience in researching the structure and dynamics of parental relationships", *Voprosy psikhologii*, no. 3, pp. 14–23.
- Ushakova, V.R. (2020), "Family Value in Young People with Different Reproductive Behaviors", *Izvestiya of Saratov State University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, vol. 20, no. 3, pp. 322–328.
- Vagapova, A.R. (2015), "Formation of ideas among young people about motherhood and fatherhood", *Izvestiya of Saratov State University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, vol. 15, no. 2, pp. 31–38.

Информация об авторах

Гузелия Р. Хузеева, кандидат психологических наук, Институт развития, адаптации и здоровья ребенка, Москва, Россия; 119121, Москва, Россия, Погодинская ул., д. 8, к. 2;

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; 119435, Россия, Москва, Малая Пироговская ул., д. 1;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; guzeliya.h@yandex.ru

Татьяна П. Авдулова, кандидат психологических наук, Институт развития, адаптации и здоровья ребенка, Москва, Россия; 119121, Москва, Россия, Погодинская ул., д. 8, к. 2;

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; 119435, Россия, Москва, Малая Пироговская ул., д. 1; avdulova@bk.ru

Татьяна В. Кротова, кандидат педагогических наук, Институт развития, адаптации и здоровья ребенка, Москва, Россия; 119121, Москва, Россия, Погодинская ул., д. 8, к. 2;

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; 119435, Россия, Москва, Малая Пироговская ул., д. 1; tv.krotova@mpgu.su

Ксения О. Гайдукова, Институт развития, адаптации и здоровья ребенка, Москва, Россия; 119121, Москва, Россия, Погодинская ул., д. 8, к. 2;

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; 119435, Россия, Москва, Малая Пироговская ул., д. 1; gaidukova.k@mail.ru

Information about the authors

Guzelia R. Khuzeeva, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047;

Institute for Development, Adaptation and Child Health, Moscow, Russia; bld. 8, Pogodinskaya Street, Moscow, Russia, 119121;

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; bld. 1, Malaya Pirogovskaya Street, Moscow, Russia, 119435; guzeliya.h@yandex.ru

Tatyana P. Avdulova, Cand. of Sci. (Psychology), Institute for Development, Adaptation and Child Health, Moscow, Russia; bld. 8, Pogodinskaya Street, Moscow, Russia, 119121;

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; bld. 1, Malaya Pirogovskaya Street, Moscow, Russia, 119435; avdulova@bk.ru

Tatyana V. Krotova, Cand. of Sci. (Pedagogics), Institute for Development, Adaptation and Child Health, Moscow, Russia; bld. 8, Pogodinskaya Street, Moscow, Russia, 119121;

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; bld. 1, Malaya Pirogovskaya Street, Moscow, Russia, 119435; tv.krotova@mpgu.su

Ksenia O. Gaidukova, Institute for Development, Adaptation and Child Health, Moscow, Russia; bld. 8, Pogodinskaya Street, Moscow, Russia, 119121;

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; bld. 1, Malaya Pirogovskaya Street, Moscow, Russia, 119435; gaidukova.k@mail.ru

Различия отношения матерей и отцов к подросткам в полных и неполных российских семьях

Андрей С. Моисеев

Российский государственный гуманитарный университет

Финансовый университет при Правительстве РФ

Москва, Россия, asmoiseev@fa.ru

Наталья В. Костогорова

Московский институт психоанализа, Москва, Россия

natkstgrv@gmail.com

Аннотация. В статье акцентируется одна из наиболее актуальных тем в современном российском обществе – взаимодействие отцов, матерей с детьми подросткового возраста: обобщаются теоретические подходы, описывающие детско-родительские отношения; рассматриваются различные аспекты взаимодействия отцов и матерей с подростками; определяется преобладающий стиль воспитания в семьях; выявляются отдельно у матерей и отцов психологические проблемы личностного характера, влияющие на отношения с детьми. Авторами демонстрируются результаты эмпирического исследования взаимодействия отцов и матерей с детьми подросткового возраста. Получены результаты, которые показывают, что в отношении детей со стороны родителей преобладает попустительский стиль воспитания (гипопротекция), и определены факторы, способствующие формированию данного стиля воспитания. Обнаружены особенности в отношении к детям отдельно матерей и отцов в полных семьях и особенности в отношении матерей к детям в неполных семьях. Выделены личностные характеристики родителей, способствующие гипопротекции отдельно в полных и неполных семьях. Результаты эмпирического исследования имеют теоретическую значимость, расширяя понимание особенностей взаимодействия родителей и подростков. В практическом аспекте результаты исследования имеют ценность в области психологического консультирования родителей в части детско-родительских отношений, профилактике девиантного поведения подростков.

Ключевые слова: семья, детско-родительские отношения, родители, матери, отцы, подростки, межличностное взаимодействие, социально-психологическое развитие

Для цитирования: Мосеев А.С., Костогорова Н.В. Различия отношения матерей и отцов к подросткам в полных и неполных российских семьях // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2025. № 1. С. 70–91. DOI: 10.28995/2073-6398-2025-1-70-91

Differences in the attitudes of mothers and fathers towards adolescents in full and incomplete Russian families

Andrey S. Moiseev

Russian State University for the Humanities

Financial University under the Government of the Russian Federation

Moscow, Russia, asmoiseev@fa.ru

Natalia V. Kostogorova

Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

natkstgrv@gmail.com

Abstract. The article focuses on one of the most relevant topics in modern Russian society – the interaction of fathers, mothers with adolescent children: theoretical approaches describing child-parent relations are summarized; various aspects of interaction between fathers and mothers with adolescents are considered; the prevailing parenting style in families is determined; psychological issues of a personal nature are identified separately for mothers and fathers, affecting relationships with children. The authors demonstrate the results of an empirical study in the interaction of fathers and mothers with adolescent children. The results obtained show that a permissive parenting style (hypoprotection) prevails in relation to children on the part of parents and the factors contributing to the formation of such parenting style are identified. The article demonstrates specifics in the attitude of mothers and fathers to children separately in full families and those in the attitude of mothers to children in single-parent families. The personal characteristics of parents that contribute to hypoprotection separately in full and incomplete families are highlighted. The results of the empirical study have theoretical significance, expanding the understanding of the patterns in interaction between parents and adolescents. In practical terms, the results of the study are valuable in the field of psychological counseling of parents in terms of child-parent relations, prevention of deviant behavior of adolescents.

Keywords: family, child-parent relations, parents, mothers, fathers, teenagers, interpersonal interaction, social and psychological development

For citation: Moiseev, A.S. and Kostogorova, N.V. (2025), "Differences in the attitudes of mothers and fathers towards adolescents in full and incomplete Russian families", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 1, pp. 70–91, DOI: 10.28995/2073-6398-2025-1-70-91

Введение

В настоящее время в российском обществе первостепенное внимание уделяется сложностям, связанным с процессами, происходящими в семьях, и особенно детско-родительским отношениям и вопросам воспитания. Внимание к детско-родительским отношениям связано с тем, что в семье происходит становление и развитие детей как личностей, приобретается социальный опыт, формируются установки и ценности, заимствуются нормы и образцы поведения и общения, обеспечивающие включение детей в социальную жизнь общества [Кольцова 2018]. Семья является первой социальной средой, в которой дети учатся взаимодействию с другими на примере отношений с родителями [Крайг, Бокум 2021].

Важность семьи, как ведущего фактора воспитания и развития ребенка, определяется ее ролью в формировании личности ребенка, его мотивационной сферы, потребностей, системы отношений к окружающим людям и самому себе [Чумаков, Пахомова 2018].

Семья – первичная группа, которая, в отличие от других подобных образований, влияет на индивидуальное и социальное развитие детей [Винникотт 2019]. Проблемы в развитии детей всегда связаны с проблемами внутри семьи [Винникотт 2019]. Отношение родителей к детям – ведущий фактор в развитии и воспитании детей, так как дети не только копируют родителей, но и усваивают с их помощью новые знания [Брушлинский 2006].

Отношения родителей к детям в теоретических подходах психологических исследований

Высокая значимость детско-родительских отношений представлена во многих психологических исследованиях [Кольцова 2018; Белопольская 2007].

В зарубежных психологических исследованиях роль детско-родительских отношений в развитии детей представлена следующими научными направлениями: психоаналитическим (З. Фрейд, А. Фрейд, А. Адлер, Э. Эриксон, К. Хорни, К. Юнг и другие),

бихевиористским (Дж. Уотсон, Б. Скиннер, Р. Сирс, А. Бандура, Н. Миллер), гуманистическим (А. Маслоу, К. Роджерс, В. Франкл, Р. Мэй).

Психоаналитическое направление, в основе которого находится классический психоанализ, обращает внимание на то, что отношение родителей к детям имеет важнейшее значение в социально-психологическом развитии детей. Последствия негативных детско-родительских отношений проявляются на протяжении дальнейшего жизненного пути человека [Демакова 2020].

Э. Эриксон считает, что доброжелательное и внимательное отношение родителей к детям способствует развитию успешной личности [Эриксон 2021].

К. Юнг утверждает, что неудачи детей, связанные с процессами межличностного взаимодействия, лишь отражают неблагоприятную душевную атмосферу внутри семьи [Юнг 2020].

А. Адлер рекомендует родителям заниматься самовоспитанием, так как модель их межличностного взаимодействия влияет на социально-психологическое развитие детей [Адлер 2018].

В бихевиоризме поведение детей представляется как их реакция на воздействие факторов внешней среды; поднимается тема детской избалованности [Уотсон 2010].

В гуманистическом направлении процесс воспитания рассматривается на уважительном отношении родителей к детям, соблюдении их прав и свобод [Демакова 2020].

В отечественной психологии проблема детско-родительских отношений рассматривается в рамках системно-деятельностного (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн), культурно-исторического (Л.С. Выготский, Д.А. Леонтьев, А.Р. Лурия), субъектно-деятельностного (К.А. Альбуханова, А.В. Брушлинский), функционального (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, Д.Б. Эльконин) подходов.

В системно-деятельностном подходе социально-психологическое развитие детей осуществляется в ходе их деятельности; культурно-историческом – в действии общественно-исторических законов и в процессе приспособления к окружающей среде. В субъектно-деятельностном подходе родители признаются субъектами собственной жизни, являющимися примером для детей. В функциональном подходе воспитание является главной функцией детско-родительских отношений [Демакова 2020].

Созданная Л.С. Выготским культурно-историческая теория показывает важнейшую роль обучения в социально-психологическом развитии детей. Также Л.С. Выготский считает, что основой воспитания является личная деятельность детей [Выготский 2020; Выготский 2022].

Согласно теории А.Н. Леонтьева, межличностное развитие детей происходит через проживание ими опыта отношений с родителями [Леонтьев 2019].

С.Л. Рубинштейн в своих исследованиях показывает роль семьи в социально-психологическом развитии детей. В семье дети воспитываются и обучаются под руководством родителей на их собственном примере [Рубинштейн 2021].

Д.Б. Эльконин рассматривает развитие детей через повторение проявляемых родителями качеств личности, через воспроизведение ими отношений между родителями и своих отношений с родителями [Эльконин 1997].

Таким образом, представители зарубежных направлений считают, что детско-родительские отношения задают направление социально-психологическому развитию детей, а представители отечественной психологии придают особое значение воспитанию и деятельности детей в семье [Демакова 2020].

Отношение родителей к детям в зарубежных и отечественных психологических исследованиях

Проблема отношений детей и родителей определяется не только разнообразием и сложностью их взаимоотношений, но и нарушениями взаимоотношений в семье как между родителями, так между детьми и родителями. Нарушения межличностных отношений в семье между родителями, между детьми и родителями могут оказывать существенное влияние на социально-психологическое развитие детей.

Обратимся к исследованиям в отечественной и зарубежной психологии, описывающим особенности отношений родителей к детям.

В.М. Бехтерев считает, что немаловажную роль в развитии личности детей играет их воспитание и образование, так как именно воспитанием впервые устанавливаются основные особенности будущей личности. Причем вопросы воспитания чрезвычайно деликатны и требуют большой осмотрительности со стороны родителей. Личность родителей, их авторитет имеет более значимый вклад в развитие ребенка, чем влияние. Развитие человеческой личности нуждается в самом старательном воспитании, а между тем так мало внимания уделяется этому делу [Бехтерев 1997]. А.И. Лактионова показывает значимость отношений родителей к подросткам, так как детско-родительские отношения являются основой для формирования детьми своей внутренней модели отношений с

другими и образа того, что можно ожидать от окружающих. Осознание родителями ценности детско-родительских отношений в социально-психологическом развитии детей, внимание родителей к данным отношениям, умение родителей создавать и поддерживать эмоциональную близость с детьми являются важнейшими предпосылками для развития подростков как социально зрелых личностей [Лактионова 2019].

Нейпир Огастус и Витаке Карл считают, что каждая семья – это общество в миниатюре, социальная система с собственными правилами, структурой, руководством, осуществляемым родителями. Уникальная микрокультура семьи состоит из скрытых правил и ритуалов, которые устанавливаются родителями [Нейпир, Витаке 2016].

Ларри Хьелл и Дэниел Зиглер, рассматривая различные теории личности, приходят к выводу, что для социально-психологического развития детей особую роль играют такие факторы, как форма родительского поведения, родительские убеждения и цели. Родители являются для детей моделью для подражания и, посредством собственных поступков, оказывают влияние на формирование у детей различных схем межличностного взаимодействия, сохраняющихся на протяжении их дальнейшей жизни [Хьелл, Зиглер 2020].

Анна Фрейд считает, что процесс социального развития детей складывается под влиянием родителей, что говорит о важности особенностей личности родителей [Фрейд 2018]. Она обращает внимание на то, что в настоящее время многие родительские пары готовы идти навстречу ребенку, приспособляя свое собственное мнение к потребностям растущей личности. Согласно выводам Анны Фрейд, подобная толерантность родителей малоэффективна в деле воспитания и уменьшения трудностей подросткового периода [Фрейд 2016].

Ф. Дольто рассматривает особенности отношения родителей к детям-подросткам в современном обществе, в частности, существует установка, что родители должны помочь детям взрослеть, стать ответственными за себя и не превратиться в «запоздалых подростков». Однако данная установка приводит к излишнему усердию родителей в части взросления подростков. В подростковом возрасте дети наиболее уязвимы, им необходима поддержка родителей. Отношение родителей к детям подросткового возраста как к взрослым, заикленность на себе приводят к появлению у детей-подростков негативизма, приступов агрессии, что негативно сказывается на их социальном развитии [Дольто 2022]. Не по годам развитые подростки испытывают, с одной стороны, потребность в общении, с другой – трудности в общении [Дольто 2024].

Кроме того, в современном обществе наблюдается большое количество неполных семей, где ребенка воспитывает один родитель, в основном мать.

В.М. Целуйко считает, что мнения в обществе в отношении влияния неполных семей на социально-психологическое развитие детей расходятся, в частности, одни видят негативное влияние, другие – не видят, а наоборот, считают, что для детей не важно, воспитываются они одним или двумя родителями, а третьи видят преимущества неполной семьи в том, что оставшийся с детьми родитель самостоятельно несет ответственность за детско-родительские отношения [Целуйко 2000].

В современном обществе такие родительские функции, как обучение, эмоциональная поддержка, защита детей и забота о них с целью их здорового социально-психологического развития, не являются важными. Раньше смысл жизни родителей, вся организация семейной жизни задавались ценностью детства, то есть дети в конкуренции с профессиональной деятельностью родителей всегда находились на первом месте. В настоящее время обществом подвергается сомнению важность воспитания среди других жизненных ценностей родителей [Поливанова 2015]. В современных психологических исследованиях появился новый термин – функционально неполные семьи, где двое родителей фактически постоянно отсутствуют по профессиональным или другим причинам [Целуйко 2000]. Родители после трудового дня приходят домой эмоционально уставшими и напряженными. Дети, оказываясь под воздействием данного родительского состояния, чувствуют родительскую отчужденность, и, естественно, пытаются обратить на себя внимание. В подростковом возрасте данный фактор ухудшает и без того трудные детско-родительские отношения в семье. Причиной приоритета у родителей профессиональной деятельности в сравнении с родительскими функциями являются переживания об обеспечении необходимого уровня жизни [Журавлев 2012].

Снижение у родителей ценности воспитания, недостаточное внимание к детско-родительским отношениям приводят к снижению уважения со стороны детей к родителям, к потере авторитетности мнения родителей, к моральному давлению детей на родителей [Бухтиярова 2019]. Руководство со стороны родителей и их солидарность в вопросах воспитания особенно важны для формирования у детей ощущения безопасности [Витакер, Бамберри 2019].

Увидеть целостную картину отношений родителей к подросткам, понять их особенности можно, только системно обследуя семьи – отдельно матерей, отцов и их личностные особенности. Важно учитывать, в какой семье растет и развивается подросток

(полной, неполной), так как это влияет на формирование его личности и на детско-родительские отношения. В связи с изложенными особенностями нами подобрана методика для параллельного опроса матерей, отцов и их личностных особенностей. Подобранная методика дает возможность для измерений одних и тех же параметров одновременно у обоих родителей. Подобные исследования – большая редкость. В данной статье представлены результаты, которые получены в ходе более широкого исследования «Взаимосвязь типа детско-родительских отношений с проявлением враждебности, агрессивности и конфликтности подростков к родителям».

Выборка и методы исследования

Теоретическим объектом представленного исследования является отношение родителей к детям, эмпирическим – родители подростков (возраст 12–18 лет), предметом – особенности отношения родителей к детям-подросткам. В связи с этим цель исследования – выявление особенностей отношения родителей к детям-подросткам; общая гипотеза исследования – отношение родителей к подросткам может носить не только конструктивный, но и деструктивный характер. Частные гипотезы исследования:

- 1) в современных российских семьях доминирует попустительский стиль воспитания;
- 2) в неполных семьях попустительский стиль воспитания менее выражен, чем в полных;
- 3) матери по сравнению с отцами больше проецируют свои проблемы с супругом на детей, поощряют их инфантильное поведение и идут у них на поводу;
- 4) отцы по сравнению с матерями более отстранены от воспитания детей, проецируют на них свои психологические проблемы и более стереотипны в гендерном воспитании.

Для решения теоретических задач производится анализ основных научных подходов к проблеме изучения детско-родительских отношений, определяются особенности отношений родителей к подросткам.

В исследовании приняли участие 156 семей, в частности 234 родителя в возрасте 40–50 лет и 156 подростков в возрасте 12–18 лет.

Для решения поставленных задач и проверки положений гипотезы использовались методы теоретического анализа психологической литературы; эмпирические методы: анкетирование; методы количественной и качественной обработки полученных результатов;

интерпретационные методы. Для обработки результатов использована программа SPSS. Анализ различий между выборками производился с помощью критерия Манна–Уитни. Взаимосвязи между переменными определялись с помощью критерия Спирмена.

Для исследования принято решение использовать методику стиля родительского воспитания АСВ Э.Г. Эйдемиллера, В.В. Юстицкиса, предназначенную для установления типов дисгармоничного семейного воспитания, провоцирующих отклонения в развитии личности детей и подростков. Кроме того, методика АСВ позволяет диагностировать ряд психологических (личностных) проблем родителей, решаемых за счет ребенка.

Результаты исследования

Диагностикой особенностей отношения родителей к детям по методике «Опросник стиля родительского воспитания (АСВ)» определено отношение родителей к детям-подросткам. Для сравнения отношения матерей и отцов к детям использован критерий Манна–Уитни. Данный критерий предназначен для оценки различий между двумя выборками по уровню какого-либо признака. В статье представлены только статистически значимые показатели. Результаты оценки у родителей уровня протекции в процессе воспитания представлены на рис. 1.

Рис. 1. Результаты оценки у родителей уровня протекции в процессе воспитания

В частности, можно увидеть, что в исследуемых семьях преобладает гипопротекция – тип взаимодействия родителей с детьми, при котором дети испытывают недостаток внимания родителей. Причем нет существенного различия у матерей (4,54) и отцов (4,85).

Результаты оценки степени потребностей ребенка представлены на рис. 2.

Рис. 2. Результаты оценки степени удовлетворения родителями потребностей ребенка

В частности, результаты оценки степени удовлетворения родителями потребностей ребенка показали наличие потворствования как со стороны матерей (2,85), так и со стороны отцов (3,0) и низкий уровень игнорирования потребностей матерями (0,77) и отцами (1,15).

Результаты оценки количества и качества требований к ребенку в семье представлены на рис. 3.

Выявлена недостаточность требований-обязанностей как со стороны матерей (2,85), так и со стороны отцов (2,69), что подтверждается низкими значениями по шкалам «чрезмерность требований-обязанностей» (матери – 1,46, отцы – 0,92), «недостаточность требований-запретов» (матери – 1,38, отцы – 1,62), «чрезмерность требований-запретов» (матери – 1,23, отцы – 1,38).

Результаты оценки степени строгости санкций (наказаний) за нарушение требований ребенком представлено на рис. 4.

Рис. 3. Результаты оценки количества и качества требований к ребенку в семье

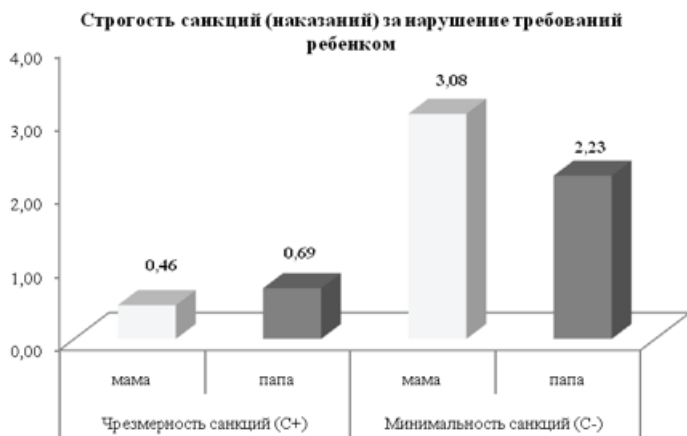

Рис. 4. Результаты оценки степени строгости санкций (наказаний) за нарушение требований ребенком

Выявлены низкие значения по шкале «чрезмерность санкций» со стороны обоих родителей (матери – 0,46, отцы – 0,69) и высокие значения по шкале «минимальность санкций» (матери – 3,08, отцы – 2,23).

Результаты оценки уровня неустойчивости стиля воспитания представлены на рис. 5.

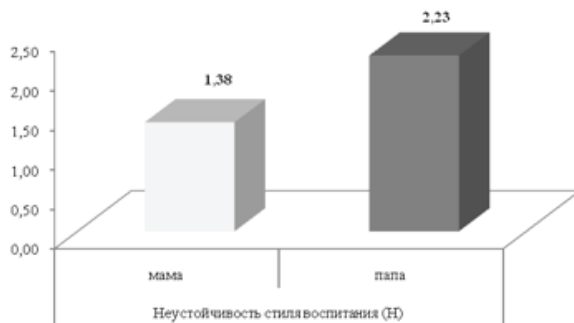

Рис. 5. Неустойчивость стиля воспитания

Выявлено преобладание неустойчивости стиля воспитания у отцов (2,23) в сравнении с матерями (1,38).

Результаты оценки психологических (личностных) проблем родителей, решаемых за счет ребенка, представлены на рис. 6.

Рис. 6. Результаты оценки психологических (личностных) проблем родителей, решаемых за счет ребенка

В частности, со стороны матерей в отношении ребенка-подростка в сравнении с отцами выявлено преобладание расширения сферы родительских чувств (1,31 и 1,0), предпочтение детских качеств (1,0 и 0,62), воспитательная неуверенность (1,92 и 1,31), предпочтение женских качеств (1,08 и 0,92), фобия утраты (1,0 и 0,92). Со стороны отцов в отношении ребенка-подростка в сравнении с матерями выявлено преобладание неразвитости родительских чувств (1,46 и 0,77), проекция собственных чувств (1,54 и 1,08), преобладание мужских качеств (0,92 и 0,08).

Дополнительно проведена диагностика особенностей отношения родителей к детям-подросткам в неполных семьях. Результаты показывают разное отношение родителей к детям в неполных и полных семьях.

Уровень протекции в процессе воспитания в полных и неполных семьях представлен на рис. 7.

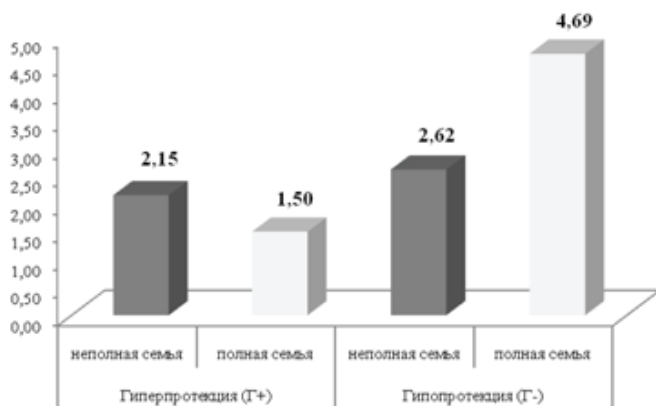

Рис. 7. Уровень протекции в процессе воспитания в полных и неполных семьях

В частности, результаты показали, что гипопротекция преобладает в полных семьях (4,69) в сравнении с неполными (2,62).

Степень удовлетворения потребностей ребенка в полных и неполных семьях представлена на рис. 8.

В частности, результаты показали, что в неполных семьях потворствование преобладает (3,46) в сравнении с полными (2,92).

Количество и качество требований к ребенку в семье в полных и неполных семьях представлено на рис. 9.

Рис. 8. Степень удовлетворения потребностей ребенка в полных и неполных семьях

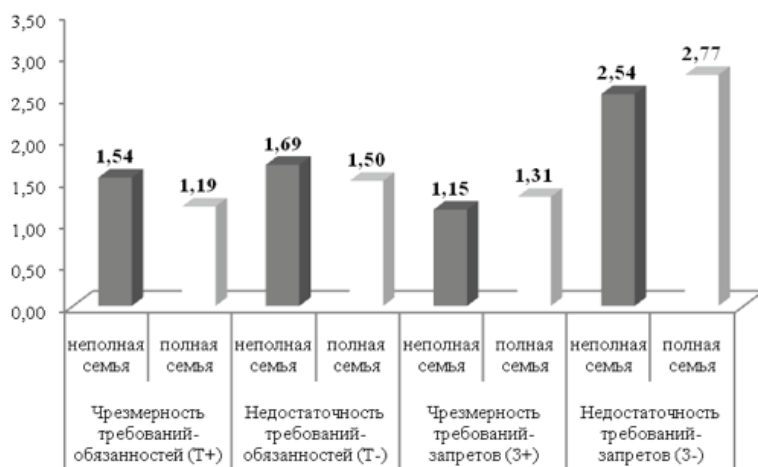

Рис. 9. Количество и качество требований к ребенку в полных и неполных семьях

Чрезмерность требований-обязанностей (1,54), недостаточность требований-обязанностей (1,69) в неполных семьях выше, чем в полных (1,19 и 1,50 соответственно). При этом чрезмерность требований-запретов (1,15), недостаточность требований-запретов (2,54) ниже, чем в полных семьях (1,31 и 2,77 соответственно).

Строгость санкций (наказаний) за нарушение требований ребенком в полных и неполных семьях представлена на рис. 10.

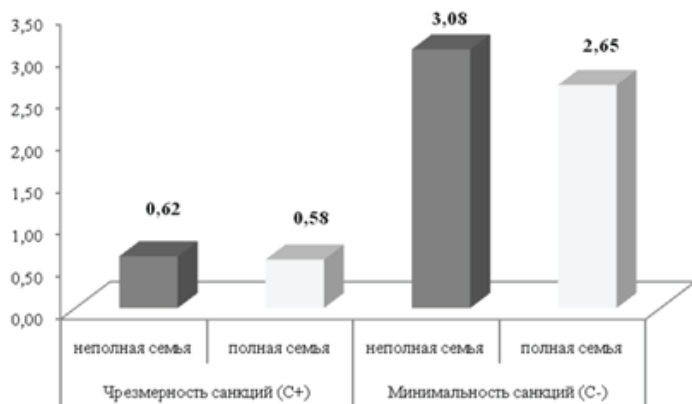

Рис. 10. Строгость санкций (наказаний) за нарушение требований ребенком в полных и неполных семьях

В неполных семьях в большей степени присутствует «минимальность санкций», чем в полных (3,08 и 2,65).

Неустойчивость стиля воспитания в полных и неполных семьях представлена на рис. 11.

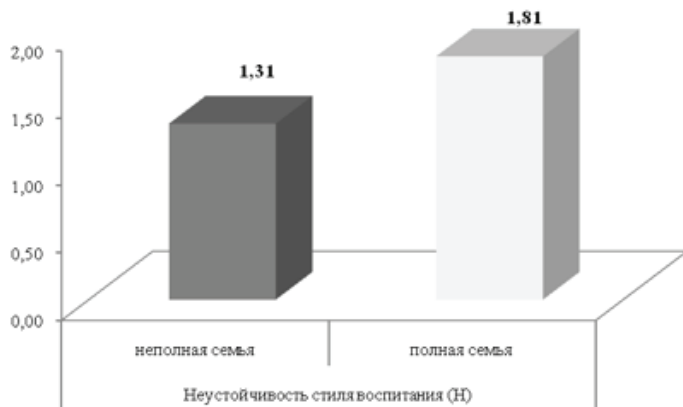

Рис. 11. Неустойчивость стиля воспитания в полных и неполных семьях

Неустойчивость стиля воспитания в полных семьях выше (1,81), чем в неполных (1,31).

Результаты оценки психологических (личностных) проблем родителей, решаемых за счет ребенка, в полных и неполных семьях представлены на рис. 12.

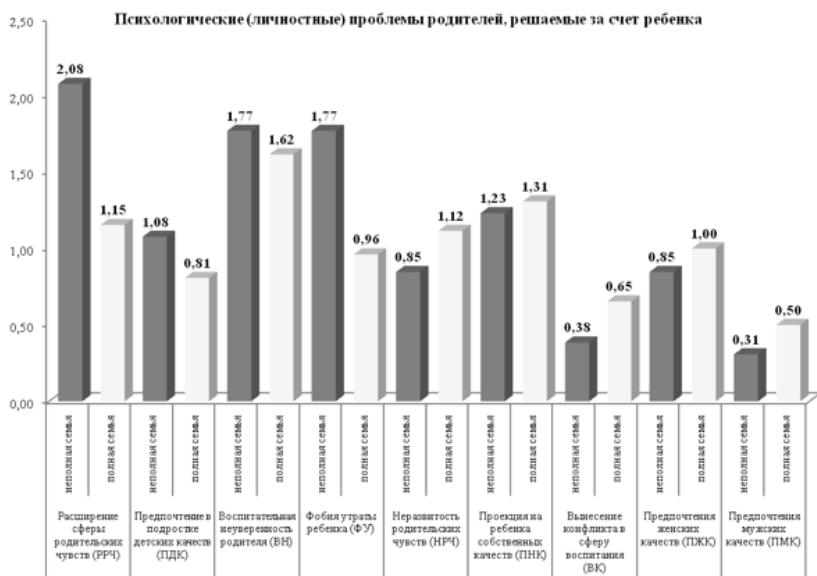

Рис. 12. Результаты оценки психологических (личностных) проблем родителей, решаемых за счет ребенка, в полных и неполных семьях

В неполных семьях у родителей (матерей) обнаружено преобладание следующих личностных особенностей в сравнении с полными семьями: расширение сферы родительских чувств (2,08 и 1,15), предпочтение в подростке детских качеств (1,08 и 0,81), воспитательная неуверенность (1,77 и 1,62), фобия утраты ребенка (1,77 и 0,96). При этом в неполных семьях в меньшей степени проявляется проекция на ребенка собственных чувств (1,23 и 1,31), вынесение конфликта в сферу воспитания (0,38 и 0,65), предпочтение женских качеств (0,85 и 1,0), предпочтение мужских качеств (0,31 и 0,50).

Обсуждение результатов

Таким образом, на эмпирическом уровне подтверждается, что в исследуемых семьях родителями используется попустительский стиль воспитания (гипопротекция), в основе которого – потворствование, минимальность санкций, недостаточность требований-запретов, недостаточность требований-обязанностей, неустойчивый стиль воспитания.

Причинами преобладания попустительского стиля воспитания являются как условия развития современного общества, так и личностные особенности самих родителей, в том числе приводящие к тому, что родители за счет детей решают свои психологические (личностные) проблемы.

Получены также результаты, показывающие особенности отношения родителей к детям в неполных и полных семьях.

Попустительский стиль воспитания в полных семьях выражен в большей степени, чем в неполных. Кроме того, в семьях, где дети проживают с матерью и отцом, выше значения по параметрам: потворствование, чрезмерность требований-запретов, недостаточность требований-запретов, неустойчивый стиль воспитания.

В неполных семьях преобладает чрезмерность требований-обязанностей, недостаточность требований-обязанностей, минимальность санкций.

Обнаруженные психологические (личностные) проблемы родителей, решаемые за счет детей, подтверждают особенности воспитания в неполных и полных семьях.

В неполных семьях у родителей (матерей) выявлены следующие личностные особенности – расширение сферы родительских чувств, предпочтение в подростке детских качеств, воспитательная неуверенность, фобия утраты; в полных – проекция на ребенка собственных чувств, вынесение конфликта в сферу воспитания, предпочтение женских или мужских качеств.

Выводы

Выявлены особенности отношения отдельно матерей и отцов в полных и неполных семьях. Произведена сравнительная характеристика отношения матерей и отцов в полных и неполных семьях.

Результаты исследования показывают, что в отношении детей со стороны родителей преобладает попустительский стиль воспитания (гипопротекция), причем в полных семьях уровень гипопротекции выше, чем в неполных.

Определены условия, способствующие формированию попустительского стиля воспитания, выделены личностные особенности родителей, способствующие гипопротекции, произведено сравнение данных параметров в полных и неполных семьях.

Полученные данные подтверждают результаты, отмеченные нами в предыдущих работах [Моисеев, Костогорова 2023], в частности, выявлены условия, при которых детско-родительские отношения развиваются как попустительские с минимальными требованиями, автономностью, отсутствием сотрудничества.

Литература

- Адлер 2018 – Адлер А. Индивидуальная психология. СПб.: Питер, 2018. 256 с.
- Белопольская и др. 2007 – Белопольская Н.Л., Иванова С.Р., Свистунова Е.В., Шафирова Е.М. Самосознание проблемных подростков. М.: Ин-т психологии РАН, 2007. 332 с.
- Бехтерев 1997 – Бехтерев В.М. Проблемы развития и воспитания человека. М.: Ин-т практической психологии, 1997. 416 с.
- Брушлинский 2006 – Брушлинский А.В. Избранные психологические труды. М.: Ин-т психологии РАН, 2006. 623 с.
- Бухтиярова 2019 – Бухтиярова И.Н. Межличностные отношения детей и родителей: теоретико-методологический анализ // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 3. С. 76–80.
- Винникотт 2019 – Винникотт Д.В. Все мы родом из родительского дома. СПб.: Питер, 2019. 288 с.
- Витакер, Бамберри 2019 – Витакер К., Бамберри В. Танцы с семьей. СПб.: Питер, 2019, 224 с.
- Выготский 2020 – Выготский Л.С. Лекции по психологии. СПб.: Перспектива, 2020. 148 с.
- Выготский 2022 – Выготский Л.С. Педология подростка. Психологическое и социальное развитие подростка. СПб.: Питер, 2022. 224 с.
- Демакова 2020 – Демакова Е.Ю. Теоретические подходы к изучению проблемы детско-родительских отношений // Студенческая наука и XXI век. 2020. Т. 17. № 1–2 (19). С. 306–308.
- Дольто 2022 – Дольто Ф. На стороне подростка. Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2022. 423 с.
- Дольто 2024 – Дольто Ф. Все это язык тела. СПб.: Питер, 2024. 192 с.
- Журавлев и др. 2012 – Журавлев А.Л., Ляшенко А.И., Иноземцева В.Е., Ушакова Д.В. Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе. М.: Ин-т психологии РАН, 2012. 341 с.
- Кольцова 2018 – Кольцова В.А. Социально-психологические проблемы супружеских отношений: история и современное состояние. М.: Ин-т психологии РАН, 2018. 174 с.

- Крайг, Бокум 2021 – *Крайг Г., Бокум Д.* Психология развития. СПб.: Питер, 2021. 940 с.
- Лактионова 2019 – *Лактионова А.И.* Жизнеспособность и социальная адаптация подростков. М.: Ин-т психологии РАН, 2017. 236 с.
- Леонтьев 2019 – *Леонтьев А.Н.* Психологические основы развития ребенка и обучения. М.: Смысл, 2019. 423 с.
- Моисеев, Костогорова 2023 – *Моисеев А.С., Костогорова Н.В.* Особенности детско-родительских отношений подростков и их родителей // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2023. № 3 (70). С. 377–390.
- Нейпир, Витаке 2016 – *Нейпир О., Витаке К.* Семья в кризисе. Опыт терапии одной семьи, преобразивший всю ее жизнь. М.: Когито-центр, 2016. 344 с.
- Поливанова 2015 – *Поливанова К.Н.* Современное родительство как предмет исследования // Журнал «Психологическая наука и образование». 2015. Т. 7. № 3. С. 1–11.
- Рубинштейн 2021 – *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2021. 713 с.
- Уотсон 2010 – *Уотсон Д.* Психологический уход за ребенком. М.: Книжный дом «Либроком». 2010 с.
- Фрейд 2016 – *Фрейд А.* Введение в детский психоанализ. М.: ИОИ, 2016. 184 с.
- Фрейд 2018 – *Фрейд А.* Норма и патология в детстве: оценка детского развития. М.: ИОИ, 2018. 202 с.
- Хьелл, Зиглер 2020 – *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. СПб.: Питер, 2020. 608 с.
- Целуйко 2000 – *Целуйко В.М.* Неполная семья. Волгоград: Перемена, 2020. 114 с.
- Чумаков, Пахомова 2018 – *Чумаков Н.А., Пахомова И.А.* Взаимосвязь детско-родительских отношений в семье и формирование самостоятельности ребенка // Наука в современном информационном обществе: XIV Междунар. научно-практич. конф.: Северный Чарльстон, США, 23–24 января 2018 г. North Charleston: CreateSpace, 2018. Т. 3. С. 67–70.
- Эльконин 1997 – *Эльконин Д.Б.* Психическое развитие в детских возрастах: избранные психологические труды. М.: Институт практической психологии, 1997. 416 с. URL: [http:// www.psychlib.ru/inc/absid.php?absid=10979](http://www.psychlib.ru/inc/absid.php?absid=10979) (дата обращения 20 мая 2023).
- Эриксон 2021 – *Эриксон Э.* Детство и общество. СПб.: Питер, 2021. 448 с.
- Юнг 2020 – *Юнг К.* Аналитическая психология: теория и практика. Тавистокские лекции. М.: Ин-т Общегуманитарных исследований, 2020. 268 с.

References

- Adler, A. (2018), *Individual'naya psikhologiya* [Individual psychology], Piter, St. Petersburg, Russia.
- Bekhterev, V.M. (1997), *Problemy razvitiya i vospitaniya cheloveka* [Issues of human development and upbringing], Institut prakticheskoi psikhologii, Moscow, Russia.

- Belopolskaya, N.L., Ivanova, S.R., Svistunova, E.V. and Shafirova, E.M. (2007), *Samoznanie problemnykh podrostkov* [Self-awareness of problem adolescents], Institut psikhologii RAN, Moscow, Russia.
- Brushlinsky, A.V. (2006), *Izbrannyye psikhologicheskie trudy* [Selected psychological works], Institut psikhologii RAN, Moscow, Russia.
- Bukhtiyarova, I.N. (2019), "Interpersonal relations between children and parents: theoretical and methodological analysis", *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, no. 3, pp. 76–80.
- Chumakov, N.A. and Pakhomova, I.A. (2018), "The relationship of child-parent relations in the family and the formation of child independence", *Nauka v sovremennom informatsionnom obshchestve: XIV mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya*: [Science in the modern information society, XIV International scientific and practical conference: Conference proceedings], vol. 3, North Charleston, USA, 23–24 January, CreateSpace, North Charleston, pp. 67–70.
- Demakova, E.Yu. (2020), "The theoretical approaches to studying children-parental relations", *Studencheskaya nauka i XXI vek*, vol. 17, no. 1–2 (19), pp. 306–308.
- Dolto, F. (2022), *Na storone podrostka* [On the side of a teenager], Rama Publishing, Yekaterinburg, Russia.
- Dolto, F. (2024), *Vse eto yazyk tela* [All this is body language], Piter, St. Petersburg, Russia.
- Elkonin, D.B. (1997), *Psikhicheskoe razvitiye v detskikh vozrastakh: izbrannyye psikhologicheskie trudy* [Mental development in childhood. Selected psychological works], Institut prakticheskoi psikhologii, Moscow, Russia, available at: [http:// www.psychlib.ru/inc/absid.php?absid=10979](http://www.psychlib.ru/inc/absid.php?absid=10979) (Accessed 20 May 2023).
- Erickson, E. (2021), *Detstvo i obshchestvo* [Childhood and society], Piter, St. Petersburg, Russia.
- Freud, A. (2016), *Vvedenie v detskii psikhoanaliz* [Introduction to child psychoanalysis], IOI, Moscow, Russia.
- Freud, A. (2018), *Norma i patologiya v detstve: otsenka detskogo razvitiya* [Norm and pathology in childhood. Assessment of child development], IOI, Moscow, Russia.
- Jung, K. (2020), *Analiticheskaya psihologiya: teoriya i praktika. Tavistockskie lekcii* [Analytical psychology. Theory and practice. Tavistock lectures], In-t obshchegumanitarnykh issledovaniy, Moscow, Russia.
- Hjell, L. and Ziegler, D. (2020), *Teorii lichnosti* [Personality Theories: Basic Assumptions, Research, and Applications], Piter, St. Petersburg, Russia.
- Koltsova, V.A. (2018), *Sotsial'no-psikhologicheskie problemy supruzheskikh otnoshenii: istoriya i sovremennoe sostoyanie* [Socio-psychological issues of marital relations. History and current state], Institut psikhologii RAN, Moscow, Russia.
- Kraig, G. and Bokum, D. (2021), *Psikhologiya razvitiya* [Psychology of development], Piter, St. Petersburg, Russia.
- Laktionova, A.I. (2019), *Zhiznesposobnost' i sotsial'naya adaptatsiya podrostkov* [Viability and social adaptation of adolescents], Institut psikhologii RAN, Moscow, Russia.

- Leontiev, A.N. (2019), *Psikhologicheskie osnovy razvitiya rebenka i obucheniya* [Psychological foundations of child development and learning], Smysl, Moscow, Russia.
- Moiseev, A.S. and Kostogorova, N.V. (2023), "Features of child-parent relations between adolescents and their parents", *Innovation in Psychological and Pedagogical Studies*, no. 3 (70), pp. 377–390.
- Napier, A. and Vitake, C. (2016), *Sem'ya v krizise* [The family crucible: One family's therapy – an experience that illuminates all our lives], Kogito-tsentr, Moscow, Russia.
- Polivanova, K.N. (2015), "Modern parenthood as a subject of research", *Psychological Science and Education*, vol. 7, no. 3, pp. 1–11.
- Rubinstein, S.L. (2021), *Osnovy obshchei psikhologii* [Fundamentals of general psychology], Piter, St. Petersburg, Russia.
- Tseluiko, V.M. (2000), *Nepolnaya sem'ya* [Incomplete family], Peremena, Volgograd, Russia.
- Vygotsky, L.S. (2020), *Leksii po psikhologii* [Lectures on psychology], Perspektiva, St. Petersburg, Russia.
- Vygotsky, L.S. (2022), *Pedologiya podrostka. Psikhologicheskoe i sotsial'noe razvitiye podrostka* [Pedology of a teenager. Psychological and social development of a teenager], Piter, St. Petersburg, Russia.
- Watson, D. (2010), *Psikhologicheskii ukhod za rebenkom* [Psychological Care of Infant and Child], Knizhnyi dom «Librokom», Moscow, Russia.
- Whitaker, C. and Bumberry W. (2019), *Tantsy s sem'ei* [Dancing with the family / A Symbolic-Experiential Approach], Piter, St. Petersburg, Russia.
- Winnicott, D.V. (2019), *Vse my rodom iz roditel'skogo doma* [We all come from our parents' house], Piter, St. Petersburg, Russia.
- Zhuravlev, A.L., Lyashenko, A.I., Inozemtseva, V.E. and Ushakova, D.V. (2012), *Psikhologicheskie problemy sem'i i lichnosti v megalopolise* [Psychological issues of family and personality in a megalopolis], Institut psikhologii RAN, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Андрей С. Моисеев, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия; 125167, Россия, Москва, Ленинградский пр., д. 49/2; asmoiseev@fa.ru

Наталья В. Костогорова, аспирант, Московский институт психоанализа, Москва, Россия; 121170, Москва, Кутузовский пр., д. 34, стр. 14; natkstgrv@gmail.com

Information about the authors

Andrey S. Moiseev, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047;

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 49/2, Leningradskii Avenue, Moscow, Russia, 125167; asmoiseev@fa.ru

Natalia V. Kostogorova, postgraduate student, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia; bld. 34-14, Kutuzovskii Avenue, Moscow, Russia, 121170; natkstgrv@gmail.com

УДК 159.922.6

DOI: 10.28995/2073-6398-2025-1-92-107

Временная перспектива личности и карьерные намерения в ранней взрослости

Дмитрий Д. Антонов

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, ddantonov1997@yandex.ru*

Ирина В. Солодникова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, 14a20ivs@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению временной перспективы личности и карьерных намерений в ранней взрослости. Проведено эмпирическое корреляционное исследование на выборке 135 респондентов – учащихся высшей школы. Сезон/эра «Ранняя взрослость» понимается в терминах Д. Левинсона и охватывает диапазон от 17 до 40 лет, который, в свою очередь, делится на ряд периодов. Для диагностики временной перспективы личности использовался одноименный опросник Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой, О.В. Митиной и Е.Т. Соколовой. Для выявления и оценки карьерных намерений применялся модифицированный опросник С.Н. Костроминой. Структура временной перспективы личности близка к сбалансированной структуре, но отличается более пессимистической окраской, чем в работах А. Сырцовой и ее коллег. Гедонистическое настоящее положительно связано с «Ориентацией на карьерный рост» и «Стремлением к широкому общению». Будущее положительно связано с «Целеустремленностью» и «Ответственностью». Данные связи являются статистически значимыми для всей эры ранняя взрослость в целом. Выраженность компонентов временной перспективы личности одинакова во всех возрастных периодах. Однако выявлена большая выраженность «Ориентации на карьерный рост» в группе «переход 30 лет» по сравнению с группами «переход к ранней взрослости» и «вхождение во взрослый мир».

Ключевые слова: ранняя взрослость, временная перспектива личности, карьера, карьерные намерения, обучающиеся

Для цитирования: Антонов Д.Д., Солодникова И.В. Временная перспектива личности и карьерные намерения в ранней взрослости // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2025. № 1. С. 92–107. DOI: 10.28995/2073-6398-2025-1-92-107

© Антонов Д.Д., Солодникова И.В., 2025

Time-dependent personalities' perspective and career aspiration in the early adulthood

Dmitry D. Antonov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
ddantonov1997@yandex.ru

Irina V. Solodnikova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
14a20ivs@mail.ru

Abstract. The article subject is the time-dependent personalities' perspective and career aspirations in early adulthood. 135 respondents (university students) participated in our correlation study. The early adulthood season/era as defined by D. Levinson spans between 17 and 40 years that is divided into several periods. The time-dependent personalities' perspective was defined by F. Zimbardo's questionnaire adapted to Russian by A. Syrtsova, O.V. Mitina and E.T. Sokolova. S.N. Kostromina's modified questionnaire was used to identify and evaluate career aspirations.

The structure of time-dependent personalities' perspective is close to the balanced one but is slightly more pessimistic that in the works of A. Syrtsova et al. The hedonistic present positively correlates with "career development" and "aspiration for wider communication". The future positively correlates with "sense of purpose" and "responsibility". Such correlations are statistically significant for the whole early adulthood season/era. The intensity degree of time-dependent personalities' perspective stays the same throughout all adulthood periods. However, 'career development' is more pronounced in the "age 30 transition" group when compared to "early adult transition" and "entering the adult world" groups.

Keywords: early adulthood, time-dependent personalities' perspective, career, career aspiration, university students

For citation: Antonov, D.D. and Solodnikova, I.V. (2025), "Time-dependent personalities' perspective and career aspiration in the early adulthood", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 1, pp. 92–107, DOI: 10.28995/2073-6398-2025-1-92-107

Временная перспектива личности – психологический феномен, имеющий различные трактовки [Сырцова и др. 2008]. Нам наиболее близка позиция, согласно которой временную перспективу можно определить как «взгляд на свою жизнь с точки зрения того или иного времени: прошлого, настоящего или будущего, а также их

взаимосвязей» [Сырцова 2008, с. 4]. Несмотря на то что сам термин «временная перспектива» был введен в научный обиход К. Левином, на сегодняшний день наиболее разработанной, эмпирически обоснованной и диагностируемой является концепция, сформулированная Ф. Зимбардо, А. Гонзалесом [Сырцова и др. 2008]. Исследователи выделили в структуре временной перспективы пять измерений: будущее – компонент, отвечающий за целеполагание и реализацию планов, два настоящих – гедонистическое настоящее, связанное с получением удовольствий «здесь и сейчас» без страха за последствия, и фаталистическое настоящее, выражаемое в вере в детерминизм и предначертанность событий, а следовательно, невозможность их личного контроля, и два прошлых – позитивное прошлое, где ретроспектива жизни окрашена позитивно, а отношение к ней благодарное, и негативное, описываемое через разочарование и сожаление. Диалекты прошлого и настоящего не находятся в антагонистических отношениях, не обуславливают друг друга, но отражают каждый свое измерение. Эмпирическим путем была получена так называемая сбалансированная структура временной перспективы личности, предполагающая определенное соотношение пяти временных аспектов. Для людей со сбалансированной временной перспективой личности характерно преобладание ориентации на будущее, позитивная оценка прошлого и гедонистическое отношение к настоящему на фоне слабо выраженной фаталистической настоящего и негативного прошлого. Считается, что такое соотношение является наиболее оптимальным для психологического благополучия личности и ее успешной реализации в различных сферах.

Адаптация и валидизация психометрического инструмента, разработанного Ф. Зимбардо для русскоговорящей выборки, были произведены коллективом исследователей О.А. Митиной, Е.Т. Соколовой и А. Сырцовой [Сырцова и др. 2008]. В своей диссертации, решающей, в действительности, другие задачи – а именно изучение динамики временной перспективы личности в разных возрастах, А. Сырцова отметила, что временная перспектива личности не является кристаллическим образованием, сформированным единожды и более неизменным. Напротив, временную перспективу личности следует рассматривать как то, что формируется и изменяется не только по мере движения жизни, но вследствие действия на личность различных факторов: приема ПАВ, жизненных кризисов и др. Одним из таких факторов могут быть изменения, происходящие в сфере карьеры.

Понятие карьеры впервые вошло в обиход как обозначение типа передвижения лошади на скачках и с тех пор, получив сотни

интерпретаций, по-прежнему остается достаточно проблематично трактуемым. В общенаучном смысле закрепилось два понимания «карьеры»:

1) Движение, путь кого-нибудь к внешним успехам, славе, выгодам, почету, сопровождающее деятельность на каком-нибудь общественном поприще. 2) Профессия, род занятия [Матан 2022].

Что касается психологической трактовки карьеры, то стоит отметить две конкурентные тенденции. На одной стороне выступает поливариативная карьера или используют сочетание «безграничная карьера» как синонимичное ей, а на другой – карьера традиционная (стабильная). Основное отличие – в роли субъекта карьеры: если в традиционной карьере организация отвечает за положение субъекта в иерархии, целью карьеры является продвижение вверх и связанный с этим рост материального достатка, а платой за это служит лояльность организации, то в поливариативных моделях карьеры основной целью является психологический успех, который, как правило, не имеет материального эквивалента или не связан с ним жестко. Он в большей степени определяется удовлетворенностью человеком своей работой, за свободу выбора карьерной траектории субъект платит большей неопределенностью. В не менее сложном положении оказываются и потенциальные работодатели:

Современная эпоха характеризуется быстрым темпом социальных изменений и высокой степенью неопределенности. Это требует от организаций особой гибкости и адаптивности [Петрушихина 2024, с. 13].

Е.Ю. Литвинова приводит в своей обзорной статье ряд исследований, отмечающих преимущества поливариативной стратегии построения карьеры. Она приходит к выводу, что вертикальная карьера остается в фокусе изучения и может быть эффективной для определенного социального слоя [Литвинова 2013; Vinkenburg, Weber 2012].

Содержательно к поливариативной можно отнести и структуру карьеры, разработанную К.Й. Чаном и др. и получившую название «Предпринимательство, лидерство и профессионализм» (EPL) [Chan et al. 2012; Ho et al. 2020]. Три перечисленных аспекта не являются конкурирующими, субъект не обязан выбирать лишь одно направление развития. Наоборот, авторы считают, что эти три фактора образуют многомерное карьерное пространство, в котором движется человек. Для того чтобы быть успешным в совре-

менном обществе, обозначаемом различными исследователями как «перегретый мир», «ситуация социокультурного ускорения», «транзитивное общество», необходим качественно иной набор профессионально важных качеств, чем те, что были востребованы при вертикальной карьере [Гусельцева 2022]. Необходимо также уточнить роль образования и его связь с профессиональным развитием субъекта: «в современном обществе не оспаривается то, что ценность образования непреходяща, но содержание его меняется» [Марцинковская 2022, с. 21]. Принимая во внимание перечисленные обстоятельства, К.Й. Чан и коллеги полагают, что три фактора, полученных ими в эмпирических исследованиях, могут быть ключом к пониманию и диагностике карьеры в XXI в.

Возрастной диапазон, нижняя граница которого приходится на 17–22 года, верхняя 33–40 лет, время, которое охватывает этап жизни, связанный с получением высшего образования. В периодизации Д. Левинсона данный отрезок обозначается как ранняя зрелость [Солодников, Солодникова 2018]. С точки зрения исследователя, развитие человека происходит в течение всей жизни и может быть описано через процесс смены сезонов, или эр. Эра в своей целокупности описывает макроуровень развития личности – стратегическую задачу сезона, особенности личности, связанные с возрастом. В то же время эра, охватывая значительный временной отрезок, состоит из периодов. Они отличаются задачами, степенью стабильности/изменчивости. Период, таким образом, дает представление о микроуровне – последовательности жизненных задач, значимых для развития личности в данном сезоне. С точки зрения Д. Левинсона, основной задачей эры ранняя зрелость является сепарация человека от родительской семьи, самостоятельное и осознанное планирование и выстраивание карьерной траектории, вступление в брак и рождение детей, или формирование длительных межличностных отношений во взрослости. Заключение брака перестает быть нормативным и единственным способом образования семьи, встречаются различные формы незарегистрированных отношений, такие как полиамория, нуждающиеся в специальном изучении [Войтышева 2022]. Также важными компонентами каждой эры является отношение к здоровью, формы проведения досуга.

Поскольку и временная перспектива, и карьерные намерения: их содержание и значимость могут меняться с течением хронологического времени по мере приобретения человеком нового опыта, его включения в новые социальные группы, а также параметрами физического функционирования, можно предположить, что между восприятием времени и наполненностью карьерных намерений существует взаимосвязь.

Вышеизложенное подводит к цели исследования – изучению особенностей временной перспективы личности и карьерных намерений в ранней взрослости. Для реализации цели работы было организовано исследование, в котором приняли участие 135 респондентов. Из них 57 мужчин и 78 женщин в возрасте от 17 до 40 лет ($M = 27,9$; $SD = 5,9$).

С точки зрения теории развития личности Д. Левинсона в выборке респондентов «ранняя взрослость» представлены следующие периоды. Процентное соотношение можно увидеть на рис. 1.

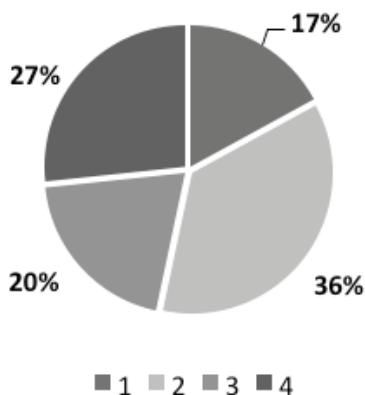

Рис. 1. Распределение по возрастным периодам

- 1) 17–22 лет – переход к ранней взрослости.
- 2) 22–28 лет – вхождение во взрослый мир.
- 3) 28–33 лет – переход 30 лет.
- 4) 33–40 лет – укоренение.

В исследовании приняла участие молодежь, учащаяся в высшей школе (33% составляют респонденты, получающие образование уровня бакалавриат или специалитет, и 67% респондентов тех, кто уже имеет первое высшее образование или получает следующее либо учится в магистратуре). Данный критерий учитывается в исследовании, поскольку предполагается, что временная перспектива и карьерные намерения могут различаться не только у представителей разных возрастных групп, но и в силу отсутствия или наличия опыта, связанного с получением высшего образования.

Методы

1. Оценка отношения ко времени измерялась с помощью методики «Временная перспектива личности» ZPTI Ф. Зимбардо в адаптации О.В. Митиной, А. Сырцовой [Сырцова и др. 2008]. Данная методика позволяет получить количественное описание отношения ко времени.

2. Наличие, значимость и содержание карьерных намерений выявлялись посредством модифицированного опросника С.Н. Костроминой [Гришина, Костромина 2020]. В том числе в опросник были включены вопросы для самооценки качеств личности, значимых для построения жизненного сценария.

3. Социодемографические параметры выборки оценивались при помощи анкеты. Исследование проходило дистанционно и анонимно с помощью сервиса Google Формы (Google Forms).

Поскольку все методики являются ранговыми шкалами, для статистической обработки данных были выбраны непараметрические критерии. Различия между несколькими независимыми выборками оценивались с помощью критерия Краскала–Уоллеса и Манна–Уитни. Для оценки корреляционных связей использовался критерий ранговой корреляции Спирмена. Расчеты производились с помощью пакета статистических программ IBM SPSS Statistic 27.

Анализ и обсуждение результатов

Представим общую характеристику восприятия времени в ранней взрослости (табл. 1). Респонденты много внимания уделяют планированию своей деятельности, ретроспективно оценивают свой опыт скорее позитивно, чем негативно, высоко ценят насыщенную жизнь в настоящем. Также для них характерны личностный детерминизм и вера в бессилие перед превратностями жизни.

Полученные средние значения сопоставимы с полученными А. Сырцовой при стандартизации методики в 2008 г., однако есть некоторые особенности. Наиболее выраженными остаются мысли о будущем, в ретроспективе жизни преобладает позитивный тон, настоящее видится источником нового опыта и удовольствий. Однако последние два показателя выражены существенно ниже, чем в выборке А. Сырцовой. Тогда как негативная ретроспектива и детерминизм выражены сильнее, чем у Сырцовой. Таким образом, можно говорить о том, что в среднем в выборке представлены респонденты со сбалансированной временной перспективой личности, однако от выборки стандартизации их отличает депрессивный

компонент – выраженная негативная память о прошлом и страх перед событиями настоящего. Вероятно, мы имеем дело с особенностями выборки или же результаты косвенно отражают общий эмоциональный фон, характерный для 2024 г.

Таблица 1

Временная перспектива личности в ранней взрослости

Название шкалы	Пилотаж		Выборка стандартизации	
	М	SD	М	SD
Негативное прошлое (НП)	3,00	0,92	2,50	0,59
Гедонистическое настоящее (ГН)	3,27	0,71	3,42	0,56
Будущее (Б)	3,50	0,54	3,48	0,62
Позитивное прошлое (ПП)	3,32	0,71	3,68	0,57
Фаталистическое настоящее (ФН)	2,70	0,68	2,68	0,61

Обратимся к анализу карьерных намерений у респондентов ранней взрослости.

Респондентам предлагалось ответить на несколько вопросов и оценить степень своего согласия или несогласия с утверждениями.

Респонденты отмечают, что им хотелось бы иметь профессию, по которой возможно работать « всю жизнь », они соглашались, что иметь постоянную работу благо, особенно в условиях современного транзитивного общества. Для них значима возможность карьерного роста, и их сложно упрекнуть в мечтательности и витании в облаках относительно собственного будущего. Таким образом, можно говорить о наличии карьерных намерений и об их высокой значимости для респондентов данного возраста (табл. 2).

Таблица 2

Наличие и выраженность карьерных намерений

Название шкалы	М	SD
53. Хорошо было бы получить такую специальность, по которой можно было бы работать всю жизнь	3,80	$\pm 1,05$
70. В современном беспокойном мире постоянная работа – главный источник стабильности	3,13	$\pm 1,15$
Ориентация на карьерный рост	3,69	$\pm 1,15$
Реалистичный взгляд на жизнь	4,05	$\pm 1,07$

Что касается содержания карьерных намерений, то можно отметить следующее: 72% респондентов считают, что через 10 лет у них непременно будет хорошая престижная работа и высокий социальный статус; 79% полагают, что будут материально обеспечены; 30% при выборе работы руководствовались бы такими параметрами, как перспектива карьерного роста, 51% – оплатой труда и 50% – получением от работы удовольствия. Большинство респондентов не сомневаются в собственной успешной карьере, мерилом которой является престижная работа, обеспечивающая социальный статус и материальный достаток.

Примечательно, что при оценке параметров временной перспективы личности в разных возрастах не обнаруживается никаких различий. Однако при оценке параметров, связанных с карьерными намерениями, выявляется интересный факт. Заинтересованность в построении и развитии карьеры имеет тенденцию снижаться с возрастом. Возможно, это связано с изменениями в представлении о карьере в возрасте 17–22 лет с течением времени, осознание невозможности или затрудненности движения вверх по карьерной лестнице по мере включения в реальные трудовые отношения (табл. 3).

Таблица 3

Анализ различий в самооценке качеств,
значимых для построения жизненного сценария,
у респондентов ранней взрослости

Название шкалы	17–22 лет	22–28 лет	28–30 лет	Н Краскала– Уоллеса	p-level
N	N = 23	N = 49	N = 27		
Ориентация на карьерный рост	4,09	3,90	3,19**	11,487	0,009

Данное различие не является основанием для дробления выборки на подвыборки по критерию периода, однако подчеркивает значимость учета карьерных ориентаций при характеристике того или иного периода.

Предполагается существование определенных взаимосвязей между самооценкой качеств, значимых для построения жизненного сценария, и отношением ко времени в ранней взрослости. Для уточнения характера этих отношений был проведен корреляционный анализ (табл. 4).

Таблица 4

Связь самооценки качеств, значимых для построения жизненного сценария
и временной перспективы личности (N = 135)

Название шкалы	Негативное прошлое	Гедонистическое настоящее	Будущее	Позитивное прошлое	Фаталистическое настоящее
Ответственность	–	–	0,39***	0,19*	–
Целеустремленность	–0,19*		0,32***	–	–
Ориентация на материальный достаток	–	0,19*	–	–	0,19*
Стремление к личному развитию	–	–	0,24***	–	–
Ориентация на карьерный рост	–	0,27***	0,20*	0,22***	
Честность	–	–	–	0,18*	–
Принципиальность	–	–	–	0,18*	–
Ориентация на личное благополучие	–	–	–	0,21*	–
Широта кругозора	0,21*	–	–	–	–
Реалистичный взгляд на жизнь	–	–	0,20*	–	–
Стремление к широкому общению	–	0,35***	–	–	–
Умение справиться с жизненными трудностями	–	–	0,19*	–	–0,22**
Открытость новому	–	0,24***	–		

Примечания: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Отношение к будущему тесно связано с самооценкой личности. Ответственность и принципиальность способствуют планированию и реализации планов. Помогает в этом и стремление к личностному и карьерному росту. Вспомогательную роль играют реалистичное восприятие реальности и готовность справляться с жизненными невзгодами. Респонденты, нацеленные на построение карьеры, стремятся получать удовольствие от текущего момента, позитивно относятся к прошлому и устремлены в будущее.

Отношение к прошлому, как к наполненному преимущественно светлыми моментами, может быть фундаментом для построения карьеры и всей жизни в целом, лежать в основе таких социально одобряемых качеств, как ответственность, честность и принципиальность. В свою очередь, возможна и обратная интерпретация. Заинтересованность в карьере, стремление к личному благополучию, а также определенные моральные качества формируют установку на восприятие прошлого как источник ценного опыта.

Получение удовольствия «здесь и сейчас» способствует свободному общению и легкости в установлении новых социальных связей, развитию карьеры, толерантному восприятию нового опыта, ценности денег.

Или же, имея доступ к разнообразному общению, респонденты обретают способность наслаждаться жизнью, возможность продвижения по службе ассоциируется с обретением благ в настоящем, интерес к новым впечатлениям вынуждает выкачивать из жизни все возможные удовольствия, чему весьма способствует четкое понимание ценности денег.

Чрезмерная осведомленность о возможных вариантах реализации себя может негативно сказываться на оценке уже прожитой части жизни. Негативный тон может усугубляться отсутствием цели и смысла жизни.

Неспособность или нежелание строить свою собственную жизнь может выливаться в перекладывание ответственности на других людей, обстоятельства, судьбу. Также фатализму способствует чрезмерная сфокусированность на материальном аспекте жизни.

Анализ карьерных намерений и самооценки качеств, значимых для построения жизненного сценария, показал, что большинство респондентов отмечают значимость карьеры. Однако интересно то, что более всего на нее ориентированы всего 30% выборки. Такие респонденты в качестве одного из критериев выбора работы указывают на перспективы роста и возможность карьеры. Мы предположили, что данная группа может отличаться от остальных респондентов выраженностью некоторых характеристик самооценки. Для проверки данного предположения был проведен анализ различий (табл. 5).

Таблица 5

Анализ различий в самооценке качеств,
значимых для построения жизненного сценария,
у респондентов с разной выраженностью качества
«перспективы роста и возможность карьеры»

Название шкалы	Более ориентированы на перспективы карьерного роста	Менее ориентированы на перспективы карьерного роста	Статистика критерия
	М	М	Уэмп.
Ориентация на карьерный рост	4,28***	3,44	1101,000
Стремление к широкому общению	4,10**	3,51	1436,000
Стремление к стабильности и определенности	4,00*	3,43	1418,500

Примечания: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Более ориентированные респонденты нацелены на построение карьеры, стремятся к расширению своего круга общения и обзаведению новыми социальными связями, но при этом высоко ценят предсказуемость и контролируемость событий. Можно интерпретировать это так: целью карьеры в конечном счете является стабильность и определенность или, напротив, ориентация на упорядоченное существование стимулирует к поступательному карьерному росту. Стремление обзаводиться новыми связями может выступать в роли необходимого ресурса для карьерного продвижения или быть побочной чертой «карьеристов».

Выводы

1. Характеризуя восприятие времени в ранней взрослости, можно говорить о воспроизведении сбалансированной структуры временной перспективы личности, но выраженность негативного прошлого и фаталистического настоящего в текущем исследовании выше, чем в работах А. Сырцовой.

2. Значительная часть респондентов задумываются о построении карьеры, понимают значимость наличия стабильной работы, однако далеко не все из них связывают блага от карьерного развития (материальные и статусные выгоды) непосредственно с личными устремлениями к карьерному росту. Приверженность развитию в карьере выказывает лишь меньшая часть респондентов. Большая же часть в равной степени ориентирована на высокий заработок и удовольствие от работы. Отсюда вытекает необходимость более глубокого изучения карьерных намерений и представлений о карьере в ранней взрослости.

3. Не выявлено специфики в восприятии времени в разных возрастных периодах. В то же время можно наблюдать требующую дополнительного изучения тенденцию к снижению ориентации на карьерный рост с возрастом. Наиболее значима она в 17–22 года и угасает к 33–40 годам.

4. Обнаружены тесные связи самооценки качеств, значимых для построения жизненного сценария, с восприятием времени. Карьерные амбиции положительно связаны с гедонистическим проживанием настоящего, устремленностью в будущее и благодарным отношением к прошлому. Сильны и обратные корреляции. Наиболее ярко здесь выделяются положительные связи ориентации на будущее и ответственности, честности, стремления к развитию, ориентации на карьерный рост и способности справляться с жизненными трудностями.

5. Удалось выделить группы сильно и слабо ориентированных на карьеру респондентов. Сильно ориентированные отличаются от последних большей нацеленностью на построение карьеры, большей готовностью к установлению новых социальных связей и более выраженным признанием важности ценности стабильности и порядка.

Заключение

Карьерные намерения и восприятие времени обладают определенной спецификой в ранней взрослости. Однако не до конца ясным остается то, какой видится карьера для респондентов данного возраста. Каким образом уживаются такие характеристики, как ориентация на карьерный рост, стремление к широкому общению и поиск стабильности и надежности?

Исследование может иметь несколько траекторий развития. В первую очередь, на большем эмпирическом материале изучить возрастные особенности карьерных намерений. Подробнее иссле-

довать раннюю взрослость в понимании Д. Левинсона, расширить или, напротив, сузить возрастной диапазон и пристально рассмотреть конкретный период. Поскольку в исследовании удалось выделить так называемых более и менее сориентированных на карьеру респондентов, то намечается еще одна линия работы. Разработать модель и инструмент для оценки ориентированности на карьеру и провести сравнительное исследование отношения ко времени и карьерных намерений именно в этих группах. Наконец, уделить внимание изучению связей между отношением ко времени и карьерными намерениями. Для этих целей может быть использована разработанная К.Й. Чаном и коллегами модель EPL, которая, правда, нуждается в адаптации на русский язык и последующей валидации.

Литература

- Войтышева 2022 – *Войтышева В.И.* Особенности переживания одиночества и избегания близости у молодых людей, состоящих в отношениях моногамного и полиаморного типа // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 2. С. 94–105.
- Гришина, Костромина 2020 – *Гришина Н.В., Костромина С.Н.* Жизненное пространство в психологии: Теория и феноменология: Сборник статей. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 392–403.
- Гусельцева 2022 – *Гусельцева М.С.* Человек и мир в ситуации изменений: трансдисциплинарный подход // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 1. С. 16–17.
- Литвинова 2013 – *Литвинова Е.Ю.* Поливариативная карьера: перспективы изучения // Современная зарубежная психология. 2013. Т. 2. № 2. С. 118–129.
- Матан 2022 – *Матан В.В.* Социально-психологические и личностные ресурсы профессиональной карьеры врачей: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2022. 476 с.
- Марцинковская 2022 – *Марцинковская Т.Д.* Целостность личности в контексте эстетической парадигмы // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 2. С. 14–25.
- Петрушихина 2024 – *Петрушихина Е.Б.* Концепция харизматического лидерства: современное состояние и перспективы развития // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024. № 2. С. 10–25.
- Солодников, Солодникова 2018 – *Солодников В.В., Солодникова И.В.* «Средний возраст» и жизненный путь личности. М.: РГГУ, 2018. 459 с.
- Сырцова 2008 – *Сырцова А.* Возрастная динамика временной перспективы личности: Дис. ... канд. психол. наук. Московский государственный педагогический университет, 2008. 317 с.

- Сырцова и др. 2008 – Сырцова А., Соколова Е.Т., Мутина О.В. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 3. С. 101–109.
- Chan et al. 2012 – Chan K., Moon-ho R.H., Chernyshenko O., Bedford O., Uy M.A., Gomulya D., Phan W. Entrepreneurship, professionalism, leadership: A framework and measure for understanding boundaryless careers // Journal of Vocational Behavior. 2012. Vol. 81. No. 1. P. 73–88.
- Ho et all. 2020 – Ho M.H.R., Kennedy J.C., Uy M.A., Chan K.Y. Entrepreneurship–Professionalism–Leadership. Singapore: Springer, 2020. 334 p.
- Vinkenburg, Weber 2012 – Vinkenburg C., Weber T. Managerial career patterns: A review of the empirical evidence // Journal of vocational behavior. 2012. Vol. 80. No. 3. P. 592–607.

References

- Chan, K., Moon-ho, R.H., Chernyshenko, O., Bedford, O., Uy, M.A., Gomulya, D. and Phan, W. (2012), “Entrepreneurship, professionalism, leadership: A framework and measure for understanding boundaryless careers”, *Journal of Vocational Behavior*, vol. 81, no. 1, pp. 73–88.
- Grishina, N.V. and Kostromina, S.N. (eds.) (2020), *Zhiznennoe prostranstvo v psikhologii: Teoriya i fenomenologiya: sbornik statei* [Life space in psychology. Theory and phenomenology. A collection of articles], Izd-vo S.-Peterb. un-ta, St. Petersburg, Russia.
- Guseltseva, M.S. (2022), “Man and the world in a situation of change: a transdisciplinary approach”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 1, pp. 16–17.
- Ho, M.H.R., Kennedy, J., Uy, M. and Chan, K. (2020), *Entrepreneurship–Professionalism–Leadership*, Springer, Singapore.
- Litvinova, E. (2013), “Protean career: perspectives of study”, *Modern foreign psychology*, vol. 2, no. 2, pp. 118–129.
- Martsinkovskaya, T.D. (2022), “Personal integrity in the context of the aesthetic paradigm”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 2, p. 14–25.
- Matan, V.V. (2022), *Social-psychological and personal resources of doctors’ professional career*, Ph. D. Thesis, St. Petersburg, Russia.
- Petrushikhina, E.B. (2024), “Charismatic leadership. Current state and future research agenda”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 2, p. 10–25.
- Solodnikov, V.V. and Solodnikova, I.V. (2018), “*Srednii vozrast*” i zhiznennyy put’ lichnosti [“Middle age” and the life path of a person], RGGU, Moscow, Russia.
- Syrtsova, A. (2008), *Age dynamics of the temporal perspective of personality*, Abstract of Ph.D. dissertation, Moscow, Russia.

- Syrtsova, A., Sokolova, E. and Mitina, O. (2008), "Adaptation of the questionnaire of the time perspective of the personality of F. Zimbardo", *Psychological Journal*, vol. 29, no. 3, pp. 101–109.
- Vinkenburg, C. and Weber, T. (2012), "Managerial career patterns: A review of the empirical evidence", *Journal of vocational behavior*, vol. 80, no. 3, pp. 592–607.
- Voitysheva, V.I. (2022), "Differences in romantic relationships between young people with monogamous or polyamorous partners", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 2, pp. 94–105.

Информация об авторах

Дмитрий Д. Антонов, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ddantonov1997@yandex.ru

Ирина В. Солодникова, доктор социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; 14a20ivs@mail.ru

Information about the authors

Dmitry D. Antonov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; ddantonov1997@yandex.ru

Irina V. Solodnikova, Dr. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; 14a20ivs@mail.ru

УДК 159.922.736

DOI: 10.28995/2073-6398-2025-1-108-126

Смыслोजизненные ориентации
людей пожилого и старческого возраста,
проживающих в геронтоцентре

Диляра Н. Ефремова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dilefreмова@gmail.com*

Андрей В. Мецлер

*Геронтологический центр «Юго-Западный»
Москва, Россия, avmetsler@mail.ru*

Юлия С. Кузнецова

*Российский университет медицины,
Москва, Россия, kuznetsovaus97@gmail.com*

Аннотация. Старение населения представляет собой значительный социокультурный сдвиг, требующий углубленного изучения реконфигурации систем ценностей и «смысловых жизненных ориентаций», которые происходят в период выхода на пенсию – процесса, изменяющего не только внешнее поведение, но и эмоциональную и когнитивную сферу человека. Цель исследования – изучить смыслोजизненные ориентации пожилых людей, проживающих в геронтологических центрах – контролируемой среде, предназначенной для обеспечения непрерывного социального, психологического и бытового ухода, – путем изучения осмысленности жизни, ориентации на цели, направленности на будущее и локуса контроля. Результаты выявили значимые корреляции между когнитивными способностями, эмоциональным благополучием и смыслोजизненными ориентациями; ключевым моментом стала парадоксальная связь между когнитивными нарушениями и удовлетворенностью жизнью – у людей с тяжелыми когнитивными нарушениями удовлетворенность жизнью и психическая активация выше, чем у людей с легкими и умеренными нарушениями, что, вероятно, связано с механизмами психологической защиты. В исследовании были выявлены гендерные различия проявления психической активности и выраженности смыслोजизненных ориентаций: женщины демонстрировали высокую эмоциональную активацию, но при этом и высокий уровень одиночества. Результаты исследования подчеркивают важность учета как когнитивных, так и эмоциональных аспектов

© Ефремова Д.Н., Мецлер А.В., Кузнецова Ю.С., 2025

в психологических вмешательствах для пожилых людей, что может найти практическое применение при разработке целевых программ, направленных на повышение личностного потенциала и удовлетворенности жизнью. Значение этого исследования распространяется на клиническую геронтологию и психологию, предлагая понимание того, как смысловые жизненные ориентации могут служить критической детерминантой психологической устойчивости в поздней взрослой жизни.

Ключевые слова: смысложизненные ориентации, пожилые люди, старческий возраст, психологическое благополучие, качество жизни, ценностно-смысловая сфера

Для цитирования: Ефремова Д.Н., Мецлер А.В., Кузнецова Ю.С. Смысложизненные ориентации людей пожилого и старческого возраста проживающих в геронтоцентре // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2025. № 1. С. 108–126 DOI: 10.28995/2073-6398-2025-1-108-126

Meaning-life orientations of the elderly and seniors living in the gerontocenter

Dilyara N. Efremova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
dilefremova@gmail.com*

Andrey V. Metzler

*State budgetary institution of the city of Moscow Gerontological
Center “South-West”, Moscow, Russia, avmetzler@mail.ru*

Yuliya S. Kuznetsova

*Russian University of Medicine of the Ministry of Health
of the Russian Federation, Moscow, Russia,
kuznetsovaus97@gmail.com*

Abstract. Population aging represents a significant sociocultural shift that requires an in-depth study of the reconfiguration of value systems and “meaningful life orientations” that occur during retirement – a process that changes not only external behavior, but also the emotional and cognitive sphere of a person. The purpose of the study is to study the meaning-in-life orientations of older people living in gerontological centers – a controlled environment designed to provide continuous social, psychological and domestic care – by studying the meaning of life, goal orientation, future

orientation and locus of control. The results revealed significant correlations between cognitive abilities, emotional well-being and life orientations; the key point was the paradoxical relationship between cognitive impairment and life satisfaction – people with severe cognitive impairment have higher life satisfaction and mental activation than people with mild and moderate impairment, which is likely due to psychological defense mechanisms. The study revealed gender differences in the manifestation of mental activity and the severity of life-meaning orientations: women demonstrated high emotional activation, but at the same time a high level of loneliness. The study's findings highlight the importance of considering both cognitive and emotional aspects in psychological interventions for older adults, which may have practical applications in the development of targeted programs aimed at increasing personal potential and life satisfaction. The implications of the study extend to clinical gerontology and psychology, offering insights into how meaning in life orientations may serve as a critical determinant of psychological resilience in late adulthood.

Keywords: meaning-life orientations, older people, old age, psychological well-being, quality of life, value and meaning sphere

For citation: Efremova, D.N., Metzler, A.V. and Kuznetsova, Yu.S. (2025), "Meaningful orientations in life of elderly and senile people living in the gerontocenter", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 1, pp. 108–126, DOI: 10.28995/2073-6398-2025-1-108-126

Введение

Процесс старения включает в себя не только биологические изменения в организме, но и широкий круг социально-психологических преобразований в образе жизни человека, что привлекло внимание исследователей и повлияло на развитие такой области, как «социальная геронтология»¹. Действительно, мы можем отметить, что значительная часть психологических изменений, связанных со старением, происходит под воздействием таких факторов, как потеря трудоспособности, изменение отношений к стареющему человеку со стороны его окружения, а также его собственного отношения к себе, включающего и отношение к своему телу, и отношение к своей новой социальной роли. Происходит преобразование идентичности стареющего человека, связанное с потребностью в реорганизации ценностно-смысловой сферы психической жизни.

¹Краснова О.В., Лидере А.Г. Социальная психология старения: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2002. 288 с.

В то же время на изменения психологического состояния стареющих людей большое влияние оказывают общественные изменения, в частности развитие технологий, помогающих продлить период трудоспособности. Как отмечал Ян Стюарт-Гамильтон, возможное изменение отношения к феномену старости со стороны общества может существенно повлиять на собственное отношение индивида, проживающего процесс старения, и оказывать влияние на его психологическое благополучие [Стюарт-Гамильтон 2010].

Большой интерес для исследователей представляют преобразования ценностно-смысловой сферы, связанные со старостью, поскольку сохранение активной позиции в отношении своих возможностей влияния на собственную траекторию жизни способствует успешной адаптации к возрастным изменениям и связано с высоким уровнем удовлетворенности жизнью [Вознюк, Сапожникова 2022], что является протективным фактором развития эмоциональных расстройств [Подольский и др. 2022]. В отечественной психологии феномен смысла разрабатывался в рамках деятельностного подхода и неразрывно связан в том числе с концепциями Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Л.И. Божович. Предметом исследования являются смысложизненные ориентации пожилых людей, проживающих в геронтологических центрах – учреждениях, призванных оказывать постоянную социальную, психологическую и бытовую поддержку пожилым людям, внутренние рамки жизненных целей и ценностей которых уникальным образом проявляются в этой контролируемой среде [Пархоменко, Романов 2019].

Материалы и методы исследования

Для изучения смысложизненных ориентаций использовались методы беседы, психологического анализа и интерпретации данных, психодиагностический метод, с применением методик, направленных на изучение таких психологических феноменов, как осмысленность жизни, удовлетворенность собственной судьбой, целеполагание и ориентация на будущее, локус контроля (восприятие себя как активного субъекта или пассивного объекта жизненных обстоятельств), а также отношение к прошлому, настоящему и будущему периодам жизни: Монреальский когнитивный опросник (МОСА), Оксфордский опросник счастья (ОНИ), шкала «Осмысленные жизненные ориентации».

Описание выборки исследования

В исследовании приняли участие 73 пожилых человека, из них 47 женщин и 26 мужчин. По возрастному цензу (классификация возрастных периодов по критериям Всемирной организации здравоохранения): до 60 лет (5 человек), 60–75 лет (14 человек), 75–90 лет (44 человека), старше 90 лет (10 человек).

Психологические аспекты исследования смысложизненных ориентаций в пожилом возрасте

Экзистенциальная перестройка, вызванная переходом к пенсионному возрасту, создает реконфигурацию смысловых жизненных ориентаций, которая выходит за пределы когнитивной сферы, погружаясь в эмоциональную и личностную сферу [Крамаренко, Ефремова 2021]. Процесс старения, разворачивающийся в рамках институционального ухода, например, в геронтологических центрах, выявляет уникальные паттерны перестройки жизненных целей, автономии и системы ценностей, что часто приводит к конфронтации с «экзистенциальным одиночеством» (термин, обсуждаемый Х. Ларссоном, И. Беком и К. Бломквистом в их недавнем качественном исследовании [Larsson et al. 2023]).

Связь эмоциональной ориентации и экзистенциальной самореализации, исследованная Л. Вязниковой и Е. Солодовником [Вязникова, Солодовник 2020], показывает, что эмоциональный спектр, включающий одиночество, радость и удовлетворение, неразрывно связан с когнитивным осознанием смысла жизни. Экзистенциальная тревога, часто проявляющаяся у пожилых людей как «тревога старения», смягчается способностью человека поддерживать самоуважение и ощущение смысла жизни, о чем подробно рассказывают Ю. Бергман и Э. Боднер, которые показывают, что высокий уровень самоуважения и ориентации на смысл жизни выступают в качестве защитных факторов от депрессивных симптомов, часто сопровождающих старение [Bergman, Bonder 2022].

Экзистенциальная данность непостоянства жизни становится особенно актуальной в условиях, когда смерть – это не просто абстрактное понятие, а неизбежная реальность. В этом контексте исследование Е. Рядинской, посвященное экзистенциальной самореализации в зонах конфликтов, дает уникальную перспективу: гражданские лица в зонах вооруженных конфликтов, как и пожилые люди в стационарных учреждениях, сталкиваются с концепцией смерти не только как неизбежного исхода, но и как постоянно

присутствующей возможности, что заставляет их пересматривать свое отношение к смыслу жизни и общую удовлетворенность жизнью [Рядинская и др. 2023].

Хотя эмоциональный ущерб от изоляции и экзистенциального одиночества неоспорим, существует и потенциал для экзистенциального роста. В исследовании медицинские работники из пяти европейских стран сообщили, что некоторые пожилые люди, несмотря на пережитые потери – будь то утрата автономии или близких – все же находят способы примирения со своими экзистенциальными дилеммами с помощью содержательных бесед и рефлексивных практик, что говорит о том, что даже в преклонном возрасте есть возможность для экзистенциального и психологического развития [Edberg et al. 2023].

Наконец, системы социально-психологической поддержки, которые должны учитывать не только физические и когнитивные потребности этой категории населения, но и их экзистенциальные проблемы и включать элементы личностного роста, освоения окружающей среды и самопринятия, подтверждают, что целостный подход к уходу за пожилыми людьми может значительно улучшить психологическое благополучие даже на посттрудовом этапе жизни [Анисимова и др. 2022]. Действительно, как полагают Симанюк и др., поиск психологических ресурсов, способствующих успешному старению, является одной из актуальных задач геронтологии, а смысложизненные ориентации играют решающую роль в общем психическом и эмоциональном здоровье в поздней взрослой жизни [Сыманюк и др. 2021].

Рис. 1. Когнитивные способности, одиночество и удовлетворенность жизнью у пожилых людей

Изучение смысложизненных ориентаций у пожилых людей выявляет парадигму многослойности, в которой когнитивная устойчивость и экзистенциальная удовлетворенность (рис. 1) оказываются неразрывно связанными, но парадоксально расходящимися в своих проявлениях: сложность очевидна при наблюдении за расхождениями между относительно стабильной когнитивной функцией мужчин, измеряемой с помощью Монреальского когнитивного опросника (МОСА), и контрастирующими измерениями эмоционального благополучия.

Проявления гендерных особенностей переживания одиночества

Гендерное неравенство, когда мужчины набирают в среднем 20,42 балла, а женщины – 17,85, говорит о «сохранении когнитивных функций» у мужчин, хотя этот факт требует дальнейшего изучения в сопоставлении с результатами исследования одиночества, где женщины отмечают высокую степень социальной изоляции (28,06 против 26,38 у мужчин). Следовательно, можно предположить, что когнитивные способности сами по себе не могут смягчить субъективное переживание одиночества, особенно когда в игру вступает переменная «эмоциональная разобщенность».

Однако парадокс усиливается, когда речь заходит об удовлетворенности жизнью – «индексе экзистенциальной удовлетворенности», который, кажется, не соответствует ожиданиям. Несмотря на высокие показатели одиночества, мужчины отмечают большую удовлетворенность жизнью (24,73 против 19,02 у женщин); это говорит о диссонансе между внешними показателями благополучия (социальные связи, эмоциональная вовлеченность) и внутренними показателями удовлетворенности и самовосприятия, ставя под сомнение полезность таких традиционных показателей, как «индекс удовлетворенности жизнью» (LSIA).

Важно отметить, что относительно высокие показатели удовлетворенности у мужчин, несмотря на низкий уровень эмоциональной вовлеченности, могут быть интерпретированы как свидетельство «гендерных различий» в экзистенциальной ориентации, когда «экзистенциальная автономия» у мужчин, возможно, в меньшей степени зависит от социального одобрения, создавая тем самым сложную динамику между «социальной вовлеченностью» и «субъективным удовлетворением». Взаимодействие между этими конструктами остается неясным, хотя данные указывают на то, что мужчины и женщины могут использовать различные когни-

тивно-эмоциональные механизмы в противостоянии процессу старения, особенно когда сталкиваются с экзистенциальным весом своих смыслжизненных ориентаций. Итак, не только исходные данные требуют анализа, но и основополагающие предположения о старении, благополучии и гендерной природе удовлетворенности жизнью как таковой – мы предполагаем, что будущие исследования должны глубже изучить диалектику когнитивных функций, одиночества и экзистенциальной самореализации у представителей разных полов.

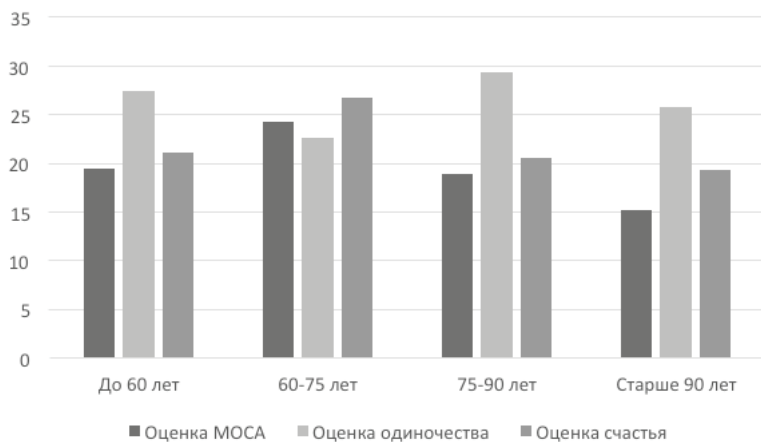

Рис. 2. Когнитивные способности, одиночество и счастье по возрастным группам

Расхождение смыслжизненных ориентаций в разных возрастных когортах выявляет взаимодействие между когнитивными функциями (рис. 2), эмоциональными состояниями и экзистенциальной самореализацией: хотя показатели МОСА, достигающие максимума в возрастной группе 60–75 лет (24,3), указывают на то, что когнитивная устойчивость может распространяться на поздний взрослый период, после 75 лет она неизбежно снижается, а в группе старше 90 лет отмечается самый низкий когнитивный потенциал (15,2). «Когнитивный спад» – термин, часто наделенный детерминистским смыслом, – служит важной метрикой, однако его интерпретационная ценность снижается, если столкнуться с одновременной эскалацией одиночества. Одиночество, особенно заметное в группах самых молодых (до 60 лет, 27,5 балла) и пожилых (75–90 лет, 29,4 балла), подчеркивает эмоциональную уязвимость,

сопровождая переходные этапы жизни: взрослые среднего возраста сталкиваются с борьбой с экзистенциальными сдвигами, а пожилые – с «неизбежностью смертности».

Возрастные особенности переживания удовлетворенностью жизнью

При рассмотрении Оксфордского индекса счастья (ОНИ) данные опровергают простые ассоциации между когнитивными функциями и удовлетворенностью жизнью: пожилые люди (60–75 лет) демонстрируют повышенный уровень счастья (26,7) и согласованности целей, предполагая, что «экзистенциальная согласованность» может достигать своего зенита на этом этапе жизни. Парадоксально, но молодые взрослые – часто воспринимаемые как «эмоционально устойчивые» – демонстрируют низкий уровень счастья (21,1), что может отражать сильную борьбу с социально-экономическим давлением или факторами «кризиса середины жизни». Когорта среднего возраста испытывает наибольшее расхождение между когнитивными функциями и счастьем (несмотря на умеренный когнитивный балл 19,5), что, возможно, отражает уникальное давление этого жизненного этапа – давление, как навязанное извне, так и вызванное изнутри.

Связь между этими переменными – когнитивным снижением, одиночеством и счастьем – требует пересмотра традиционных линейных моделей старения: вместо того чтобы рассматривать удовлетворенность жизнью как простую функцию когнитивного и эмоционального здоровья, данные свидетельствуют о взаимосвязи, при которой экзистенциальная удовлетворенность может быть достигнута в отсутствие надежной когнитивной функции. Различия между удовлетворенностью жизнью у мужчин и женщин в разных возрастных когортах еще больше усложняют эту картину, заставляя задуматься о гендерной природе старения и экзистенциального соответствия.

В конечном счете смысловые жизненные ориентации пожилых людей не могут быть сведены к единому повествованию; скорее, они отражают сложность старения как психосоциального и экзистенциального процесса, в котором каждая возрастная когорта ориентируется на свою собственную уникальную конфигурацию когнитивных, эмоциональных и экзистенциальных переменных.

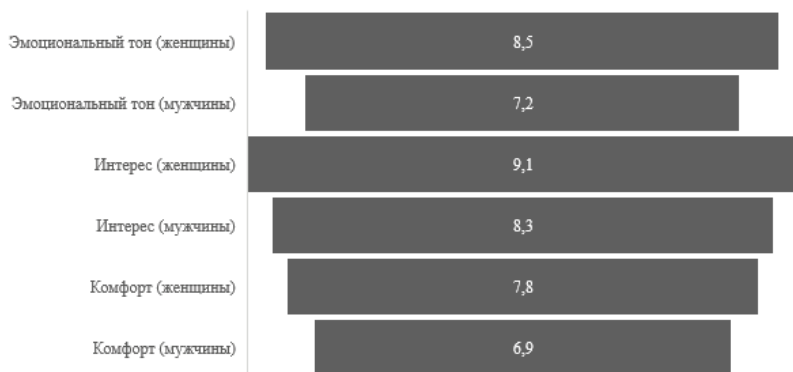

Рис. 3. Оценки психологической активации по полу (методика Курганского)

Показатели психической активации, представленные в методике Курганского (рис. 3), демонстрируют нюансы и, возможно, парадоксальную динамику между эмоциональной вовлеченностью и социальной изоляцией: женщины постоянно показывают высокие результаты по трем шкалам — эмоциональный тон (8,5 против 7,2 у мужчин), интерес (9,1 против 8,3) и комфорт (7,8 против 6,9). Подобное несоответствие предполагает интерпретацию, согласно которой «психическая активация» у женщин, определяемая как «степень психологической отзывчивости на эмоциональные стимулы», остается повышенной, несмотря на выраженное чувство одиночества. Очевидное противоречие, при котором женщины демонстрируют высокий уровень эмоциональной вовлеченности наряду с повышенной изоляцией, показывает, что эмоциональная активация не является синонимом социальной самореализации, и позволяет предположить, что повышенная эмоциональная чувствительность не обязательно приводит к большему чувству социальной принадлежности.

Конструкт «эмоциональный тон» в данном контексте — понимаемый как «эмоциональная атмосфера, окружающая психическое состояние индивида», — похоже, демонстрирует определенную автономию от социальных факторов, таких как одиночество, особенно у женщин. Их высокие эмоциональные показатели свидетельствуют о склонности внутренних эмоциональных процессов оставаться активными даже в условиях внешнего дефицита социального взаимодействия. Все это указывает на возможность существования механизма «гендерной устойчивости», когда психические состояния

женщин поддерживают определенный уровень функциональности за счет повышенной эмоциональной активации, независимо от внешних обстоятельств.

Повышенные показатели по шкале «интерес» у женщин еще больше усложняют выявление связей между переживанием одиночества и состоянием когнитивного уровня. Поскольку интерес, определяемый как «когнитивно-аффективный конструкт, означающий вовлеченность в окружающую среду», сохраняется, несмотря на изоляцию. Из этого можно сделать вывод, что женщины, даже лишённые надежных социальных связей, находят способы эмоционально значимого взаимодействия с окружающим миром, что указывает на потенциальный когнитивно-эмоциональный механизм, смягчающий влияние социальной изоляции на психическое здоровье. Напротив, низкие показатели мужчин в этих областях отражают потенциально большую зависимость от внешнего подтверждения эмоциональной активности, что указывает на различия в психологических стратегиях преодоления, используемых представителями обоих полов.

Наконец, измерение «комфорт», понимаемое как «субъективное состояние психологической легкости или равновесия», обнаруживает важное противоречие: хотя женщины отмечают высокий уровень комфорта, он остается несоответствующим их показателям одиночества, что говорит о том, что комфорт, как и эмоциональный тонус, может функционировать независимо от социальной самореализации. В этом случае возникают критические вопросы о взаимосвязи между субъективным благополучием и социальной изоляцией – можно предположить, что «качество эмоционального опыта» может выступать в качестве буфера, компенсирующего отсутствие прямых социальных связей.

Когнитивные особенности и уровень активации у мужчин и женщин

Статистический анализ выявил нюансы взаимодействия между когнитивными способностями и эмоциональной активацией (рис. 4). Абстрагирование, определяемое как «способность к мыслительным процессам высшего порядка», заметно сильнее у мужчин (7,8), чем у женщин (6,9); но это преимущество в абстрагировании не обязательно означает целостное когнитивное превосходство, поскольку женщины демонстрируют значительно высокие показатели в «умственной активации» (8,5), термине, обозначающем степень эмоциональной вовлеченности и психологической отзывчивости.

Рис. 4. Оценки по абстракции, отсроченному воспоминанию и психической активации по полу

Задержка запоминания, еще одно измерение когнитивной деятельности, демонстрирует аналогичное преимущество мужчин (8,3 против 7,1 у женщин), однако это не означает прямой корреляции с удовлетворенностью жизнью или эмоциональным благополучием, поскольку эти показатели не имеют четкой привязки к субъективному переживанию одиночества – аномалия, которая поднимает вопросы о связи между когнитивной функцией и социальной само-реализацией.

Становится очевидным, что если мужчины демонстрируют повышенные способности в областях, требующих абстрактного мышления и запоминания, то высокие показатели умственной активации у женщин свидетельствуют о другом типе когнитивно-эмоциональной вовлеченности, когда «глубина эмоционального тона» компенсирует низкие показатели в строго когнитивных задачах. В результате такое расхождение усложняет связь между когнитивными функциями и благополучием: высокие показатели абстрагирования или запоминания могут улучшить конкретные аспекты интеллектуальной жизни, но они не защищают от эмоциональной изоляции, о чем свидетельствуют параллельные показатели одиночества у представителей разных полов.

Такое раздвоение между когнитивными и эмоциональными способностями ставит под сомнение упрощенные модели старения, в которых снижение когнитивных способностей часто представляется единственным фактором снижения удовлетворенности

жизнью. Отсутствие существенных различий в общем снижении когнитивных способностей у разных полов еще больше подчеркивает это: и мужчины, и женщины испытывают сопоставимые уровни когнитивных нарушений, однако их эмоциональный и социальный опыт различается, что говорит о том, что одна лишь когнитивная функция не может объяснить вариативность удовлетворенности жизнью среди пожилых людей.

При сегментации по когнитивным функциям респонденты с тяжелыми нарушениями, как ни парадоксально, демонстрировали высокие показатели удовлетворенности жизнью и психической активации, чем респонденты с легкими или умеренными нарушениями. Закономерность – возможно, объясняемая механизмами психологической защиты, задействованными людьми с прогрессирующим когнитивным снижением (которые смягчают эмоциональное воздействие их состояния), – подчеркивает необходимость целевой психологической поддержки, направленной как на когнитивные, так и на эмоциональные аспекты благополучия.

Смысложизненные ориентации и субъективное благополучие при разных когнитивных уровнях

Результаты, полученные с помощью Шкалы «Смысловые жизненные ориентации» показали, что пожилые люди с тяжелыми когнитивными нарушениями имели неожиданно высокие показатели в таких областях, как постановка целей и позитивная самооценка.

Корреляции, выявленные в ходе статистического анализа, подчеркивают связь между когнитивными способностями и экзистенциальными измерениями: значимая корреляция между визуально-конструктивными навыками и позитивной самооценкой ($r = 0,62$, $p \leq 0,01$) показывает, как «когнитивное структурирование» – определяемое как способность организовывать и манипулировать визуальной и пространственной информацией – закладывает основу стабильного чувства самоуважения.

Данная связь предполагает, что когнитивные способности пожилых людей не просто отражают память или способность решать задачи, а связаны с их внутренними «нарративами идентичности» и самовосприятием, где организация внешней информации параллельна структурированию Я-концепции.

Одновременно когнитивный навык называния, который демонстрирует значительную корреляцию с последовательностью в достижении жизненных целей ($r = 0,48$, $p \leq 0,05$), подчеркивает

важность «лингвистического агентства» – способности называть, определять и вербализовать опыт – как центрального фактора экзистенциальной самореализации. Сам акт называния может восприниматься не только как когнитивный процесс, но и как «онтологическое событие», когда точность языка позволяет человеку утвердить контроль над своей жизненной траекторией, устанавливая соответствие между прошлыми амбициями и текущими реалиями.

Отсутствие значимой корреляции между когнитивным статусом и одиночеством ($r = 0,05$ $p \leq 0,05$) еще больше усложняет это повествование, указывая на то, что одиночество как конструкт не поддается простому когнитивному объяснению. В данном случае подразумевается, что ухудшение когнитивных способностей не является непосредственной причиной социальной изоляции; скорее, феномен одиночества в большей степени зависит от «смысловых жизненных ориентаций», которые предполагают способность адаптироваться к меняющимся жизненным обстоятельствам и устанавливать значимые связи в новых экзистенциальных рамках.

При анализе смысложизненных ориентаций было выявлено, что выраженными ориентациями среди пожилых людей являются «Локус контроля – Я» и «Цели в жизни», что свидетельствует о сильной склонности к самоопределению и автономии. Однако «Локус контроля – жизнь» был представлен значительно меньше, что говорит о том, что многие пожилые люди чувствуют себя бессильными перед лицом внешних жизненных событий, отражая чувство экзистенциальной беспомощности. Двойственность, когда люди стремятся контролировать свой личный выбор, но при этом чувствуют себя неспособными повлиять на жизненные обстоятельства, отражает экзистенциальное напряжение, присущее процессу старения [Титкова 2019].

Связь между когнитивными функциями, эмоциональным благополучием и удовлетворенностью жизнью является очевидным парадоксом, наблюдаемым у респондентов с умеренными когнитивными нарушениями. Группа с умеренными когнитивными нарушениями демонстрировала самую низкую удовлетворенность жизнью и самую высокую напряженность, но при этом демонстрировала более высокие когнитивные способности по сравнению с респондентами с тяжелыми нарушениями. Результаты позволяют предположить, что умеренное когнитивное снижение может представлять собой критический порог, на котором люди остро осознают ухудшение своих способностей, но не имеют психологических механизмов, необходимых для преодоления этого осознания, что приводит к усилению экзистенциального дистресса.

Заключение

Пожилые люди с тяжелыми когнитивными нарушениями отмечают у себя уверенность в постановке целей, что подкрепляет гипотезу о том, что смысложизненные ориентации играют ключевую роль в формировании субъективного благополучия у лиц с когнитивными нарушениями.

Имеются различия в психологических стратегиях преодоления субъективного переживания одиночества, используемых представителями обоих полов:

- женщины, при отсутствии стабильных социальных связей, находят способы эмоционально значимого взаимодействия с окружающим миром, что указывает на потенциальный когнитивно-эмоциональный механизм, смягчающий влияние социальной изоляции на психическое здоровье;
- низкие показатели мужчин в области проявления психической активности и интереса, определяемого как «когнитивно-аффективный конструкт, означающий вовлеченность в окружающую среду», отражают потенциально большую зависимость от внешнего подтверждения эмоциональной активности.

Ухудшение когнитивных способностей не является непосредственной причиной социальной изоляции; феномен одиночества в большей степени зависит от «смысловых жизненных ориентаций», которые предполагают способность адаптироваться к меняющимся жизненным обстоятельствам и устанавливать значимые связи в новых экзистенциальных рамках.

Выраженными ориентациями среди пожилых людей являются «Локус контроля – Я» и «Цели в жизни» что свидетельствует о сильной склонности к самоопределению и автономии. Однако снижение «Локус контроля – жизнь» указывает, что многие пожилые люди чувствуют себя бессильными перед лицом внешних жизненных событий, отражая чувство экзистенциальной беспомощности.

Умеренное когнитивное снижение может представлять собой критический порог, на котором люди остро осознают ухудшение своих способностей, но не имеют психологических механизмов, таких как адаптивные смысложизненные ориентации, необходимые для преодоления этого осознания, что приводит к усилению экзистенциального дистресса и эмоциональным нарушениям.

Программы, учитывающие специфические экзистенциальные потребности пожилых людей, особенно тех, кто находится в геронтологических центрах, вероятно, повысят как психологическую устойчивость, так и удовлетворенность жизнью. Пожилым людям с

тяжелыми когнитивными нарушениями могут быть полезны мероприятия, направленные на укрепление чувства цели и способности к целеполаганию, в то время как людям с умеренными нарушениями может потребоваться поддержка в разработке стратегий преодоления психологического переживания осознания когнитивного снижения.

Данная работа имеет ограничения, связанные с числом участников, и требует дальнейшего рассмотрения данной проблемы путем увеличения выборки и более глубокого изучения достоверных различий между исследуемыми группами.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского государственного гуманитарного университета (РФФИ) в рамках научной темы кафедры нейро- и патопсихологии ИП им. Л.С. Выготского (РГГУ). Авторы благодарят за помощь в сборе данных для исследования сотрудников психологической службы ГБУ Геронтологический центр «Юго-Западный» и Н.А. Пронькину.

Acknowledgment

The study was carried out with financial support from the Russian State University for the Humanities (RSUH) within the framework of the scientific theme of the Department of Neuro- and Pathopsychology of L.S. Vygotsky IP (RSUH).

The authors thank the employees of the Psychological Service of the State Budgetary Institution Gerontological Center “South-West” and N.A. Pronkina for their assistance in collecting data for the study.

Литература

- Анисимова и др. 2022 – Анисимова О., Бондаренко Ю., Бучкова А. Килинская Н. Модель социально-психологической поддержки пожилых людей в посттрудовой период и социологический анализ основных критериев ее эффективности // Социодинамика. 2022. № 11. С. 56–71.
- Вознюк, Сапожникова 2022 – Вознюк Ю.А., Сапожникова Е.Е. Смысложизненные ориентации и удовлетворенность жизнью пенсионеров с разным рабочим статусом // International Journal of Medicine and Psychology. 2022. № 5 (4). С. 81–87.

- Вязникова, Солодовник 2020 – *Вязникова Л., Солодовник Е.* Взаимосвязь эмоциональной направленности и экзистенциального наполнения личности // Гуманитарные и социальные науки на Дальнем Востоке. 2020. Т. 17. Вып. 4. С. 45–49.
- Крамаренко, Ефремова 2021 – *Крамаренко Н.С., Ефремова Д.Н.* Модель переживания субъективного счастья пожилого человека // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 3. С. 131–144.
- Пархоменко, Романоф 2019 – *Пархоменко К.В., Романоф Н.А.* Проблемы смысловых ориентаций в современности // Психологическое благополучие современного человека: Материалы Международной заочной научно-практической конференции (20 марта 2019 г.). Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2019. С. 604–606.
- Подольский и др. 2022 – *Подольский А.И., Ермолаева М.В., Шоркина Н.А.* Пожилой человек как субъект изучения, поддержки и общения. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 175 с.
- Рядинская и др. 2023 – *Рядинская Е., Ковальчишина Н., Волобуев В.* Отношение к смерти среди гражданского населения, проживающего в зоне вооруженного конфликта, в контексте экзистенциального наполнения // Инновационная наука: Психология. Педагогика. Дефектология. 2023. № 6 (2). С. 6–14.
- Стюарт-Гамильтон 2010 – *Стюарт-Гамильтон Я.* Психология старения. 4-е изд. СПб.: Питер, 2010. 317 с.
- Сыманюк и др. 2021 – *Сыманюк Е., Борисов Г., Сергеева Т., Печеркина А., Обвинцева О.* Психологическое благополучие людей позднего взрослого возраста // *Lurian Journal*. 2021. Т. 2. № 3. С. 17–30.
- Титкова 2019 – *Титкова А.А.* Формирование смысловых ориентаций пенсионеров // Единое образовательное пространство как фактор формирования и воспитания личности: Материалы XIII Междунар. научно-практ. конф. студентов, магистрантов и молодых ученых (25–26 апреля 2019 г.). Рязань: Рязанский гос. ун-т имени С.А. Есенина, 2019. С. 139–144.
- Bergman, Bonder 2022 – *Bergman Y.S., Bonder E.* Aging Anxiety in Older Adults // *GeroPsych: The Journal of Gerontopsychology and Geriatric Psychiatry*. 2022. Vol. 35. Iss. 4. P. 196–201.
- Edberg et al. 2023 – *Edberg A.K., Trogu G., Manattini A., Renn-Zurek A., Modrzejewska D.M., Woznicka E.B., Popovici S., Pintilie L., Beck I., Virbaliene A., Siurine A.* Existential Loneliness Among Older People from the Perspective of Health Care Professionals: A European Multicenter Study // *Psychology Research and Behavior Management*. 2023. Vol. 16. P. 2241–2252.
- Larsson et al. 2023 – *Larsson H., Beck I., Blomqvist K.* Perspectives on existential loneliness. Narrations by older people in different care contexts // *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being*. 2023. № 18 (1). P. 1–13.

References

- Anisimova, O., Bondarenko, Yu., Buchkova, A. and Kilinskaya, N. (2022), "A model of socio-psychological support for the elderly people in the post-labor period and a sociological analysis of the main criteria for its effectiveness", *Sociodynamics*, no. 11, pp. 56–71.
- Bergman, I. and Bodner, E. (2022), "Aging Anxiety in Older Adults", *GeroPsych: The Journal of Gerontopsychology and Geriatric Psychiatry*, vol. 35, iss. 4, pp. 196–201.
- Edberg, A., Trogu, G., Manattini, A., Renn-Zurek, A., Modrzejewska, D.M., Woznicka, E.B., Popovici, S., Pintilie, L., Beck, I., Virbaliene, A. and Siuriene A. (2023), "Existential Loneliness Among Older People from the Perspective of Health Care Professionals: A European Multicenter Study", *Psychology Research and Behavior Management*, vol. 16, pp. 2241–2252.
- Kramarenko, N.S. and Efremova, D.N. (2021), "The model of experiencing subjective happiness of the elderly", *Bulletin of Moscow State Regional University*, no. 3, pp. 131–144.
- Larsson, H., Beck, I. and Blomqvist, C. (2023), "Perspectives on existential loneliness. Narrations by older people in different care contexts", *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being*, vol. 18 (1), pp. 1–13.
- Parkhomenko, K.V. and Romanof, N.A. (2019), "Issues of meaning-of-life orientations in modern times", *Psihologicheskoe blagopoluchie sovremennogo cheloveka: materialy Mezhdunarodnoi zaочноi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Psychological Well-being of Modern Man. Proceedings of the International Correspondence Scientific and Practical Conference 20 March 2019]*, Ural'skii gos. ped. un-t, Yekaterinburg, Russia, pp. 604–606.
- Podolsky, A.I., Ermolaeva, M.V. and Shorkina, N.A. (2022), *Pozhiloi chelovek kak sub'ekt izucheniya, podderzhki i obshcheniya [An elderly person as a subject of study, support and communication]*, Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, Moscow, Russia.
- Ryadinskaya, E., Kovalchishina, N. and Volobuev, V. (2023), "Attitudes towards death among the civilian population living in the war-conflict zone in the context of existential fulfillment", *Innovative Science: Psychology. Pedagogy. Defectology*, no. 6 (2), pp. 6–14.
- Stewart-Hamilton, Y. (2010), *Psihologiya stareniya [Psychology of Aging]*, 4th ed., Peter, St. Petersburg, Russia.
- Symanyuk, E., Borisov, G., Sergeeva, T., Pecherkina, A. and Obvintseva, O. (2021), "Psychological well-being of people in late adulthood", *Lurian Journal*, vol. 2, no. 3, pp. 17–30.
- Titkova, A.A. (2019), "Formation of meaning-of-life orientations of pensioners", *Edinoe obrazovatel'noe prostranstvo kak faktor formirovaniya i vospitaniya lichnosti: Materialy XIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, magistrantov i molodykh uchenykh [Unified Educational Space as a Factor in the Formation and Education of Personality: Materials of the XIII International*

- Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduates, and Young Scientists], Ryazan, 25–26 April 2019, Ryazan, Russia, pp. 139–144.
- Vayznikova, L. and Solodovnik, E. (2020), “The relationship between emotional orientation and existential fulfillment of personality”, *The Humanities and Social Sciences in the Far East*, vol. 17, iss. 4, pp. 45–49.
- Voznyuk, Yu.A. and Sapozhnikova, E.E. (2022), “Meaning-of-life orientations and life satisfaction of retirees with different working statuses”, *International Journal of Medicine and Psychology*, no. 5 (4), pp. 81–87.

Информация об авторах

Дилара Н. Ефремова, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; dilefremova@gmail.com

Андрей В. Мецлер, Государственное бюджетное учреждение города Москвы Геронтологический центр «Юго-Западный» Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы, Москва, Россия; 117321, Россия, Москва, ул. Островитянова, д. 16, корп. 5; avmetsler@mail.ru

Юлия С. Кузнецова, Российский университет медицины Министерства здравоохранения Российской Федерации, Москва, Россия; 127006, Россия, Москва, ул. Долгоруковская, д. 4; kuznetsovaus97@gmail.com

Information about the authors

Dilyara N. Efremova, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; dilefremova@gmail.com

Andrey V. Metzler, State budgetary institution of the city of Moscow Gerontological Center “South-West” of the Department of Labor and Social Protection of the Population of the City of Moscow, Moscow, Russia; bld. 16-5, Ostrovityanova Street, Moscow, Russia, 117321; avmetsler@mail.ru

Yuliya S. Kuznetsova, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian University of Medicine” of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 4, Dolgorukovskaya Street, Moscow, Russia, 127006; kuznetsovaus97@gmail.com

Методический инструментарий

УДК 159.923

DOI: 10.28995/2073-6398-2025-1-127-143

Модифицированная методика диагностики адаптационной готовности личности

Марина В. Григорьева

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт
войск национальной гвардии Российской Федерации,
Саратов, Россия, grigoryevamv@mail.ru*

Аннотация. Проведена дифференциация методологических подходов и содержаний понятий «адаптация», «адаптационная готовность», «преадаптация». Приведены данные о модификации методики диагностики адаптационной готовности личности, которая, в отличие от существующих методик диагностики адаптационных явлений, позволяет измерить не результат адаптации, а установку на быструю и эффективную адаптацию. Психометрическая проверка модифицированной методики была проведена на выборке студентов (ср. возраст $20 \pm 1,82$ года, мужского пола 37%). Объем выборки 386 человек. В результате конфирматорного факторного анализа было получено и интерпретировано пять факторов, соответствующих комплексному набору вопросов по трем шкалам и отдельно набору вопросов по каждой из трех шкал – психофизиологической, психологической и социально-психологической адаптационной готовности. Шкала социально-психологической адаптационной готовности представлена двумя факторами, поскольку это самый сложный уровень адаптационной готовности. Надежность и внутренняя согласованность модифицированной методики подтверждалась α Кронбаха (0,879, при $p < 0,001$). Приведены данные о конвергентной валидности методики, подтвержденной коэффициентами корреляций с показателями по методикам К. Роджерса, Р. Даймонд в модификации А.К. Осницкого и многоуровневого личностного опросника «Адаптивность» А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина. Ретестовая надежность была подтверждена повторной диагностикой с интервалом четыре месяца на выборке 75 человек. Представлен текст и ключи, а также соответствие баллов стенам.

Ключевые слова: адаптационная готовность личности, модифицированная методика диагностики адаптационной готовности, конфирматорный факторный анализ, надежность, валидность

© Григорьева М.В., 2025

Для цитирования: Григорьева М.В. Модифицированная методика диагностики адаптационной готовности личности // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2025. № 1. С. 127–143. DOI: 10.28995/2073-6398-2025-1-127-143

Modified method of diagnosing the adaptive readiness of the individual

Marina V. Grigoryeva

*Saratov Chernyshevsky State University,
Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute
of the National Guard Troops, Saratov, Russia,
grigoryevamv@mail.ru*

Abstract. A differentiation of methodological approaches and contents of the concepts of “adaptation”, “adaptation readiness”, and “pre-adaptation” was carried out. The article presents data on the modification of the method for diagnosing the adaptive readiness of an individual, which, unlike existing methods for diagnosing adaptive phenomena, allows one to measure not the result of adaptation, but the attitude towards fast and effective adaptation. Psychometric testing of the modified method was conducted on a sample of students (average age 20 ± 1.82 years, male 37%). The sample size was 386 people. As a result of confirmatory factor analysis, 5 factors were obtained and interpreted, corresponding to a complex set of questions on three scales and a separate set of questions on each of the three scales – psychophysiological, psychological and socio-psychological adaptive readiness. The scale of social and psychological adaptation readiness is presented by two factors, since it is the most complex level of adaptation readiness. Reliability and internal consistency of the modified method were confirmed by Cronbach's α (0,879, at $p < 0,001$). Data on the convergent validity of the method, confirmed by correlation coefficients with indicators according to the methods of K. Rogers, R. Diamond in the modification of A.K. Osnitsky and the multi-level personality questionnaire “Adaptability” by A.G. Maklakov and S.V. Chermnyanin are presented. Retest reliability was confirmed by repeated diagnostics at an interval of 4 months on a sample of 75 people. The text and keys are presented, as well as the correspondence to the Sten (Standard Ten) scores.

Keywords: adaptive readiness of the individual, modified method of diagnostics of adaptive readiness, confirmatory factor analysis, reliability, validity

For citation: Grigoryeva, M.V. (2025), “Modified method of diagnosing the adaptive readiness of the individual”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 1, pp. 127–143, DOI: 10.28995/2073-6398-2025-1-127-143

Введение

В эпоху быстрых изменений в обществе, неоднозначности оценки ситуации взаимодействия человека со средой, смены основных ценностных ориентаций, возрастания многозначности решений, приводящих к достижению целей, возрастают требования к человеку быть готовым к возможным трансформациям условий жизни и деятельности, быстро и качественно реагировать на изменения, иметь некоторый диапазон средств и способов преодоления трудностей, связанных с динамикой и энтропией условий.

Такую готовность можно назвать адаптационной готовностью личности, поскольку она обеспечивает приспособление и продолжение в новых условиях осуществлять эффективную деятельность [Григорьева 2018].

В современной психологии существуют два подхода к изучению адаптационной готовности. В рамках первого подхода исследователи изучают данный феномен как некоторую подготовленность, прежде всего когнитивную, к продолжению деятельности [Иванчин 2020; Хмелькова 2021]. Второй подход направляет исследователей на выявление глубинных явлений, способствующих созданию определенной установки на преадаптацию [Григорьева 2016; Шамионов 2017; Шаров и др. 2020].

В ряду схожих понятий понятие адаптационной готовности ориентирует исследователя на поиск свернутых, более или менее автоматизированных, адаптационных действий, выработанных личностью в процессе предыдущего опыта жизни. В то время как адаптация, скорее, понимается как результат приспособления и как основа последующей интеграции в социум и эффективной профессиональной (или учебной) деятельности и взаимодействий с окружающими людьми, а также как основа внутреннего благополучия личности [Реан и др. 2006].

Ближе к понятию адаптационной готовности личности понятие «преадаптация» [Асмолов и др. 2021]. Анализируя психофизическую проблему с позиций конструктивистской эволюционной эпистемологии, А.Г. Асмолов, Е.Д. Шехтер, А.М. Черноризов приходят к выводу, что в процессе эволюции у человека возникает потенция сначала предвидения ожидаемого, затем предвидение неожиданного, непредсказуемого, неопределенного [Асмолов и др. 2021]. Возрастает многообразие вариантов того, что человек ожидает в последующей активности. Исследователи вводят понятие преадаптационной функции сознания как высшей формы эволюции психического [Асмолов и др. 2018]. Основная задача адаптации, как считают исследователи, производить частные изменения при

сохранении в целом всей организации системы, в то время как преадаптации – качественное изменение всей системы и, в некотором смысле, освобождение от прошлого усвоенного опыта. Преадаптация – это сохранение всего многообразия всех потенций человека, независимо от их полезности и прошлой проверки, для последующего, иногда неожиданного для самого человека использования, это конструкция «вне-возможного» [Асмолов и др. 2018, с. 94]. Преадаптация требует переизбытка разнообразия и на основе этого выработки механизма вариативности [Асмолов и др. 2018].

Преадаптация объясняет основной принцип развития психики, сознания и эволюции человека в целом, в то время как понятие адаптационной готовности личности в большей степени операционализирует готовность личности к изменениям и действиям в неопределенных ситуациях в большей степени с использованием прошлого опыта. Разработка измерения преадаптации довольно сложная методическая задача, поскольку, как признают исследователи, преадаптацию нельзя унифицировать [Асмолов и др. 2018].

Вместе с тем анализ процесса разворачивания адаптационной готовности в рамках постнеклассической психологии имеет, безусловно, большой исследовательский потенциал и постановку новых исследовательских задач, связанных с обращением к качественным методам и переходу от линейных моделей социальной адаптации человека к нелинейным с описанием бифуркационных точек изменений [Белинская 2022; Хорошилов и др. 2021].

Если первый подход связан с диагностикой состоявшихся и закрепившихся результатов адаптации (например, академических знаний, коммуникативной компетенции, нервно-психической устойчивости и т. п.), то второй требует диагностики внутренних состояний, создающих направленность личности на будущую адаптацию. В первом случае адаптационная готовность диагностируется набором известных методик отдельных ее составляющих. Для второго методологического подхода диагностические средства довольно ограничены. Ранее нами была предпринята попытка разработки методики диагностики адаптационной готовности как определенной установки [Григорьева 2017]. Методика соответствует всем психометрическим критериям, но является довольно громоздкой и трудной для диагностируемых. Поэтому необходимо сокращение и оптимизация данной методики.

Целью данной статьи является верификация сокращенной методики диагностики адаптационной готовности как установки личности.

Психометрическая проверка модифицированной методики была проведена на выборке студентов (ср. возраст $20 \pm 1,82$ года,

мужского пола 36,7%). Объем выборки 386 человек (проживающих в мегаполисе – 131 человек; в большом городе – 149 человек; в малых городах – 106 человек. Страна проживания – Россия). Национальность и уровень владения русским языком не учитывались, поскольку в исследовании принимали участие студенты российских образовательных организаций и участие было добровольным. При таких условиях организации опроса с большой долей вероятности принимающие участие в исследовании студенты достаточно владеют русским языком.

Результаты

Из полного варианта методики были удалены манифестации, имеющие самые маленькие факторные нагрузки входящих в них вопросов. Всего было удалено по две манифестации в каждой из трех шкал. В итоге в модифицированном варианте осталось 72 вопроса, равномерно разделенные на три шкалы – психофизиологическая (ПФАГ), психологическая (ПАГ) и социально-психологическая (СПАГ) адаптационная готовность. В табл. 1 представлены результаты средних значений по шкалам.

Таблица 1

Описательные статистики по шкалам методики

Статистические показатели	ПФАГ	ПАГ	СПАГ	Общий результат
Среднее значение	15,25	13,98	17,02	46,26
Станд. откл.	3,71	3,58	3,42	9,39

Сравнительный анализ средних значений между подгруппами в зависимости от возраста и пола показал в основном отсутствие значимых различий (t Стьюдента менее 1,34, $p > 0,05$). Выраженное различие между юношами и девушками было получено по показателю социально-психологической адаптационной готовности (t Стьюдента = 2,8, при $p < 0,01$). Это позволило проводить последующий анализ по всей объединенной выборке.

Результаты диагностики по модифицированному варианту методики диагностики адаптационной готовности личности далее подвергались конфирматорному факторному анализу и корреляционному анализу с результатами диагностики социально-

психологической адаптированности по методикам К. Роджерса, Р. Даймонд в модификации А.К. Осницкого [Фетискин и др. 2002] и многоуровневому личностному опроснику «Адаптивность» А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина¹.

В результате конфирматорного факторного анализа было получено пять факторов (табл. 2).

Таблица 2

Результаты конфирматорного факторного анализа

Вопросы модифицированной методики	Компонент				
	1	2	3	4	5
ПФАГ50	,656				
ПАГ35	,653				
ПФАГ20	,609				
ПАГ14	,596				
СПАГ63	,590				
СПАГ36	,584				
ПАГ71	,571				
ПАГ51	,558				
ПАГ26	,543				
ПФАГ34	,541				
СПАГ72	,540				
СПАГ45	,532				
СПАГ6	,522				
ПФАГ13	,520				
ПФАГ5	,514				
СПАГ27	,468				
ПФАГ62	,436				
ПАГ44	,409				
ПАГОбщ		,513			

¹ Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ) А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина // Практическая психодиагностика: Методики и тесты: Учеб. пособие / Ред. и сост. Д.Я. Райгородский. Самара: ИД «БАХРАХ-М», 2006. С. 549–672.

Продолжение табл. 2

Вопросы модифицированной методики	Компонент				
	1	2	3	4	5
ПАГ41		,621			
ПАГ32		,618			
ПАГ8		,603			
СПАГ59		,591			
ПФАГ40		,530			
ПАГ47		,518			
ПАГ19		,515			
ПФАГ58		,495			
ПАГ38		,487			
ПАГ29		,450			
ПФАГ31		,446			
ПФАГОбщ			,596		
ПАГ49			,606		
ПФАГ37			,604		
ПФАГ48			,567		
ПФАГ46			,560		
ПФАГ7			,549		
ПАГ17			,525		
ПАГ11			,495		
ПФАГ28			,441		
СПАГ9			,432		
СПАГОбщ				,461	
СПАГ42				,647	
СПАГ39				,640	
СПАГ23				,538	
СПАГ66				,526	
ПАГ22				,521	
СПАГ33				,517	
СПАГ69				,514	
СПАГ55					,643

Окончание табл. 2

Вопросы модифицированной методики	Компонент				
	1	2	3	4	5
СПАГ53					,642
СПАГ57					,578
ПФАГ3					,534

Примечания. Метод выделения факторов: метод главных компонент.

Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера.

Вращение сошлось за 12 итераций.

ПФАГ – вопросы шкалы психофизиологической адаптационной готовности

ПАГ – вопросы шкалы психологической адаптационной готовности

СПАГ – вопросы шкалы социально-психологической адаптационной готовности

Числа – номера вопросов.

Общ. – общий результат по шкале.

Из табл. 2 видно, что в первый фактор вошли по шесть вопросов из всех трех шкал. Это комплексный фактор, свидетельствующий о содержательной схожести явлений по трем шкалам и их принадлежности к одному классу психических явлений – адаптационной готовности.

Во второй фактор вошли в основном номера вопросов по шкале психологической адаптационной готовности и общий результат по этой шкале, что подтверждает правильность формирования этой шкалы.

Третий фактор представляют в большинстве вопросы шкалы психофизиологической адаптационной готовности и общий результат по ней, что свидетельствует о правомерности выделения данной шкалы.

В четвертый и пятый факторы вошли вопросы по шкале социально-психологической адаптационной готовности вместе с общим результатом по данной шкале. Это также подтверждает правильность формирования этой шкалы, а распределение на два фактора свидетельствует о структурной сложности социально-психологической адаптационной готовности.

Надежность и внутренняя согласованность модифицированной методики подтверждалась α Кронбаха (0,879, при $p < 0,001$).

Конструктная и содержательная валидность доказывались в результате теоретического анализа по проблеме адаптационной готовности [Григорьева 2017].

Таблица 3

Корреляции, подтверждающие конвергентную валидность
модифицированной методики диагностики
адаптационной готовности личности

Шкалы методик социально-психоло- гической адаптирован- ности и опросника «Адаптивность»	Шкалы модифицированной методики диагностики адаптационной готовности личности		
	Психофизиологическая адаптационная готовность	Психологическая адаптационная готовность	Социально-психологи- ческая адаптационная готовность
Приятие себя		0,18**	
Приятие других			0,24***
Эмоциональный комфорт	0,14*	0,18**	
Внутренний контроль		0,18**	0,12*
Эскапизм			–0,28***
Поведенческая регуляция	0,14*		0,16*
Коммуникативный потенциал		0,12*	0,26***
			0,14*

Примечания. * – при $p < 0,05$; ** – при $p < 0,01$; *** – при $p < 0,001$.

Конвергентная валидность подтверждалась результатами корреляционного анализа между шкалами модифицированной методики диагностики адаптационной готовности и шкалами методик социально-психологической адаптированности К. Роджерса, Р. Даймонд в модификации А.К. Осницкого и общим результатом личностного опросника «Адаптивность» А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина (табл. 3).

Видно, что большинство шкал трех опросников имеют значимые корреляции, что свидетельствует о конвергентной валидности предложенного модифицированного опросника.

Ретестовая надежность определялась повторной диагностикой с интервалом 4 месяца на выборке 75 человек и последующем подсчете корреляции общего результата. Коэффициент корреляции при этом оказался равен 0,36, при $p < 0,001$, что подтверждает ретестовую надежность методики.

В *Приложении* приведен текст модифицированной методики диагностики адаптационной готовности личности и ключи для подсчета результатов по шкалам.

Выводы

Таким образом, модифицированная методика диагностики адаптационной готовности личности имеет доказанную валидность и надежность и полностью готова для применения. В отличие от существующих методик диагностики адаптационных явлений, которые измеряют в основном результаты адаптации личности, модифицированная методика направлена на измерение в основном адаптационной готовности личности как установки на быструю и эффективную последующую адаптацию. Методика рекомендуется для испытуемых от 18 до 22 лет.

Приложение

Текст методики диагностики
адаптационной готовности личности

Инструкция

Прочитайте приведенные ниже утверждения. Если Вы согласны с ними, это про Вас, выберите ответ «да». Если не согласны, это не про Вас, отметьте ответ «нет».

1. В новой для себя ситуации я могу понять, какие эмоции испытываю.
2. Мне довольно легко понять, в каком состоянии находится другой человек.
3. Я хорошо знаю, в каком состоянии нахожусь, даже в трудных или новых ситуациях.
4. Думаю, я готов понимать мотивы и действия других людей.
5. В новой ситуации я не могу сразу понять свое состояние.
6. Мне трудно понять, почему люди так действуют.
7. Я довольно спокоен в трудных ситуациях и готов действовать разумно.
8. Когда надо приспособиться к новым условиям, я представляю несколько вариантов того, как мне надо действовать.
9. Я легко могу заговорить с незнакомыми людьми.
10. Если надо, у меня получается быть хладнокровным и рассудительным.
11. Я могу легко представить, к чему приведет проблемная ситуация и как из нее выйти.
12. Я готов словами объяснить свою точку зрения так, чтобы меня поняли.
13. Знакомые говорят, что я бываю раздражительным и вспыльчивым.
14. Мне трудно представить результаты своих действий в проблемной ситуации.
15. Вести беседу с окружающими в проблемных ситуациях для меня не легко.
16. Думаю, мои эмоции в целом соответствуют ситуациям.
17. В новых или трудных ситуациях я готов быстро соображать.
18. В деловых ситуациях я стараюсь быть не слишком эмоциональным.
19. Я готов быстро изменить свое видение трудной ситуации, если что-то поменяется.
20. Знакомые говорят, что я слишком сильно эмоционально реагирую в трудных для меня ситуациях.
21. Мне хотелось бы быстрее соображать в проблемных ситуациях.
22. Чтобы привыкнуть к новым условиям жизни, я готов анализировать результаты своих действий.
23. Если надо, то я могу подстроиться под партнеров по взаимодействию.
24. Я быстро принимаю нужное решение, используя свой жизненный опыт.

25. Я довольно гибкий в общении человек, готов пойти на компромисс в конфликтной ситуации.
26. В новых или проблемных ситуациях я, как правило, не могу на что-то решиться.
27. Знакомые говорят, что я часто не уступаю в споре и добиваюсь признания своей правоты.
28. Я готов контролировать свои эмоции в любой ситуации.
29. Перед тем как решиться на что-либо, я стараюсь представить всю сложившуюся ситуацию целиком: себя в ней, свои действия, действия других людей, возможные варианты развития событий и т. д.
30. Думаю, что во взаимодействии с другими я готов взять ответственность на себя за то, что происходит.
31. Я владею навыками контроля за своими эмоциями.
32. При изменении ситуации я могу легко изменить свои представления о ней.
33. Я чувствую ответственность за результаты своих действий.
34. После неожиданной ситуации я долгое время не могу справиться с эмоциями.
35. Обычно мне трудно отследить изменения ситуации.
36. То, как складываются отношения с другими людьми, зависит в большей степени от них, я мало что могу сделать.
37. У меня не бывает длительного снижения настроения, подавленности.
38. Я знаю, когда надо что-то поменять в окружающем мире, а когда надо измениться самому.
39. Как правило, я дружелюбен с окружающими.
40. Если у меня что-то не получается и это важно для меня, то я предпочитаю действовать дальше, а не расстраиваться и бросать начатое.
41. Если возникает проблемная ситуация, то, чтобы ее решить, надо что-то менять и в себе, и в окружающем мире одновременно.
42. Если я вижу, что кому-то нужна помощь и это в моих силах, я постараюсь помочь.
43. У меня бывают периоды, когда ничего не хочется делать из-за подавленности.
44. Я с трудом могу понять, когда надо измениться самому, а когда изменить ситуацию.
45. Часто бывает так, что окружающие меня раздражают.
46. Я, как правило, оптимистичен и бодр.
47. Я могу хорошо действовать в неопределенных ситуациях.
48. Я уверен, что в новой ситуации эмоции не помешают мне сориентироваться, как себя вести.
49. Неопределенность мне не мешает в жизни и работе (учебе).
50. Если что-то не получается сразу, я расстраиваюсь и долго не могу приступить к делу.

51. Мне надо четко знать, что и когда произойдет, в противном случае я сильно нервничаю.
52. В большей степени я получаю удовольствие от процесса жизни, а не от результата своих действий.
53. У меня есть несколько испытанных схем поведения, в трудных ситуациях я их использую.
54. Результат работы, конечно, важен, но процесс работы всегда должен приносить удовольствие.
55. Есть определенные схемы действий, которые спасают меня в проблемных ситуациях.
56. Я считаю, не важно, как и с какими усилиями ты достигаешь результата, главное, чтобы он всегда был.
57. У меня нет проверенных схем моих действий в каких-либо ситуациях, каждый раз действую по-разному.
58. Я стараюсь выразить словами свои эмоции и чувства.
59. У меня есть желание быть полезным обществу.
60. Когда сформулируешь для себя, в каком состоянии ты находишься, начинаешь лучше понимать себя.
61. Я легко приспосабливаюсь к новым людям.
62. Как правило, я не готов объяснять свои чувства и состояния окружающим, даже если они ждут этого.
63. Мне трудно привыкнуть к новым условиям и людям.
64. Я считаю, что человек имеет право свободно проявлять свои эмоции адекватно ситуации.
65. Я готов долго быть в рабочем состоянии или решать трудные жизненные задачи.
66. В общении с людьми я умею показать себя с лучшей стороны.
67. Окружающие говорят, что то, как я себя чувствую, сразу видно.
68. Даже если мне не интересно, но дело важное, я могу долго им заниматься.
69. В процессе взаимодействия с окружающими я могу проявить свои сильные стороны.
70. Я считаю, что свои эмоции в трудных ситуациях проявлять нельзя.
71. Я стараюсь не напрягаться, чтобы выйти из проблемной ситуации: со временем она сама разрешится.
72. Я теряюсь, если меня просят рассказать о себе.

Ключ

Шкала психофизиологической адаптационной готовности

Да: 1, 3, 7, 10, 16, 18, 28, 31, 37, 40, 46, 48, 58, 60, 64, 67

Нет: 5, 13, 20, 34, 43, 50, 62, 70

Шкала психологической адаптационной готовности

Да: 8, 11, 17, 19, 22, 24, 29, 32, 38, 41, 47, 49, 52, 54, 65, 68

Нет: 14, 21, 26, 35, 44, 51, 56, 71

Шкала социально-психологической адаптационной готовности

Да: 2, 4, 9, 12, 23, 25, 30, 33, 39, 42, 53, 55, 59, 61, 66, 69

Нет: 6, 15, 27, 36, 45, 57, 63, 72

Совпадение с ключом – 1 балл. По каждой шкале min = 0, max = 24 балла. Общий результат получается складыванием результатов по трем шкалам и теоретически может быть равен от 0 до 72 баллов.

В табл. 4 содержатся данные перевода сырых баллов в стены по всем шкалам отдельно и общему результату.

Высокий результат, свидетельствующий о хорошо развитой адаптационной готовности, по каждой шкале и общему результату – 8–10 стенов; средний результат – 5–7 стенов; низкий результат, показывающий плохо развитую адаптационную готовность, – 3–4 стена.

Таблица 4

Перевод баллов в стены

Стены	Шкала психо-физиологической адаптационной готовности	Шкала психо-логической адаптационной готовности	Шкала социально-психологической адаптационной готовности	Общий результат
1	–	–	–	–
2	–	–	–	–
3	0–4	0–3	0–3	0–8
4	4–7	4–6	4–6	9–17
5	8–11	7–10	7–10	18–27
6	12–15	11–14	11–13	28–36
7	16–18	15–17	14–17	37–46
8	19–22	18–21	18–20	47–55
9	22–24	22–24	21–24	56–64
10	–	–	–	65–72

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00472 «Адаптационная готовность субъектов высшего образования в условиях его перманентных изменений», <https://rscf.ru/project/24-28-00472/>.

Acknowledgements

The study was carried out under the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00472 “Adaptation readiness of subjects of higher education in the context of its permanent changes”, <https://rscf.ru/project/24-28-00472/>.

Литература

- Асмолов и др. 2018 – Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М.: Акрополь, 2018. 212 с.
- Асмолов и др. 2021 – Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. Парадокс сосуществования адаптации и преадаптации в историко-эволюционном процессе // Вопросы психологии. 2021. № 67 (4). С. 3–20.
- Белинская 2022 – Белинская Е.П. Совладание с трудностями в эпоху неопределенности и глобальных рисков: основные исследовательские тренды // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 6 (94). С. 760–771.
- Григорьева 2016 – Григорьева М.В. Способности и готовность личности к адаптации как ресурсы жизнеспособности // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А.В. Махнач, Л.Г. Дикая. М.: Институт психологии РАН, 2016. С. 321–338.
- Григорьева 2017 – Григорьева М.В. Психодиагностическая методика «Адаптационная готовность личности» // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 10. С. 73–75.
- Григорьева 2018 – Григорьева М.В. Типы адаптационной готовности личности в образовательной среде школы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2018. № 7 (1). С. 56–61.
- Иванчин 2020 – Иванчин С.А. Компоненты и условия формирования адаптационной готовности личности к учебной деятельности у иностранных студентов в условиях вузовского образования // Пензенский психологический вестник. 2020. № 2 (15). С. 130–138.
- Реан и др. 2006 – Реан А.А., Кудашев А.Р., Баранов А.А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2006. 479 с.
- Фетискин и др. 2002 – Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002. 490 с.
- Хмелькова 2021 – Хмелькова О.В. Адаптационная готовность обучающихся общеобразовательной школы в динамичной образовательной среде: Дис. ... канд. психол. наук / Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 2021.

- Хорошилов и др. 2021 – Хорошилов Д.А., Белинская Е.П., Лянгусова В.В. Качественные методы в изучении культурной детерминации совладания: проблемы и перспективы // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. № 1. С. 12–27.
- Шамянов 2017 – Шамянов Р.М. Отношение к изменениям и толерантность к неопределенности как предикторы адаптивности и адаптационной готовности // Российский психологический журнал. 2017. № 2. С. 90–104.
- Шаров 2020 – Шаров А.А., Хмелькова О.В., Суслова О.И. Изучение феномена адаптационной готовности в психолого-педагогическом аспекте: современное состояние и перспективы // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8. № 2. 17 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-fenomena-adaptatsionnoy-gotovnosti-v-psihologo-pedagogicheskom-aspekte-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy> (дата обращения 25 июля 2024).

References

- Asmolv, A.G., Shekhter, E.D. and Chernorizov, A.M. (2018), *Preadaptatsiya k neopredelennosti: nepredskazuemye marshruty evolyutsii* [Pre-adaptation to uncertainty. Unpredictable routes of evolution], Akropol', Moscow, Russia.
- Asmolv, A.G., Shekhter, E.D. and Chernorizov, A.M. (2021), "The paradox of the adaptation and preadaptation coexistence of in the historical and evolutionary process", *Voprosy psichologii*, no. 67 (4), pp. 3–20.
- Belinskaya, E.P. (2022), "Coping in times of uncertainty and global risks: the main research trends", *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, vol. 24, no. 6 (94), pp. 760–771.
- Fetiskin, N.P., Kozlov, V.V. and Manuilov, G.M. (2002), *Sotsial'no-psihologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malyykh grupp* [Social and psychological diagnostics of personality development and small groups], Izdatel'stvo Instituta Psikhoterapii, Moscow, Russia.
- Grigoryeva, M.V. (2016), "The ability and readiness of the individual to adapt as resources of viability", in Mahnach, A.V. and Dikaya, L.G. (eds.), *Zhiznesposobnost' cheloveka: individual'nye, professional'nye i social'nye aspekty* [Human resilience. Individual, professional and social aspects], Institut psikhologii RAN, Moscow, Russia, pp. 321–338.
- Grigoryeva, M.V. (2017), "Psychodiagnostic technique for personal adaptive readiness", *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, no. 10, pp. 73–75.
- Grigoryeva, M.V. (2018), "Types of adaptive readiness of the individual in the educational environment of the school", *Izv. of Sarat. Univ. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, iss. 7, no. 1, pp. 56–61.
- Khmel'kova, O.V. (2021), *Adaptation readiness of students of a comprehensive school in a dynamic educational environment*: Ph.D. Thesis, Saratov Chernyshevsky State University, Saratov, Russia.

- Khoroshilov, D.A., Belinskaya, E.P. and Lianguzova, V.V. (2021), "Qualitative methods in the study of cultural determination of coping: problems and prospects", *RSUH/ RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 1, pp. 12–27, DOI: 10.28995/2073-6398-2021-1-12-27.
- Ivanchin, S.A. (2020), "Components and conditions for the formation of adaptive readiness of foreign student's personality for educational activities in the university educational medium", *Penza psychological newsletter PSYCHOLOGY-NEWS.RU*, no. 2 (15), pp. 130–138.
- Rean, A.A., Kudashev, A.R. and Baranov, A.A. (2006), *Psihologiya adaptatsii lichnosti. Analiz. Teoriya. Praktika* [Psychology of personality adaptation. Analysis. Theory. Practice], Praim-Evroznak, St. Petersburg, Russia.
- Shamionov, R.M. (2017), "Attitude to Change and Tolerance to Uncertainty as Predictors of Adaptability and Adaptive Readiness", *Russian Psychological Journal*, no. 14 (2), pp. 90–104.
- Sharov, A.A., Khmelkova, O.V. and Suslova, O.I. (2020), "Studying the Phenomenon of Adaptation Readiness in the Psychological and Pedagogical Aspect: Current State and Prospects", *World of Science. Pedagogy and psychology*, vol. 8, no. 2, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-fenomena-adaptatsionnoy-gotovnosti-v-psihologo-pedagogicheskom-aspekte-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy> (Accessed 25 July 2024).

Информация об авторе

Марина В. Григорьева, доктор психологических наук, профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия; 410012, Россия, Саратов, Астраханская ул., д. 83;

Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Саратов, Россия; 410023, Россия, Саратов, Московская ул., д. 158; grigoryevamv@mail.ru

Information about the author

Marina V. Grigoryeva, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Saratov Chernyshevsky State University, Saratov, Russia; bld. 83, Astrakhanskaya Street, Saratov, Russia, 410012;

Saratov military Order of Zhukov Red Banner Institute of National Guard Troops, Saratov, Russia; bld. 158, Moscow Street, Saratov, Russia, 410023; grigoryevamv@mail.ru

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2025-1-144-159

Генетические и психофизиологические аспекты болезни Альцгеймера: обзор современных исследований

Полина О. Кривых

Тель-Авивский университет,

Тель-Авив, Израиль, krivых.polina@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены разные аспекты болезни Альцгеймера: начиная от краткого описания трех основных стадий (начальная, умеренная, поздняя) данной болезни и заканчивая обзором генетических, эпигенетических, а также медиаторных, нейроморфологических и нейрофизиологических аспектов болезни Альцгеймера. Болезнь Альцгеймера является основной причиной деменции и характеризуется нейродегенерацией нейронов коры больших полушарий, гиппокампа, предклинья и задней части зубчатой извилина. Наблюдается выраженная дегенерация синапсов в гиппокампе, височной доле и базальных ганглиях. С развитием болезни Альцгеймера связывают ген APOE, ответственный за производство белка аполипопротеина E, ген APP, который кодирует белок-предшественник APP, при процессинге которого получается бета-амилоид и гены пресенилин-1 (PSEN1) и пресенилин-2 (PSEN2), инактивация которых приводит к прекращению синтеза бета-амилоида. На медиаторном уровне при болезни Альцгеймера одновременно нарушается работа холинэргической и глутаматной систем мозга. С точки зрения эпигенетики к развитию болезни Альцгеймера может приводить накопление тау-белка, который изменяет структуру хроматина в мышинных моделях болезни Альцгеймера. С точки зрения гипотезы когнитивного резерва профилактике болезни Альцгеймера способствуют физические упражнения, активное социальное и интеллектуальное взаимодействие, налаженный сон.

Ключевые слова: болезнь Альцгеймера, деменция, ген APOE, гиппокамп, ацетилхолин, глутамат, гипотеза когнитивного резерва

Для цитирования: Кривых П.О. Генетические и психофизиологические аспекты болезни Альцгеймера: обзор современных исследований // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2025. № 1. С. 144–159. DOI: 10.28995/2073-6398-2025-1-144-159

Genetic and psychophysiological aspects of Alzheimer's disease. A review of modern research

Polina O. Krivkykh
Tel Aviv University, Tel Aviv, Israel,
krivkykh.polina@gmail.com

Abstract. The article considers different aspects of Alzheimer's disease: starting with a brief description of the three main stages (early, middle and late) of the disease to an overview of the main genetic, epigenetic, as well as mediator, neuromorphological and neurophysiological aspects of AD. Alzheimer's disease is the main cause of dementia characterized by the neurodegeneration of neurons of the large hemisphere cortex, hippocampus, precuneus and posterior dentate gyrus.

In AD the degenerated synapses are found in the hippocampus, temporal lobe and in basal ganglia. The main genetic factor of the AD is thought to be gene APOE, responsible for the production of the apolipoprotein E, as well as gene APP, coding the protein which processing results into beta-amyloid and genes presenilin 1 and 2 (PSEN1, PSEN2), which, when inactivated, lead to the cessation of beta-amyloid synthesis. At the mediator level, the brain's cholinergic and glutamate systems are simultaneously impaired in Alzheimer's disease. From the epigenetic point of view increased amount of the tau protein may result into changing chromatin structure in mice models of AD. The cognitive reserve hypothesis supposes that physical exercises, active social and intellectual activities and correct sleep schedule serve to postpone the possible onset of the AD.

Keywords: Alzheimer's disease, dementia, APOE gene, hippocampus, acetylcholine, glutamate, cognitive reserve hypothesis

For citation: Krivkykh, P.O. (2025), "Genetic and psychophysiological aspects of Alzheimer's disease. A review of modern research", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 1, pp. 144–159, DOI: 10.28995/2073-6398-2025-1-144-159

Введение

Болезнь Альцгеймера является самой распространенной причиной деменции, вызывая ее в 60–80% случаев. Это нейродегенеративное заболевание, которое сопровождается деменцией, т. е. общим снижением когнитивных функций, причем особенно сильно страдают память и мышление. К основным нейروпсихиатрическим

проявлениям при болезни Альцгеймера относят депрессивное состояние, апатию, агрессию. Причем степень выраженности этих симптомов довольно надежно предсказывает скорость когнитивного распада при данном диагнозе [Li et al. 2014]. Изучение генетических и нейрофизиологических аспектов и механизмов болезни Альцгеймера позволит нам более детально раскрыть и понять феноменологию нарушения памяти, а также сопровождающие их процессы распада личности. Анализ процесса нарушения функции памяти при болезни Альцгеймера в сравнении с обычным процессом старения – хороший метод для изучения нормального изменения функции памяти с возрастом. Понимание генетических и нейрофизиологических основ болезни Альцгеймера способствует более глубокому пониманию механизма проявлений когнитивных изменений, что, в свою очередь, позволяет лучше изучить работу когнитивных функций в патологии по сравнению с нормой.

Данные NVSR, National Vital Statistic Reports¹ показывают, что в последние тридцать лет наблюдается рост смертности от болезни Альцгеймера (БА): сейчас она занимает 6-е место в списке, а за промежуток с 2000 до 2017 г. количество смертей от болезни Альцгеймера выросло на 145%. В среднем человек живет четыре–восемь лет после постановки диагноза (хотя зафиксированы случаи, когда человек прожил 20 лет после диагностики).

На данный момент у нас нет однозначного и четкого представления о патогенезе болезни Альцгеймера: есть лишь разнообразные гипотезы и разрозненные подтвержденные факты из разных областей знаний [Contador et al. 2024]. Это приводит к неутешительным перспективам лечения болезни Альцгеймера: все современные терапевтические схемы позволяют лишь замедлить скорость когнитивного снижения. Но угасание все равно происходит, а новых данных пока нет.

Отдельно выделяется проблема диагностики болезни Альцгеймера. Чем раньше болезнь Альцгеймера диагностирована, тем эффективнее может оказаться имеющаяся схема лечения и тем больше времени останется у человека на планирование своей жизни. Но чаще всего диагноз ставят, когда симптомы проявляются уже особенно отчетливо, а генетические тесты не позволяют делать точные прогнозы.

Цель данной статьи – предоставить читателю подробное описание генетических, эпигенетических, а также медиаторных, нейроморфологических и нейрофизиологических аспектов болезни Альцгеймера.

¹National Vital Statistics Reports. 2016. Vol. 64. № 2. 119 p.

Симптомы и проявление болезни Альцгеймера

Впервые болезнь Альцгеймера была описана в 1907 г. Алоисом Альцгеймером. При этом важно отделять болезнь Альцгеймера от термина «деменция». Деменция – это зонтичный термин, который используется, чтобы в целом описать симптомы когнитивного снижения, в частности нарушения работы памяти и целеполагания, при этом данные проявления не являются нормальными проявлениями старения. Также важно отметить, что нарушение памяти на данный момент считается вторичным симптомом деменции.

Болезнь Альцгеймера является причиной деменции в 60–80% случаев, приводя к так называемой корковой деменции с атрофией коры больших полушарий головного мозга [Álvarez-Linera, Jiménez-Huete 2019]. Часто также встречается смешанная деменция, при которой когнитивное снижение вызвано коморбидом, и к болезни Альцгеймера добавляется, например, деменция с тельцами Леви [Snider et al. 2005]. При этом встречается проявление симптомов болезни Альцгеймера при отсутствии выраженной нейродегенерации характерных для данного диагноза мозговых структур. Однако и при деменции, и при болезни Альцгеймера наблюдается сниженная синхронизация мозговых ритмов, как показывает электроэнцефалограмма [Koenig et al. 2005].

Гипотеза когнитивного резерва предполагает, что уровень образованности влияет на скорость развертывания болезни Альцгеймера и продолжительность разных стадий. Так, у людей с высшим образованием проходит в среднем 15–16 лет от появления первых симптомов нарушения когнитивных функций до перехода на позднюю стадию болезни Альцгеймера, в то время как у людей без высшего образования на это уходит в среднем 7 лет. Теоретически это связывают с увеличенным количеством белого и серого вещества в височно-теменной и орбитофронтальной коре у людей, получивших высшее образование, по сравнению с теми, кто его не получил. Дополнительно на степень выраженности симптомов влияет обогащенность окружения человека: регулярное общение с другими людьми замедляет развитие симптомов болезни Альцгеймера.

Обычно выделяют три стадии развития болезни Альцгеймера: начальная, умеренная и поздняя. При этом остается открытым вопрос, выделять ли предеменцию и первое появление симптомов как дополнительную четвертую стадию болезни Альцгеймера или же рассматривать ее как отдельную диагностическую единицу?

Начальная стадия болезни Альцгеймера

На данной стадии человек способен жить самостоятельно: водить машину, работать, общаться. Присутствуют постоянные жалобы на выпадение из памяти некоторых слов и местонахождений предметов. В первую очередь страдает кратковременная память, в то время как долговременная память пока остается сохранной. Родственники и близкие друзья начинают замечать эти изменения и приводят человека ко врачу. Основные симптомы начальной стадии: сложности с запоминанием имен людей, быстрое забывание прочитанного, проблемы с планированием, нарушение тонкой моторики – человек выглядит неловким и неуклюжим из-за проблем с координацией.

Умеренная стадия болезни Альцгеймера

Обычно это самая долгая стадия, она может продолжаться годами. По мере прогрессирования болезни Альцгеймера о человеке требуется все больше заботиться. Когнитивное снижение усиливается, возникают вспышки гнева, фрустрация, странное поведение (например, необоснованный отказ принять ванну). К нарушению кратковременной памяти присоединяется нарушение долговременной памяти: отдаленные во времени события кажутся близкими и воспроизводятся со множеством подробностей, тогда как воспоминания о недавних событиях быстро стираются и забываются. Серьезное снижение когнитивных функций также приводит к изменениям личности: пациенты становятся раздражительными, эмоционально лабильными, бывают спонтанные приступы агрессии и бродяжничество. Основные симптомы умеренной стадии: забывание автобиографических фактов, дезориентация во времени, проблемы с выполнением простых повседневных дел (одеться по погоде, побриться), нарушения сна, парафазии, повышается риск потеряться на улице.

Поздняя стадия болезни Альцгеймера

На последней стадии симптомы заметно усиливаются. Пациенты теряют способность поддерживать разговор, владение языком сужается до использования отдельных слов. Людям становится сложно контролировать свои движения, они полностью зависят от посторонней помощи. Смерть обычно наступает не из-за самой бо-

лезни Альцгеймера, а за счет дополнительных факторов: часто это пневмония или пролежневая язва.

Генетические аспекты болезни Альцгеймера

Болезнь Альцгеймера обычно начинает проявляться в возрасте около 65 лет, и чем старше человек, тем выше риски: так, в 75 лет уже у 3% мужчин и женщин в популяции развивается БА, а в 85 лет риск развития болезни Альцгеймера возрастает до 11% среди мужчин и 14% среди женщин.

Основной ген, связываемый с развитием болезни Альцгеймера, – это ген АРОЕ, расположенный на 19-й хромосоме и ответственный за производство белка аполипопротеина Е (299 аминокислот, масса 34 килодальтона). Он связывается с холестерином и жирами, образуя липопротеины – в этой форме они могут перемещаться с током крови. В организме аполипопротеин Е по большей части сосредоточен в печени, почках и селезенке. В центральной нервной системе аполипопротеин Е в основном синтезируется астроцитами и участвует в заживлении повреждений за счет перераспределения жиров среди нейронов и модуляции роста аксонов.

Три основные изоформы аполипопротеина Е называются АРОЕ2, АРОЕ3 и АРОЕ4 – они являются продуктами одноименных генетических вариантов.

АРОЕ3 (вариант Т-С, тиамин-цитозин) является самым распространенным вариантом и встречается у 75% людей, поэтому считается, что он не связан с развитием болезни Альцгеймера. Вариант АРОЕ2 (вариант Т-Т, тиамин-тиамин) крайне редкий, он встречается у 5% людей и рассматривается как потенциально снижающий риски развития болезни Альцгеймера [Wu, Zhao 2016]. У носителей двух вариантов АРОЕ2 или сочетания АРОЕ2 и АРОЕ3 риск развития болезни Альцгеймера на 40% ниже, чем у носителей двух вариантов АРОЕ3. Вариант АРОЕ4 (С-С, цитозин-цитозин) встречается лишь у 20% людей в популяции, но почти у 50% людей, у которых диагностировали болезнь Альцгеймера. При этом наличие одной копии АРОЕ4 (в паре с АРОЕ3) повышает риск развития болезни Альцгеймера в 3,2 раза, а наличие двух вариантов АРОЕ4 – в 14,9 раза. Большинство исследований роли гена АРОЕ в развитии болезни Альцгеймера сосредоточены на сравнении носителей АРОЕ4 с теми, у кого другие копии гена АРОЕ. На данный момент нам точно не известно, почему у носителей АРОЕ4 повышен риск развития болезни Альцгеймера, но предполагается, что поскольку точечные мутации приводят к аминокислотным

заменам, изменяется конформация белка аполипопротеина Е и это приводит к тому, что он менее эффективен при уничтожении бета-амилоидных бляшек, потому что хуже с ними связывается и поэтому не может осуществить их транспорт через гематоэнцефалический барьер. Дополнительно у носителей варианта АРӨЕ4 наблюдается более заметная атрофия мозговых тканей, снижение метаболизма глюкозы, нарушение работы синапсов и нейрогенеза в гиппокампе.

Помимо варианта гена АРӨЕ, пол человека влияет на риск развития болезни Альцгеймера: вероятность такого диагноза у женщин с одним или двумя вариантами АРӨЕ выше, хотя мы до сих пор не понимаем лежащие в основе этого механизмы.

Также с развитием болезни Альцгеймера потенциально связывают варианты гена APP, который кодирует белок-предшественник APP (англ. *Amyloid precursor protein*, APP), при процессинге которого получается бета-амилоид [Hardy, Higgins 1992]. Ген APP расположен на 21-й хромосоме, а трисомия по 21-й хромосоме приводит к синдрому Дауна и развитию Альцгеймероподобной патологии, что делает ген APP крайне интересной мишенью для изучения патогенеза болезни Альцгеймера – уже обнаружено 25 мутаций, которые потенциально приводят к развитию болезни Альцгеймера.

Еще два гена, потенциально ответственных за развитие болезни Альцгеймера, – это гены пресенилин-1 (PSEN1) на 14-й хромосоме и пресенилин-2 (PSEN2) на 1-й хромосоме [De Strooper 2007]. Обнаружено больше 150 мутаций в PSEN1 и около 10 мутаций в PSEN2, которые могут приводить к развитию наследственной болезни Альцгеймера. Полная инактивация генов PSEN1 и PSEN2 приводит к прекращению синтеза бета-амилоида, а некоторые мутации в этих генах сдвигают соотношение в пользу длинного бета-амилоида (42 аминокислоты) относительно короткого бета-амилоида (40 аминокислот), в то время как длинный бета-амилоид является нейротоксичным и приводит к образованию бета-амилоидных бляшек.

Эпигенетические аспекты болезни Альцгеймера

Эпигенетика изучает особенности «упаковки» молекулы ДНК в клетке. Для этого в клетке существует специальный класс белков – гистонов. Выделяют коровые (т. е. основные, «корневые») гистоны (H2A, H2B, H3, H4) и линкерный гистон (H1/H5). Коровые гистоны образуют белковую структуру, которая выступает в роли каркаса, на который наматывается ДНК – вместе с линкерным гистоном эта структурная часть хромосомы называется нуклеосома.

Не так давно обратили внимание на связь накопления тау-белка при болезни Альцгеймера с его влиянием на эпигеном клетки: тау-белок регулирует ацетилирование, т. е. присоединение остатка уксусной кислоты к остатку лизина в коровом гистоне H3 [Klein et al. 2019]. При изучении H3K9ac (точки ацетилирования в гистоне H3) на мышинных моделях болезни Альцгеймера обнаружилось, что чрезмерное количество тау-белка приводит к изменению структуры хроматина. Поэтому одним из потенциальных направлений терапии при болезни Альцгеймера могут быть лекарственные препараты, которые блокируют избыток тау-белка и приведут к правильной структуре хроматина [Serý et al. 2013].

Медиаторные аспекты болезни Альцгеймера

Одной из первых предложенных гипотез для объяснения патогенеза при болезни Альцгеймера была холинергическая гипотеза. Было обнаружено, что при болезни Альцгеймера *снижается работа ацетилхолиновой системы мозга*, поэтому многие лекарственные препараты направлены на восстановление работы этой системы. Так, первое лекарство от болезни Альцгеймера, которое появилось на рынке, – такрин, является ингибитором холинэстеразы, которая катализирует гидролиз ацетилхолина и таким образом прекращает его воздействие на холинрецептор. Такрин относится к классу старых препаратов, поэтому сейчас вместо него используют другие препараты, которые тоже являются ингибиторами холинэстеразы: донепезил, ривастигмин, галантамин. На данный момент остается открытым вопрос, что именно вызывает нарушение работы ацетилхолиновой системы мозга при болезни Альцгеймера и холинергическая гипотеза считается скорее устаревшей, хотя на ее основе и были созданы препараты с доказанной эффективностью.

Также при болезни Альцгеймера *нарушается работа глутаматной системы мозга*: в межклеточное пространство начинает выделяться избыточное количество глутамата. Глутамат связывается с NMDA-рецепторами, вследствие чего усиливается ток кальция внутрь нейрона, что в итоге приводит к его гибели. В данной ситуации глутамат выступает в роли эндогенного токсина, избыток которого приводит к эксайтотоксичности. Поэтому при лечении болезни Альцгеймера используется препарат мемантин, который является антагонистом NMDA-рецепторов. В нормальном состоянии эти рецепторы заблокированы за счет магниевых пробок, но при сильной глутаматной стимуляции магниевые пробки вышибаются, открывая проход для тока кальция внутрь клетки. Мемантин

блокирует NMDA-рецепторы, перекрывая ток кальция в клетку. В большинстве схем лечения совмещают ингибиторы холинэстеразы и антагонисты NMDA-рецепторов, потому что при болезни Альцгеймера одновременно нарушается работа холинэргической и глутаматной систем мозга.

Кроме того, при болезни Альцгеймера наблюдается повышенная продукция кортизола и диссоциация между уровнем АКГГ (аденокортикотропный гормон) и кортизола, т. е. происходит АКГГ-независимый выброс кортизола корой надпочечников и развивается хронический стресс.

Нейроморфологические и нейрофизиологические аспекты болезни Альцгеймера

При развитии болезни Альцгеймера за счет массового отмирания нейронов заметно атрофируются гиппокамп [Jack et al. 2000] и кора больших полушарий – уменьшается толщина коры. Происходит увеличение объема желудочков, сужение извилин, углубление борозд, что в целом приводит к уменьшению массы и объема головного мозга [Wahlund et al. 2017]. Наблюдается выраженная дегенерация синапсов в гиппокампе, височной доле и базальных ганглиях. Также для болезни Альцгеймера, в отличие от деменции, характерны атрофия предклинья и задней части зубчатой извилины.

По мере развития болезни Альцгеймера усиливается атрофия гиппокампа, причем уменьшение объема гиппокампа относительно среднего размера на умеренной стадии болезни Альцгеймера обладает предсказательным эффектом и позволяет предположить, кто из пациентов скоро перейдет в тяжелую стадию, а кто сможет стабильно оставаться на умеренной стадии.

Данные фМРТ показывают, что при выполнении различных заданий активность головного мозга носителей варианта АРОЕ4 отличается от активности головного мозга людей без этого варианта [Filippini et al. 2009]. В состоянии покоя у них повышена активность медиально-префронтальной коры, а также передней части гиппокампа. При выполнении заданий на запоминание у носителей варианта АРОЕ4 была выше активность правого гиппокампа и мозжечка. При этом не обнаружено никаких отличий в объеме мозга или отдельно гиппокампа.

Одна из основных гипотез, объясняющая патогенез болезни Альцгеймера, – это *амилоидная гипотеза*, или гипотеза амилоидного каскада [Karran et al. 2011]. Она предполагает, что основной причиной заболевания являются нерастворимые отложения бета-

амилоида в мозговой ткани (так называемые бета-амилоидные бляшки) и скопления тау-белка в теле нейронов (так называемые нейрофибриллярные клубки) – их обнаружил еще Алоис Альцгеймер. Для однозначной постановки диагноза «болезнь Альцгеймера» в мозге пациента должны обнаруживаться нейрофибриллярные бляшки и клубки.

В норме тау-белок стабилизирует микротрубочки в клетках, поэтому в большом количестве присутствует в нервных клетках, однако при дезинтеграции микротрубочек слипшиеся нити тау-белка образуют нейрофибриллярные клубки. Причем возникновение нейрофибриллярных клубков в различных отделах мозга соотносится с появлением определенных симптомов: например, на ранних этапах болезни Альцгеймера больше всего страдает кратковременная память, что совпадает с образованием первых нейрофибриллярных клубков в гиппокампе, как раз ответственным за процесс консолидации воспоминаний.

Белок бета-амилоид процессируется из белка-предшественника APP (англ. *Amyloid precursor protein*, APP). В результате может получиться длинный бета-амилоид длиной в 42 аминокислоты или короткий бета-амилоид, состоящий из 40 аминокислот. Считается, что или сам по себе белок бета-амилоид-42, или продукты, остающиеся после его образования из APP, являются нейротоксичными. Белок бета-амилоида способен повышать внутриклеточную концентрацию кальция, что приводит к фосфорилированию тау-белка и в конечном итоге – к образованию нейрофибриллярных клубков, т. е. запускается патологический каскад, способствующий развитию симптомов болезни Альцгеймера. Таким образом белок бета-амилоид инициирует воспалительный процесс, продукты которого также токсичны для нейронов и ускоряют развитие патологии.

Дополнительным аргументом в поддержку амилоидной гипотезы служит тот факт, что трисомия по 21-й хромосоме у людей с синдромом Дауна поддерживает образование белка бета-амилоида. И практически у всех пациентов с синдромом Дауна в возрасте до 40 лет развивается Альцгеймероподобная патология.

Изначально предполагалось, что простое физическое накопление бета-амилоидных бляшек и нейрофибриллярных клубков в мозговой ткани само по себе приводит к снижению когнитивных функций, однако сейчас считается, что бета-амилоидные бляшки лишь запускают последовательность нейродегенеративных изменений, которые приводят к развитию болезни Альцгеймера.

В настоящее время также всерьез рассматривают гипотезу о возможности заражения болезнью Альцгеймера при нейрохирур-

гических операциях. Белок бета-амилоид может оставаться на металлических хирургических инструментах даже после стандартной процедуры очистки. Если эта гипотеза подтвердится, придется вводить дополнительные процедуры по дезинфекции хирургических инструментов.

Отдельного упоминания заслуживает тот факт, что есть группа людей, у которых присутствует умеренное количество бета-амилоидных бляшек, а также нейрофибриллярных клубков в коре головного мозга, что делает их мозг больше по весу по сравнению с контрольной группой, но при этом у них не наблюдается снижение когнитивных функций и развитие болезни Альцгеймера [Katzman et al. 1988]. Предполагается, что такое возможно за счет изначально большего количества крупных пирамидальных нейронов у этих людей, поэтому симптомы болезни Альцгеймера проявились бы у них позже, если бы они дожили до этого момента.

Профилактика болезни Альцгеймера

На основании гипотезы когнитивного резерва получение высшего образования позволяет замедлить разворачивание болезни Альцгеймера и примерно в два раза удлинить промежуток времени от проявления первых симптомов до наступления тяжелой стадии болезни [Amieva et al. 2014].

Многие исследования подтверждают, что активное социальное или интеллектуальное взаимодействие (например, путешествия, вязание, настольные игры, чтение книг) приводит как к снижению вероятности развития болезни Альцгеймера, так и к менее явному проявлению симптомов. Если человек ощущает свою принадлежность к социальной группе и не чувствует себя изолированным и одиноким, это снижает риски развития болезни Альцгеймера.

Также имеется довольно большое количество исследований, подтверждающих позитивный эффект физических упражнений: регулярные занятия приводят к усилению нейрогенеза в зубчатой извилине гиппокампа, улучшению когнитивных функций, а также к снижению риска развития деменции [Scarmeas, Stern 2004].

Депривация сна приводит к повышению количества белка бета-амилоида в спинномозговой жидкости, потому что образование бета-амилоида связывают с синаптической активностью, которая очевидно ниже во время сна. Поэтому соблюдение гигиены сна потенциально позволяет снизить риски развития болезни Альцгеймера [Kang et al. 2009].

Заключение

Несмотря на наличие разнообразных гипотез и большой объем накопленных данных, у нас до сих пор нет надежной модели болезни Альцгеймера, которая позволила бы объяснить причины ее возникновения и особенности протекания.

Основной ген, связываемый с развитием болезни Альцгеймера, – это ген APOE. Однако важно помнить, что наличие одного или двух вариантов APOE4 лишь повышает вероятность развития болезни Альцгеймера, а не является однозначно детерминирующим ее развитие фактором. Хотя имеются данные, что у носителей варианта APOE4 активность мозговых структур отличается по сравнению с носителями других вариантов.

Еще три гена, связанные с развитием болезни Альцгеймера, – это гены APP (21-я хромосома), PSEN1 (14-я хромосома), PSEN2 (1-я хромосома). На данный момент мы не до конца понимаем роль этих генов, но обнаружено, что определенные мутации в этих генах приводят к увеличенному синтезу нейротоксичного белка бета-амилоида в его длинной форме из 42 аминокислот. Помимо генетических факторов болезни Альцгеймера, отдельное внимание сейчас уделяется эпигенетическим исследованиям.

На медиаторном уровне при болезни Альцгеймера одновременно нарушается работа холинэргической и глутаматной систем мозга, поэтому в большинстве схем лечения совмещают ингибиторы холинэстеразы и антагонисты NMDA-рецепторов.

При прогрессировании болезни Альцгеймера усиливается атрофия гиппокампа и коры больших полушарий. В разных мозговых структурах происходит накопление бета-амилоидных бляшек и образуются нейрофибриллярные клубки из тау-белка. Это способствует запуску патологического каскада, который приводит к гибели нейронов и развитию симптомов болезни Альцгеймера. Хотя важно отметить, что зафиксированы несколько случаев, когда при образовании бета-амилоидных бляшек и нейрофибриллярных клубков у людей все равно не наблюдалось развития болезни Альцгеймера.

К сожалению, на данный момент все лекарственные препараты, которые применяются при болезни Альцгеймера, лишь замедляют развитие симптомов, но не могут окончательно вылечить человека. Остается надеяться, что в ближайшем будущем мы сможем окончательно разобраться, как и почему возникает и развивается болезнь Альцгеймера, и сможем придумать эффективную схему ранней диагностики и результативного лечения на основании этой объяснительной модели.

Литература

- Álvarez-Linera, Jiménez-Huete 2019 – *Álvarez-Linera P.J., Jiménez-Huete A.* Neuroimaging in dementia. Clinical-radiological correlation // *Radiologia*. 2019. Vol. 61 (1). P. 66–81.
- Amieva et al. 2014 – *Amieva H., Mokri H., Le Goff M., Meillon C., Jacqmin-Gadda H., Foubert-Samier A., Orgogozo J.-M., Stern Y., Dartigues J.-F.* Compensatory mechanisms in higher-educated subjects with Alzheimer's disease: A study of 20 years of cognitive decline // *Brain: A Journal of Neurology*. 2014. Vol. 137. Iss. 4. P. 1167–1175.
- Contador et al. 2024 – *Contador I., Buch-Vicente B., Del Ser T., Llamas-Velasco S., Villarejo-Galende A., Benito-León J., Bermejo-Pareja F.* Charting Alzheimer's Disease and Dementia: Epidemiological Insights, Risk Factors and Prevention Pathways // *Journal of Clinical Medicine*. 2024. Vol. 13. No. 14. P. 1314–4100.
- De Strooper 2007 – *De Strooper B.* Loss-of-function presenilin mutations in Alzheimer disease. Talking Point on the role of presenilin mutations in Alzheimer disease // *EMBO Reports*. 2007. Vol. 8. No. 2. P. 141–146.
- Filippini et al. 2009 – *Filippini N., MacIntosh B.J., Hough M.G., Goodwin G.M., Frisoni G.B., Smith S.M., Matthews P.M., Beckmann C.F., Mackay C.E.* Distinct patterns of brain activity in young carriers of the APOE-ε4 allele // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2009. Vol. 106 (17). P. 7209–7214.
- Hardy, Higgins 1992 – *Hardy J.A., Higgins G.A.* Alzheimer's disease: The amyloid cascade hypothesis // *Science*. 1992. Vol. 256. P. 184–185.
- Jack et al. 2000 – *Jack C.R., Petersen R.C., Xu Y., O'Brien P.C., Smith G.E., Ivnik R.J., Boeve B.F., Tangalos E.G., Kokmen E.* Rates of Hippocampal Atrophy Correlate with Change in Clinical Status in Aging and AD // *Neurology*. 2000. Vol. 55. Iss. 4. P. 484–489.
- Kang et al. 2009 – *Kang J.-E., Lim M.M., Bateman R.J., Lee J.J., Smyth L.P., Cirrito J.R., Fujiki N., Nishino S., Holtzman D.M.* Amyloid-β Dynamics Are Regulated by Orexin and the Sleep-Wake Cycle // *Science*. 2009. Vol. 326. Iss. 5955. P. 1005–1007.
- Karran et al. 2011 – *Karran E., Mercken M., Strooper B.D.* The amyloid cascade hypothesis for Alzheimer's disease: An appraisal for the development of therapeutics // *Nature Reviews Drug Discovery*. 2011. Vol. 10 (9). P. 698–712.
- Katzman et al. 1988 – *Katzman R., Terry R., DeTeresa R., Brown T., Davies P., Fuld P., Renbing X., Peck A.* Clinical, pathological, and neurochemical changes in dementia: A subgroup with preserved mental status and numerous neocortical plaques // *Annals of Neurology*. 1988. Vol. 23 (2). P. 138–144.
- Klein et al. 2019 – *Klein H.-U., McCabe C., Gjoneska E., Sullivan S.E., Kaskow B.J., Tang A., Smith R.V., Xu J., Pfenning A.R., Bernstein B.E., Meissner A., Schneider J.A., Mostafavi S., Tsai L.-H., Young-Pearse T.L., Bennett D.A., Jager P.L.D.* Epigenome-wide study uncovers large-scale changes in histone acetylation driven by tau pathology in aging and Alzheimer's human brains // *Nature Neuroscience*. 2019. Vol. 22 (1). P. 37–46.

- Koenig et al. 2005 – Koenig T., Prichet L., Dierks T., Hubl D., Wahlund L.O., John E.R., Jelic V. Decreased EEG synchronization in Alzheimer's disease and mild cognitive impairment // *Neurobiology of Aging*. 2005. Vol. 26. Iss. 2. P. 165–171.
- Li et al. 2014 – Li X.-L., Hu N., Tan M.-S., Yu J.-T., Tan, L. Behavioral and Psychological Symptoms in Alzheimer's Disease // *BioMed Research International*. 2014. Vol. 2014. Iss. 1. 9 p.
- Scarmeas, Stern 2004 – Scarmeas N., Stern Y. Cognitive Reserve: Implications for Diagnosis and Prevention of Alzheimer's Disease // *Current neurology and neuroscience reports*. 2004. Vol. 4 (5). P. 374–380.
- Serý et al. 2013 – Serý O., Povová J., Míšek I., Pešák L., Janout V. Molecular mechanisms of neuropathological changes in Alzheimer's disease: A review // *Folia Neuropathologica*. 2013. Vol. 51 (1). P. 1–9.
- Snider et al. 2005 – Snider B.J., Norton J., Coats M.A., Chakraborty S., Hou C.E., Jervis R., Lendon C.L., Goate A.M., McKeel D.W., Morris J.C. Novel presenilin 1 mutation (S170F) causing Alzheimer disease with Lewy bodies in the third decade of life // *Archives of Neurology*. 2005. Vol. 62 (12). P. 1821–1830.
- Wahlund et al. 2016 – Wahlund L.-O., Westman E., van Westen D., Wallin A., Shams S., Cavallin L., Larsson E.-M. Imaging biomarkers of dementia: Recommended visual rating scales with teaching cases // *Insights into Imaging*. 2016. Vol. 8 (1). P. 79–90.
- Wu, Zhao 2016 – Wu L., Zhao L. ApoE2 and Alzheimer's disease: Time to take a closer look // *Neural Regeneration Research*. 2016. Vol. 11. Iss. 3. P. 412–413.

References

- Álvarez-Linera, P.J. and Jiménez-Huete, A. (2019), “Neuroimaging in dementia. Clinical-radiological correlation”, *Radiologia*, vol. 61 (1), pp. 66–81.
- Amieva, H., Mokri, H., Le Goff, M., Meillon, C., Jacqmin-Gadda, H., Foubert-Samier, A., Orgogozo, J.-M., Stern, Y. and Dartigues, J.-F. (2014), “Compensatory mechanisms in higher-educated subjects with Alzheimer's disease: A study of 20 years of cognitive decline”, *Brain: A Journal of Neurology*, vol. 137, iss. 4, pp. 1167–1175.
- Contador, I., Buch-Vicente, B., Del Ser, T., Llamas-Velasco, S., Villarejo-Galende, A., Benito-León, J. and Bermejo-Pareja, F. (2024), “Charting Alzheimer's Disease and Dementia: Epidemiological Insights, Risk Factors and Prevention Pathways”, *Journal of Clinical Medicine*, vol. 13, no. 14, pp. 1314–4100.
- De Strooper, B. (2007), “Loss-of-function presenilin mutations in Alzheimer disease. Talking Point on the role of presenilin mutations in Alzheimer disease”, *EMBO Reports*, vol. 8, no. 2, pp. 141–146.
- Filippini, N., MacIntosh, B.J., Hough, M.G., Goodwin, G.M., Frisoni, G.B., Smith, S.M., Matthews, P.M., Beckmann, C.F. and Mackay, C.E. (2009), “Distinct patterns of brain activity in young carriers of the APOE-ε4 allele”, *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 106 (17), pp. 7209–7214.

- Hardy, J.A. and Higgins, G.A. (1992), "Alzheimer's disease: The amyloid cascade hypothesis", *Science*, vol. 256, pp. 184–185.
- Jack, C.R., Petersen, R.C., Xu, Y., O'Brien, P.C., Smith, G.E., Ivnik, R.J., Boeve, B.F., Tangalos, E.G. and Kokmen, E. (2000), "Rates of Hippocampal Atrophy Correlate with Change in Clinical Status in Aging and AD", *Neurology*, vol. 55, iss. 4, pp. 484–489.
- Kang, J.-E., Lim, M.M., Bateman, R.J., Lee, J.J., Smyth, L.P., Cirrito, J.R., Fujiki, N., Nishino, S. and Holtzman, D.M. (2009), "Amyloid- β Dynamics Are Regulated by Orexin and the Sleep-Wake Cycle", *Science*, vol. 326, iss. 5955, pp. 1005–1007.
- Karran, E., Mercken, M. and Strooper, B.D. (2011), "The amyloid cascade hypothesis for Alzheimer's disease: An appraisal for the development of therapeutics", *Nature Reviews Drug Discovery*, vol. 10 (9), pp. 698–712.
- Katzman, R., Terry, R., DeTeresa, R., Brown, T., Davies, P., Fuld, P., Renbing, X. and Peck, A. (1988), "Clinical, pathological, and neurochemical changes in dementia: A subgroup with preserved mental status and numerous neocortical plaques", *Annals of Neurology*, vol. 23 (2), pp. 138–144.
- Klein, H.-U., McCabe, C., Gjoneska, E., Sullivan, S.E., Kaskow, B.J., Tang, A., Smith, R.V., Xu, J., Pfenning, A.R., Bernstein, B.E., Meissner, A., Schneider, J.A., Mostafavi, S., Tsai, L.-H., Young-Pearse, T.L., Bennett, D.A. and Jager, P.L.D. (2019), "Epigenome-wide study uncovers large-scale changes in histone acetylation driven by tau pathology in aging and Alzheimer's human brains", *Nature Neuroscience*, vol. 22 (1), pp. 37–46.
- Koenig, T., Prichep, L., Dierks, T., Hubl, D., Wahlund, L.O., John, E.R. and Jelic, V. (2005), "Decreased EEG synchronization in Alzheimer's disease and mild cognitive impairment", *Neurobiology of Aging*, vol. 26, iss. 2, pp. 165–171.
- Li, X.-L., Hu, N., Tan, M.-S., Yu, J.-T. and Tan, L. (2014), "Behavioral and Psychological Symptoms in Alzheimer's Disease", *BioMed Research International*, vol. 2014, iss. 1, 9 p.
- Scarmeas, N. and Stern, Y. (2004), "Cognitive Reserve: Implications for Diagnosis and Prevention of Alzheimer's Disease", *Current neurology and neuroscience reports*, vol. 4 (5), pp. 374–380.
- Serý, O., Povová, J., Míšek, I., Pešák, L. and Janout, V. (2013), "Molecular mechanisms of neuropathological changes in Alzheimer's disease: A review", *Folia Neuropathologica*, vol. 51 (1), pp. 1–9.
- Snider, B.J., Norton, J., Coats, M.A., Chakraverty, S., Hou, C.E., Jarvis, R., Lendon, C.L., Goate, A.M., McKeel, D.W. and Morris, J.C. (2005), "Novel presenilin 1 mutation (S170F) causing Alzheimer disease with Lewy bodies in the third decade of life", *Archives of Neurology*, vol. 62 (12), pp. 1821–1830.
- Wahlund, L.-O., Westman, E., van Westen, D., Wallin, A., Shams, S., Cavallin, L. and Larsson, E.-M. (2016), "Imaging biomarkers of dementia: Recommended visual rating scales with teaching cases", *Insights into Imaging*, vol. 8 (1), pp. 79–90.
- Wu, L. and Zhao, L. (2016), "ApoE2 and Alzheimer's disease: Time to take a closer look", *Neural Regeneration Research*, vol. 11, iss. 3, pp. 412–413.

Информация об авторе

Полина О. Кривых, Тель-Авивский университет, Тель-Авив, Израиль; 699780, Израиль, Тель-Авив Яффо, ул. Хаим Леванон, д. 55; krivykh.polina@gmail.com

Information about the author

Polina O. Krivykh, Tel Aviv University, Tel Aviv, Israel; bld. 55, Chaim Levanon Street, Tel Aviv-Yafo, Israel, 699780; krivykh.polina@gmail.com

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Психология. Педагогика. Образование»
№ 1
2025

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
Н.В. Москвина

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73401 от 3 августа 2018 г.
Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 12.03.2025

Выход в свет 19.03.2025

Формат 60×90^{1/16}

Уч.-изд. л. 10,0. Усл. печ. л. 10,0

Тираж 1050 экз. Свободная цена

Заказ № 2124

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru